

Проф. Э. Клоддъ.

Эволюція
человѣчества
въ письменахъ.

ИСТОРИЯ АЛФАВИТА.

Библиотека для Саморазвитія.

Издательство «Вѣстника Знанія»

(В. В. Битнера).

Безплат. прилож. къ № 5 „Вѣстника Знанія“. 1903 г.

ИЗЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ „ВѢСТНИКА ЗНАНІЯ“ МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ

Волшебный фонарь

«В. Зн.» усоверш. сист. с объектив., конденсат. лампою. Ц. для подпис. изданій «Вѣст. Зн.» 4 руб., упаковка 50 к., перес. за 12 ф. в 1 поясъ—75 к., во 2—1 р. 35 к., в 3—1 р. 95 к., в Манчж. 2 р. 55 к. Для неподписчиков ц. фонаря без перес. 5 р. 50 к.

Продолжается подписка на слѣд. **отдѣльные** изданія «Вѣстника Знанія»:

12 кн.

Настольная иллюстрирован. ЭНЦИКЛОПЕДІЯ

Цѣна
в год
с перес.
5 р.

Для подписчик. «Вѣстника Знанія» 3 р. 50 к.

под общей редакціей **В. Битнера.**

В трех томах по 1024 стб.кажд., с рис., картами и пр.; отдѣлы ред. специалистами. Вых. с м. ноября 1907 г. и законч. в концѣ окт. 1908 г. При подпис. на «Н. Энци.» вмѣстѣ с др. изданіями «В. Зн.» допуск. разсрочка. Ц. перв. вып.—1 р., кот. засч. в подписную сумму.

Подписка на роскошное изданіе серіи капитальных сочиненій для завершенія образованія въ отдѣльных областях знанія, под общим заглавіем:

Научная Библиотека

под общей редакціей **В. Битнера,**

состоящая из 6 отдѣловъ, каждый по 2 вып. в год; подп. цѣна

3 р.,
без пер.
2 р. 50к.

кажд. отд.
в год
(12 вып.)

В Биологическом отд. печ. соч. Каруса Штерне. «Мір, его прошлое, наст. и будущ.» Истор. разв. вселен. и ея обитателей в общепон. излож.

Историческій отд.: Проф. Шиллер «Всемір. исторія с древн. врем. до нач. XX ст.».

Общественный отд.: Проф. Ван-дер Боргт. «Основы соціальной политики» и проф. Альбер «Политическіе мыслители XVIII и XIX» вв.

Философскій отд.: Проф. Браш. «Классики философіи. Громадныя иллюстр. истор. филос. с выдержками из подлин. сочин. философов.

Географическій отд.: Проф. Эккерт. «Экономич. физич. и политич. географія». С дополи. «Россія, полное описаніе», под ред. пр. Э. Ф. Лесгафта.

Этическій отд.: (Вопросы духа, вѣры и нравств.) нач. печатаніем двух соч.: «Исторія религіи с древн. времен. до наших дней», нов. изд. знамен. труда проф. Шантепи-де-ля-Сосей и „Половой вопрос“ проф. Фореля.

Всѣ шесть отдѣловъ, стоят в год (72 вып.) 18 р. с перес. или по 3 р. кажд. (12 вып.). Изданіе на прекрас. бум. и роскошно иллюстр. множ. рис., отдѣльн. картин, таблиц., хромолит., карт и пр. Подписав. на **Биологич.** отд. позже ноября 1907 г. приплачив. сверх подп. цѣны 30 к.

Адрес для всѣх перечисленных изданій: С.-Петербург. Невскій пр., 147. Глав. конт. изд-ва «Вѣстника Знанія». Подробн. объявл., брошюра, устав. просвѣтит. союза «Вѣст. Зн.» и каталог—выс. безпл. в люб. колич. для распростр.

Ред. изд. **В. В. Битнеръ.**

Эдуардъ Клоддъ.

Эволюція
человѣчества
въ письменахъ.

ИСТОРИЯ АЛФАВИТА.

Переводъ съ англійскаго.

А. А. Николаева.

Подъ редакціей В. В. Битнера.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издательство „Вѣстникъ Знанія“.
1908.

Типография „Т-ва Художественной Печати“, Спб., Ивановская, 14.

Индійская петиція конгрессу С.-А. Соединенныхъ Штатовъ.

Эдуардъ Клоддъ *).

Эволюція человѣчества въ письменахъ.

Исторія алфавита.

„Двумя величайшими изобрѣтеніями человеческого ума являются письмена и монеты: первыя стали общимъ языкомъ человеческого ума, а вторыя — общимъ языкомъ личнаго интереса“.

Маркизъ Мирабо.

ГЛАВА I.

В в е д е н і е.

„Что у человѣка находится постоянно передъ глазами, того онъ обыкновенно не замѣчаетъ“... И, дѣйствительно, едва-ли найдется одинъ изъ десяти тысячъ современныхъ читателей, который-бы остановился надъ вопросомъ, откуда и какъ появился алфавитъ. дающій въ различныхъ своихъ комбинаціяхъ сотни тысячъ словъ современнаго языка.

Профессоръ Максъ Мюллеръ говоритъ, что „сдѣлавъ всѣ возможные сочетанія изъ 23 или 24 буквъ, мы можемъ получить любое слово, которое когда либо появлялось у какого бы то ни было народа. Число такихъ словъ при 23 буквахъ было бы 25, 852, 016, 738, 884, 976, 640,000, а при 24 буквахъ 620, 448, 401, 733, 239, 439, 360,000; но“, — какъ дѣлаетъ профессоръ предупрежденіе, все значеніе котораго выяснится для насъ позднѣе, — „эти триллионы, билліоны и милліоны звуковъ не были бы еще словами, такъ какъ имъ недоставало-бы того важнѣйшаго составнаго элемента, который одинъ и дѣлаетъ слово словомъ, — а именно различныхъ идей, которыми они были вызваны къ жизни и которыя выражаются различно на различныхъ языкахъ“.

Подобно тому, какъ произведя анализъ надъ словами, мы можемъ открыть исторію ихъ происхожденія и тѣхъ перемѣвъ, которымъ они подверглись въ составѣ буквъ и въ своемъ значеніи въ то время, когда они переходили отъ старыхъ формъ къ современнымъ, и можемъ отыскать тѣ основанія, которыя управляли ихъ выборомъ, — такъ же и на буквахъ, которыя составляютъ эти

*) Читателямъ, желающимъ изучить предметъ настоящей книги болѣе всесторонне, можемъ рекомендовать прочесть между прочимъ: Мальверъ, „Наука и религія“ и Грантъ-Алень, „Эволюція идеи божества“ — оба изд. „Вѣст. Зн.“. *Ред.*

слова, лежить печать подобных же законовъ развитія. Исторія, которую мы здѣсь стараемся извлечь изъ нихъ, имѣетъ не только главы несовершенныя и испорченныя, но и главы совершенно затеряныя, которыя, быть можетъ, никогда не будутъ восстановлены. Но тѣмъ не менѣе до насъ дошло достаточно матерьяла, по которому мы можемъ рассказать о триумфѣ человѣческаго ума въ рѣшеніи одной изъ самыхъ трудныхъ задачъ, какія только онъ самъ себѣ ставилъ,—задачи, невыполненіе которой позволило бы человѣческому прогрессу, въ высшемъ смыслѣ этого слова, дойти лишь до извѣстнаго предѣла. Мы говоримъ: „въ высшемъ смыслѣ“, такъ какъ человѣчество сдѣлало длинный путь, не обладая искусствомъ чтенія и письма...

Безграмотный человѣкъ можетъ быть прекраснымъ художникомъ-пейзажистомъ, искуснымъ инженеромъ, хорошимъ сельскимъ хозяиномъ или торговцемъ; безъ грамоты онъ можетъ удачно вести многія дѣла, поскольку онъ ограничиваетъ свои желанія „хлѣбомъ единымъ“. Правда и то, что многія приобрѣтенія, сдѣланныя человѣчествомъ въ прошломъ въ области умственной и духовной жизни, долгое время сохранялись въ формѣ устныхъ преданій. Но такая передача во всякомъ случаѣ оказывается ограниченной, а время и капризы человѣка дѣйствуютъ на нее разрушающимъ образомъ. Память, какъ бы ни была она емкой въ то время, когда печатное слово еще не вліяло на нее понижающимъ образомъ, не была непогрѣшимой, а по мѣрѣ того, какъ мировой запасъ знаній увеличивался, она не успѣвала „срывать свои старыя житницы и возводить новыя, болѣе высокія размѣровъ, гдѣ могла бы хранить свои богатства“. Нужно,—что почти невозможно для нашего воображенія,—допустить только, что тысячи сложныхъ событій, которыя наполняютъ прошлое нашего міра, не сохранились въ письменныхъ памятникахъ для того, чтобы понять умственную нищету настоящаго. Если мы только допустимъ, что отсутствуютъ всѣ способы сообщенія съ друзьями на разстояніи и средство, при помощи котораго современныя сложныя и безчисленныя дѣловыя отношенія между людьми закрѣпляются на бумагѣ, а всякая сдѣлка „заносится въ книгу“, то можно представить себѣ всю безнадежную путаницу нашей общественной жизни, которая бы при этомъ произошла.

Все, что не охватила память, было абсолютно потеряно; не датированные и иначе не записанные памятники, которые прошлое оставило намъ, сгущали бы только темноту; мы ничего бы не могли узнать объ усиліяхъ и размысленіяхъ людей древности; всѣ наблюденія, весь опытъ, благодаря которому наука перешла отъ догадокъ къ достовѣрному знанію, были бы потеряны для насъ безвозвратно; жизнь бы тянулась изо дня въ день и представляла бы зрѣлище застоя въ мірѣ мыслящихъ существъ. Великія этическія произведенія Востока и Запада погибли бы для насъ, если не считать тѣхъ отрывковъ, которые какъ эхо повторялись капризными бардами, и безсмертныя литературы цѣлаго ряда послѣдовательныхъ вѣковъ какъ бы совсѣмъ не существовали для насъ. Одно только изобрѣтеніе письма сдѣлало возможнымъ для человѣчества переходъ отъ варварскаго состоянія къ цивилизаціи и обезпечило человѣческой расѣ постоянный прогрессъ. И только путемъ удивительнаго и крайне постепеннаго совершенствованія письма прошлое для насъ теперь такъ же краснорѣчиво, такъ же реально, какъ и настоящее.

Всѣ эти соображенія въ настоящее время въ достаточной мѣрѣ сдѣлались общимъ мѣстомъ, но все же я считалъ не бесполезнымъ привести ихъ здѣсь. Точно такъ же два-три примѣра того, какое впечатлѣніе производятъ на умъ дикаря письма-символы, позволить намъ лучше оцѣнить то положеніе, въ которомъ мы очутились бы, если бы не обладали этими символами. Въ разсказѣ о своихъ приключеніяхъ на островахъ Тонга, опубликованномъ приблизительно 90 лѣтъ тому назадъ, Вильямъ Маринеръ описываетъ, какъ страстное желаніе убѣжать съ того мѣста, гдѣ онъ съ нѣсколькими англичанами застѣлъ на мель

вслѣдствіе крушенія корабля, заставило его написать растворомъ изъ пороха и слизи вмѣсто чернилъ, письмо, которое онъ довѣрилъ одному изъ расположенныхъ къ нему туземцевъ для передачи капитану того судна, которое случайно можетъ пристать къ берегамъ Тонга. Объ этомъ письмѣ прозналъ король Финау и захватилъ его. Но онъ не могъ разобрать въ немъ „ни головы, ни хвоста“. Однако, угрозами смертной казни, онъ добился отъ одного изъ сослуживцевъ Маринера по кораблю объясненія мистическихъ знаковъ, заключавшихся въ письмѣ. Сбитый совершенно съ толку, Финау послалъ за Маринеромъ и приказалъ ему написать что-нибудь иное; когда же Маринеръ обратился къ нему съ вопросомъ, о чемъ же писать, Финау отвѣтилъ: „напиши меня“. Когда это приказаніе было исполнено, Финау послалъ за другимъ морякомъ, который громко прочелъ королевское имя; этимъ обстоятельствомъ король, казалось, былъ смущенъ еще болѣе, чѣмъ прежде, и воскликнулъ: „да, это вовсе не похоже на меня, гдѣ же тутъ ноги?“ И только тогда онъ сталъ хотѣть отчасти догадываться о томъ, что можно посредствомъ знаковъ обозначить тѣ вещи, которые видѣлъ пишущій и диктующій. Но смущеніе снова охватило короля, когда Маринеръ объяснилъ ему, что онъ могъ описать на бумагѣ и того, кого онъ никогда не видѣлъ, или описать такія событія, которыя происходили много лѣтъ тому назадъ, если только объ этихъ лицахъ или объ этихъ событіяхъ ему разкажутъ. Тогда Финау на ухо произнесъ ему имя Тонгу Ахо, перваго короля на Тонгу, который, какъ это случайно было извѣстно Маринеру, былъ слѣпъ на одинъ глазъ. Когда Маринеръ написалъ все это и король заставилъ прочесть написанное ему вслухъ, то было объяснено, что „въ нѣкоторыхъ государствахъ извѣстія отправляются такимъ же образомъ на большія разстоянія, а такъ какъ письма при этомъ бывають сложены и запечатаны, то тотъ, кто ихъ несетъ, не можетъ узнать о ихъ содержаніи, и что исторіи цѣлыхъ націй такимъ образомъ были переданы потомству, безъ всякаго матерьяльнаго для нихъ ущерба“. Финау призналъ это изобрѣтеніе прекраснымъ, но нашелъ его однако непригоднымъ для острововъ Тонга; здѣсь оно сослужило бы службу лишь волненіямъ и заговорамъ, и онъ ни дня не былъ бы спокоенъ за свою жизнь. Для себя же лично,—прибавилъ онъ лукаво,—а равно и для женщинъ онъ считаетъ это изобрѣтеніе очень удобнымъ, такъ какъ любовныя похощенія его были бы менѣе рискованными и менѣе навлекали бы на него мстительность мужей“.

Smithsonian Reports, 1864 г., рассказываетъ случай съ однимъ индѣйцемъ, котораго миссіонеръ отправилъ къ своему товарищу съ четырьмя хлѣбцами и съ запиской, въ которой было указано число ихъ. Индѣецъ съѣлъ одинъ изъ хлѣбцевъ и былъ, конечно, изобличенъ. На другой разъ онъ былъ посланъ съ такой же посылкой и повторилъ кражу; но теперь онъ былъ осторожнѣе: на все время, пока онъ ѣлъ хлѣбецъ, онъ спряталъ записку подъ камень, такъ чтобы она не могла увидать, что онъ дѣлаетъ!

Идеи варварскаго ума распадаются на родственныя основныя группы, и только что приведенные примѣры связаны съ широко распространенной вѣрой въ способность написанныхъ знаковъ къ черной или бѣлой магіи, въ способность ихъ производить излѣченіе и другія чары. Вѣра эта широко выливается изъ тѣхъ легендъ, которыя приписываютъ происхожденіе письма богамъ,—и сами являются продуктомъ невѣжества, этой матери всего таинственнаго. Въ одной изъ ассирійскихъ надписей Сарданопаль У говорить о клинообразныхъ знакахъ, какъ объ откровеніи, которое было сдѣлано его предкамъ отъ бога Небо; у египтянъ Теотъ былъ писцомъ боговъ и ихъ древнѣйшія формы письма назывались „служителями боговъ“. Китайское преданіе приписываетъ изобрѣтеніе письма мудрецу Тс'ан-Чину, который обладалъ четырьмя глазами и лицомъ дракона и который образцы для своихъ письменныхъ знаковъ нашелъ въ звѣздахъ, слѣдахъ птичьихъ ногъ и рисункахъ на спинѣ ящерицы. При этомъ изобрѣтеніи „упалъ съ неба ливень изъ хлѣбныхъ зеренъ; безтѣлесные духи рыдали во мракъ

и драконы исчезли из виду“. На алтаряхъ, воздвигнутыхъ Тс'ангъ-Чину по всей Небесной Имперіи, сжигается въ честь его всякій случайный кусочекъ бумаги, на которомъ вмѣются какія-либо письмена. Въ легендѣ о Брамѣ, высшемъ божествѣ индійской тройцы, онъ самъ сткрываетъ людямъ искусство письма, и алфавитъ Нагари, на которомъ написаны священныя книги, считается „принадлежащимъ къ граду боговъ“. Почеркъ руки Брами,—продолжаетъ легенда,—виденъ на зубчатыхъ швахъ человѣческаго черепа; и подобно тому, какъ Ягве, или Йегова написалъ „десять заповѣдей“, своимъ собственнымъ пальцемъ, такъ Брама написалъ священныя тексты Веды на золотыхъ листьяхъ. Исторія героя культуры, Кадма, принесшаго алфавитъ изъ Финикіи въ Грецію, достаточно известна.

Относительно вѣры въ силу произнесеннаго слова, особенно въ цѣлебную его силу, иллюстрацій можно было бы привести буквально со всѣхъ концовъ свѣта; не меньшая вѣра существуетъ и въ силу написаннаго слова или какимъ-либо образомъ начертаннаго символа. Кабалистическія формулы и тексты изъ священныя книги играютъ въ этомъ отношеніи выдающуюся роль. Такъ, сила еврейскихъ рилактерій (кусочки кожи или пергамента, которыя носятъ на лбу) зависятъ, какъ гласитъ широко распространенное повѣріе, отъ тѣхъ священныя текстовъ, которыя на нихъ начертаны; амулеты, которые носятъ абиссинцами для отвращенія дурного глаза и предохраненіе отъ демоновъ, имѣютъ выгравированнымъ на себѣ тайное имя Бога; стихи изъ Корана вышиваются на чепракахъ и попонахъ, которыми покрываются турецкія и арабскія лошади для того, чтобы защитить ихъ отъ всякой порчи; неаполитанцы носятъ молитвы Мадоннѣ спрятанными въ своихъ коробочкахъ-амулетахъ; еще совсѣмъ недавно больныхъ въ Голландіи обмахивали листиками изъ Библии.

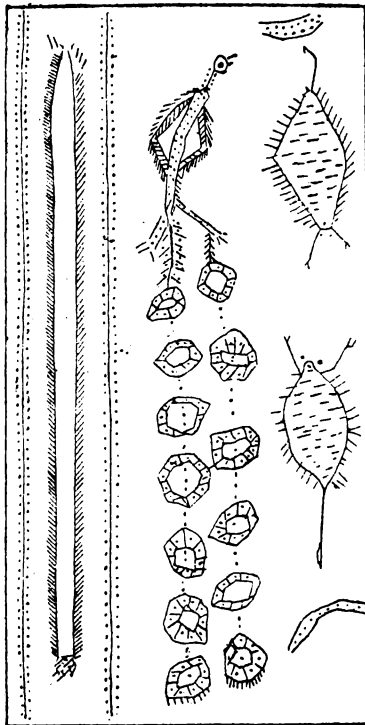

Рис. 1. Магическій пиктографъ противъ укусовъ.

Въ своей интересной и поучительной книжкѣ объ „Эволюціи въ искусствѣ“ проф. Хэддонъ сообщаетъ рядъ фактическихъ наблюдений о томъ, какъ одно изъ семагскихъ племенъ Восточной Маллаки пользуется рисунками для защиты противъ болѣзни и укуса ядовитыхъ насекомыхъ. Женщины носятъ бамбуковыя гребенки, на которыхъ выгравированы тѣ цвѣтки или части ихъ, которыя, по убѣжденію ихъ, обладаютъ способностью излѣчивать лихорадку и другія болѣзни другаго средства такого же рода употребляются для предупрежденія ушибовъ отъ падающихъ въ джунгляхъ сучьевъ и отъ укуса многоножекъ. Изъ магическихъ изображеній, вырѣзаемыхъ на бамбуковыхъ доскахъ семагскими магами, Воганъ Стивенсъ приводитъ тѣ, которыя защищаютъ противъ жала скорпіона и многоножекъ (рис. 1), и тѣ, которыя служатъ противъ кожныхъ болѣзней (рис. 2).

Среди первыхъ изображеній мы находимъ аргусова фазана, подъ которымъ помѣщены колесообразныя фигуры, изображающія глазки на хвостовыхъ перьяхъ этой птицы. Налѣво изображена оранжевая многоножка, голова которой повернута къ хвосту фазана. Пунктирныя линіи, которыя проведены вокругъ многоножки, обозначаютъ слѣды, оставляемые на кожѣ человѣка. По другую сторону фазана два синихъ скорпіона; линіи у конца ихъ хвоста изображаютъ ту припухлость, которая об-

разуется въ тѣлѣ человѣка отъ ихъ укуса. Самка скорпіоновъ этой породы оказываются болѣе ядовитыми, чѣмъ самцы и обладаютъ, какъ предполагаютъ туземцы, двойнымъ жаломъ, что обозначено двумя рядами пунктирныхъ линий у верхняго изображенія. „Значеніе этой бамбуковой доски опредѣляется тѣмъ, что аргусовый фазанъ питается многоножками и скорпіонами, а потому помощь его и призывается противъ этихъ насѣкомыхъ посредствомъ отпечатыванія этого рисунка на землѣ“.

Вторымъ примѣромъ, который представляетъ изъ себя гораздо болѣе сложное и условное приспособленіе, является амулетъ противъ двухъ родовъ кожной болѣзни. Одна изъ этихъ болѣзней представлена рыбею чешуей, указывающей на лепрозныя бѣлыя язвы, а другая—овальными фигурами, указывающими на твердые узелки на кожѣ и подъ кожей. Хотя и неясно, какъ надо пользоваться этимъ талисманомъ, но несомнѣнно, что вѣра въ исцѣляющую силу его принадлежитъ къ числу многочисленныхъ идей варварскаго ума, группирующихся вокругъ симпатической магіи, по которой вещи, схожія съ внѣшней стороны другъ съ другомъ, мыслятся варварскимъ, неразвитымъ умомъ обладающими одними и тѣми же качествами. Отсюда далѣе недалеко до вывода, что, произведя извѣстныя дѣйствія надъ вещами, принадлежащими какому-либо лицу, или еще лучше надъ его изображеніемъ, мы тѣмъ самымъ окажемся въ силахъ воздѣйствовать въ опредѣленномъ направленіи и на само это лицо. Достаточно сказать, что наиболѣе распространеннымъ случаемъ примѣненія такой „симпатической магіи“ будетъ уничтоженіе глиняной, восковой или иной фигурки, изображающей то лицо, о гибели котораго мы мечтаемъ, и увѣренность, что и жизнь невѣстнаго человѣка погибнетъ такъ же, какъ погибло его изображеніе. Такихъ примѣровъ можно было бы набрать очень много во всѣхъ частяхъ свѣта ¹⁾.

Всякая вещь облечена тайной по столько, поскольку ея происхожденіе и причины, ее породившія, остаются неизвѣстными; и тѣ вѣрованія и обычаи, которые были освѣщены здѣсь немногими, но многозначительными иллюстраціями, наводятъ на мысль о томъ, что если бы письменна осталась монополіей одной какой-нибудь касты или одного какого-нибудь класса, то они стали бы не орудіемъ освобожденія ума, а орудіемъ его порабощенія. „Знаніе—сила“ а человѣкомъ жадно захватывалось все, что ему обезпечивало власть надъ его ближними, особенно такимъ человѣ-

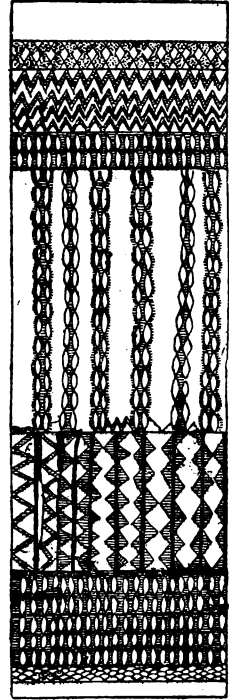

Рис. 2. Магическое приспособленіе противъ кожныхъ болѣзней.

¹⁾ Много подобныхъ иллюстрацій можно было бы привести и изъ русской дѣйствительности. Достаточно будетъ процитировать хотя бы слѣдующее мѣсто изъ „Русско-народно-бытовой медицины“ д-ра Попова для того, чтобы видѣть, какъ велико и въ нашемъ народѣ уваженіе къ различнымъ письменнымъ символамъ. „Суевѣрная идея“,—читаемъ мы тамъ.—„что болѣзнь можетъ быть ограничена кругомъ или чертой, нашла себѣ примѣненіе и въ чисто домашней обстановкѣ. Проведеніемъ магическаго круга лѣчатъ иногда нарывы и „непроступы“. Кругъ очерчивается углемъ и получаетъ размѣры, соответственно желанію больного ограничить болѣзнь тѣми или другими предѣлами... Въ Череповецкомъ у. очерчиваютъ лишаевъ углемъ, чтобы они не распространялись по тѣлу, производятъ по вечерней зарѣ, съ молитвенными приговорами, а самый уголь, послѣ выполненія своей роли, бросается на аемлю. При поясничной лomotѣ кругъ очерчивается иногда топоромъ на порогѣ избы“ (Стр. 207).

комъ, какъ жрецъ—отъ знахаря до папы,—какъ носитель оружія авторитета, который кажется болѣе страшнымъ, тогда, когда онъ невидимъ и недостижимъ. Знаки которые были неприспособлены и, въ томъ видѣ, въ какомъ они тогда существовали, были даже невозможны для общаго пользованья и требовали для усвоенія много времени и труда, дѣйствительно, могли бы служить такимъ оружіемъ избранныхъ, и только благодаря своему крайнему упрощенію они пробили себѣ путь къ широкой массѣ народа и сдѣлались средствомъ распространенія знанія.

ГЛАВА II.

Основы алфавита.

Мы можемъ теперь непосредственно перейти къ нашей главной задачѣ, заключающейся въ разсказѣ о тѣхъ стадіяхъ, черезъ которыя прошли алфавиты цивилизованнаго міра, прежде чѣмъ они приняли путемъ приспособленія на практикѣ конечную свою форму. Здѣсь, какъ и всюду, гдѣ проявлять свою силу умъ человѣка и гдѣ находило для себя приложение искусство его рукъ, мы можемъ наблюдать дѣйствіе закона развитія. Стремясь отыскать слѣды коренныхъ различій между человѣкомъ и животными, находящимися къ нему въ ближайшемъ физическомъ или психическомъ отношеніи, его описывали то какъ существо, изготовляющее орудія, то какъ существо, умѣющее обращаться съ огнемъ, то, какъ существо, обладающее члено-раздѣльной рѣчью; но чѣмъ глубже шли наблюденія и сравненія, тѣмъ яснѣе становилось, что все эти различія—лишь различія по степени, а не по существу. Здѣсь достаточно будетъ сказать, что въ области изобрѣтеній, какъ, напр., добываніе огня, на способъ котораго въ природѣ имѣются лишь намеки, или изображеніе рисунковъ-знаковъ, каковая способность развилась подъ влияніемъ инстинкта подражанія, имѣющагося на лицо и у нѣкоторыхъ низшихъ животныхъ,—что въ этой области, если ограничиться только матеріальной культурой, человѣкъ оказывается на болѣе высокой ступени совершенства. Но высота эта была достигнута въ процессѣ развитія, который не допускаетъ перерыва въ своемъ ходѣ.

За исходную точку настоящей своей работы мы должны взять способность человѣка къ изображенію знаковъ. Доисторическіе остатки даютъ намъ доказательства того, что подобной артистической способностью человѣкъ обладалъ еще въ очень отдаленномъ прошлѣмъ; и на этихъ остаткахъ развертывается передъ нами его жизнь со всей ея обстановкой въ яркихъ, хотя и бѣглыхъ наброскахъ. На кускахъ кости, рога, сланца и другихъ матеріалахъ дикарь, охотникъ періода сѣвернаго оленя, пользуясь заостреннымъ кремнемъ, изображалъ, какъ себя, такъ и дикихъ животныхъ, которыхъ онъ преслѣдовалъ.

Роскопки въ пещерахъ Франціи, Бельгіи и другихъ частей Западной Европы, дали грубые наброски обнаженныхъ, крѣпкихъ людей, мечущихъ копья въ дикихъ коней или ползкомъ подбирающихся къ медвѣдю или дикому быку или волосатому слону для того, чтобы запустить въ нихъ свое оружіе, и эти находки приходится отнести къ ранней половинѣ Каменнаго Вѣка. Особо удачнымъ для этого палеолитическаго искусства выходило изображеніе волосатаго слона съ его косматыми ушами, длинными волосами и клыками, загнутыми кверху, съ его ногами, скрытыми въ окружающей его высокой травѣ.

Здѣсь необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ, что явное отсутствіе другихъ указаній относительно перехода человѣка съ низшихъ ступеней культуры къ высшимъ, привело къ заключенію, что въ его заселеніи сѣверо-западной и другихъ частей Европы имѣются крупнѣйшіе пробѣлы. Теорія абсолютнаго разрыва между древнимъ каменнымъ вѣкомъ и новымъ каменнымъ вѣкомъ долгое время преобладала въ наукѣ, но дальнѣйшія научныя изслѣдованія ее опровергнули. То же оказалось справедливымъ и по отношенію къ послѣдую-

цимъ періодамъ. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія допускать, чтобы гдѣ-либо одна раса совершенно стиралась съ лица земли и открывала чистое поле для поселенія (иммиграціи) другой расы; и современныя археологическія изысканія возстановливаютъ связи между грубымъ искусствомъ Сѣверной Европы и искусствомъ Южной

Европы и даже, что особенно важно, съ искусствомъ восточныхъ береговъ Средиземнаго моря. Образцы этой связи попадаютъ рѣдко, такъ какъ отъ губительной руки времени уцѣлѣли или пиктографы (образное письмо) на особенно прочныхъ матерьялахъ, или образцы гончарнаго искусства. Но, къ счастью, если онѣ и не попадаютъ часто, то зато широко распространены. Къ тѣмъ предметамъ, которые добывались при раскопкахъ пещеръ и о которыхъ была уже рѣчь выше, надо прибавить выпарапананные рисунки на скалахъ въ Даніи и рисунки на известняковыхъ скалахъ Приморскихъ Альпъ; здѣсь въ одной изъ пещеръ (Marz d'Asie) находятъ любопытные графическіе

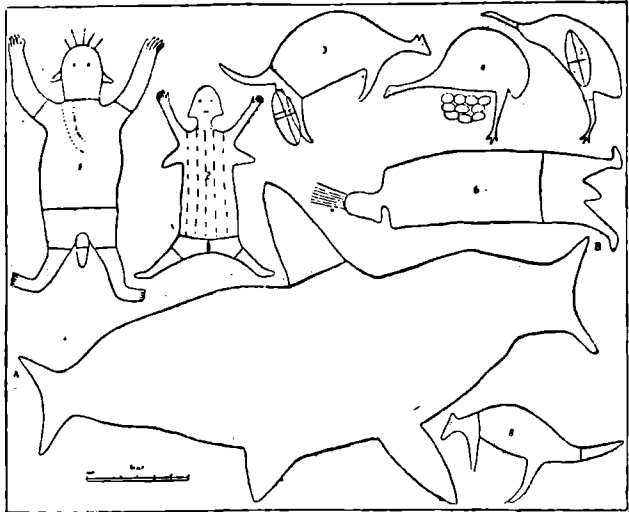

Рис. 3. Рисунки, выгравированные на скалѣ первобытнымъ австрайлійскимъ населеніемъ.

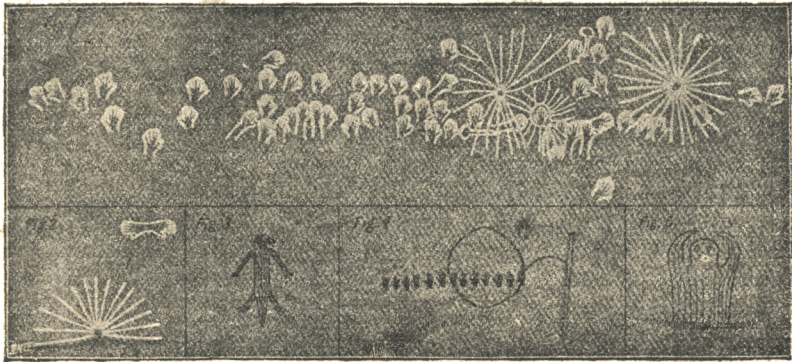

Рис. 3а. Первобытные рисунки въ краскахъ (Австралія).

знаки, имѣющіе отдаленное сходство съ вѣкоторыми петельками первобытныхъ рукописей, но еще болѣе интересными являются животныя и фигуры, напоминающія символы солнца (Свастика), „нарисованныя вѣроятно рукою древняго славянина на поверхности скалы, нависшей надъ священнымъ гротомъ въ фіордѣ Бочче-ди-Каттаро“ *). Къ этому послѣднему примѣру, приведенному Артуромъ Евансомъ въ его статьѣ о „Первобытныхъ Пикрографазъ“ можно прибавить нѣсколько важныхъ замѣчаній, сдѣланныхъ тѣмъ же авторомъ. „Когда мы вызываемъ передъ собой самородные артистическіе таланты древней расы, которая

*) См. изд. „Вѣстника Знанія“—„Наука и религія“ Мальвера. Ред.

оставила по себѣ слѣды въ рисункахъ, выцарапанныхъ на кости въ пещерахъ періода „Сѣвернаго Оленя“, то эти факты, которые на сѣверныхъ берегахъ Средиземнаго моря свидѣтельствуютъ,—правда на крайне частныхъ случаяхъ,—о непрерывности въ развитіи человѣчества, наводятъ на чрезвычайно серьезные размышленія. Развѣ не могли, будучи слишкомъ обременены новыми элементами, а съ другой стороны слишкомъ погружены въ тяжелую, хотя въ материальномъ отношеніи и болѣе высокую неолитическую цивилизацію,—развѣ не могли эти древнія эстетическія способности, которыя сдѣлали Европу наиболѣе ранней родиной того, что могло быть названо человѣческимъ искусствомъ въ противоположность узкой техники, окончательно эмансипироваться еще разъ въ южныхъ странахъ, гдѣ старый родъ лучше всего и выжилъ? Въ этомъ чрезвычайномъ проявленіи артистическаго гениа, который, въ удаленнѣйшіе періоды и при совершенно иныхъ политическихъ условіяхъ, былъ вызванъ къ жизни позднѣйшимъ населеніемъ Греціи и Италіи, развѣ мы не можемъ прослѣдить, какъ бы новый выходъ на поверхность, послѣ долгаго и извилистаго подземнаго пути, тѣхъ потоковъ, которые въ верховьяхъ своихъ увидали дневной свѣтъ въ болѣе ранніе періоды жизни нашей земли?

Рис. 4. Бушменскіе рисунки.

Но такъ какъ человѣкъ на одной и той же стадіи культуры повсюду въ практическомъ отношеніи представляетъ одно и то же, то недостатокъ образцовъ, которымъ отличается прошлое Европы, уравнивается тѣми графическими изображеніями, которыя встрѣчаются у нынѣ существующихъ дикихъ племенъ. Правда, у значительной части этихъ изображеній нѣтъ никакогого смысла, но въѣдъ пиктографія (образное письмо) является матерью алфавита, и потому тщательныя описанія подобныхъ рисунковъ, сдѣланныя различными изслѣдователями, могутъ оказаться весьма цѣнными, если ихъ удастся освѣтить при помощи тѣхъ образцовъ, постепенность которыхъ въ развитіи была установлена.

Съ вымираніемъ тасманійцевъ, которыхъ антропологи считали наиболѣе близкими къ палеолитическому человѣку, самыя нижнія ступени человѣческой расы, по крайней мѣрѣ, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, заняты теперь австралійцами, хотя свободныя установленія ихъ социальныхъ организацій заставляютъ колебаться въ томъ, справедливо ли эти племена помѣщены на самомъ днѣ человѣческой культуры. Но тѣмъ не менѣе, какъ показываютъ приведенные здѣсь рисунки (фиг. 3 и 4а), ихъ опыты въ области искусства стоятъ выше одухотворенныхъ рисунковъ доисторическаго обитателя пещеръ.

Рис. 4а. Бушменскіе рисунки.

Р. Х. Матью, который далъ обширный разборъ изображеній. выцарапанныхъ и нарисованныхъ на скалахъ, говоритъ, что одинъ типъ здѣсь легко можетъ быть замѣненъ другимъ: такъ мало въ нихъ разнообразія, „выкрашенные по трафарету и такъ же оттиснутыя руки, абрисы людей и животныхъ, грубо окрашенныхъ въ различные цвѣта, повидимому, распространены по всему континенту“. Онъ прибавляетъ, что

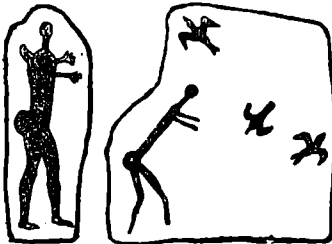
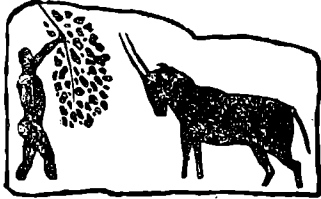

Рис. 4б. Образчики бушменской скульптуры на скалахъ.

хотя было бы лучше не подыскивать смысла къ группамъ туземныхъ рисунковъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны болѣе богатая данная. — Тѣмъ не менѣе теперь, когда мы знаемъ, что рисунки такихъ же дикихъ народовъ всѣхъ временъ и въ различныхъ частяхъ свѣта, оказались полны значенія, для насъ уже не представляется неосновательнымъ ожидать, что странныя фигуры, нарисованныя и выцарапанныя на скалахъ по всей Австралиіи получатъ свое разъясненіе. Быть можетъ, нѣкоторые изъ этихъ ри-

Рис. 4с. Рисунки, выгравированные на алжирскихъ скалахъ.

сунковъ являются идеографическими изображеніями событій изъ исторіи племени; другія группы фигуръ могутъ представлять собою какую-нибудь легенду: многія изъ животныхъ являются, вѣроятно, тотемами, и, наконецъ, весьма вѣроятно, что

Рис. 5. Бушменскій амулетъ, которымъ вымывается дождь.

часть изъ нихъ была воспроизведена ради забавы и временнаго препровожденія“. Въ своей статьѣ „Туземныя племена Центральной Австралиіи“ г.г. Спенсеръ и Джиллея раздѣляютъ рисунки на скалахъ на двѣ серіи; одна изъ нихъ охватываетъ изображенія обычнаго типа, а другая, въ которую входятъ изображенія, помѣщаемыя въ мѣстахъ, считаемыхъ табу (совершенно недоступныхъ) для женщинъ, дѣтей и непосвященныхъ, связана съ тотемами, т. е. съ такими предметами природы, — живыми или мертвыми, — отъ которыхъ, по убѣжденію племени, оно ведетъ свое происхожденіе. Эти тотемныя фигуры, называемыя Churinga (обычный туземный терминъ для священныхъ предметовъ) Ikinia, являются часто въ формѣ спиральныхъ и концентрическихъ фигуръ, другія же пред-

ставляют изображенія самих тотемовъ, даже такихъ низшихъ по типу, какъ многоножка.

Стѣны въ пещерахъ, вырытыхъ въ песчанникѣ Южной Африки, часто покрыты рисунками, которые являются дѣломъ рукъ бушменовъ (рис. 4, 4а и 4б). Въ техникѣ разрисовки здѣсь уже замѣчается извѣстный прогрессъ по сравнению съ аборигенами Австрали; картины, изображающія охоту и другіе подвиги,

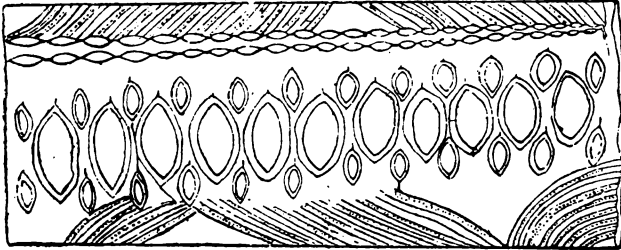

Рис. 6. Семанскій амулетъ для дождя.

слѣдователя, „напоминаютъ дѣйствительные портреты. Орнаментировка головныхъ уборовъ, перьевъ, бусъ, кистей, повидимому, была произведена съ наибольшей тщательностью; въ то же самое время на лучшихъ рисункахъ выступаетъ правдивая офѣнка дѣйствительнаго вида предметовъ, перспектива и умѣнье ею пользоваться“.

Этотъ, въ настоящее время выродившійся, народъ, который питается ящерицами, саранчей и кореньями,

когда недостаетъ другой пищи, имѣетъ большой запасъ легендъ и многочисленныя преданія. Рис. 5, повидимому, представляетъ ихъ вѣру въ „симпатическую магію“, если, — какъ предполагаютъ, — на немъ дѣйствительно изображена толпа, которая тащить по землѣ гиппопотама или другое какое-нибудь земноводное животное для того, чтобы такимъ образомъ вызвать дождь. Семанги съ Малайскаго полуострова употребляютъ бамбуковые талисманы для дождя (рис. 6), на которыхъ косыми линиями изображенъ ливень, подгоняемый вѣтромъ.

Новый свѣтъ богатъ древними памятниками, часто украшенными символическими изреченіями, но стариннѣе этихъ послѣднихъ тѣ пиктограммы, которыя покрываютъ валуны и каменные откосы отъ Гвинеи до Новой Шотландіи и къ западу до Скалистыхъ Горь. Нѣкоторыя изъ нихъ выцарапаны на твердомъ камнѣ чертами, глубиною до полу-дюйма; другія изображены при помощи широкихъ мазковъ красной охры или другой краски, при чемъ работа атмосферы надъ ними свидѣтельствуютъ и о глубокой ихъ древности. Назначеніе ихъ часто объяснить нелегко, но мы знаемъ, что въ нихъ лежатъ тѣ зероыши, отъ которыхъ произошли алфавиты. Одинъ рисунокъ (фиг. 6а) на поверхности скалы Верхняго озера, срисованный и истолкованный Шулькрафтомъ, представляетъ изъ себя воспоминаніе о походѣ черезъ озеро, предпринятое „Міеенгуномъ“, или „Волкомъ“, знаменитымъ индѣйскимъ вождемъ. Экипажъ каждаго каноэ изображенъ рядомъ взброшенныхъ къверху весель. Главный союзникъ Міеенгуна, Кишкманузее, „король-рыбокъ“, находится на первомъ каноэ. Лукъ съ тремя

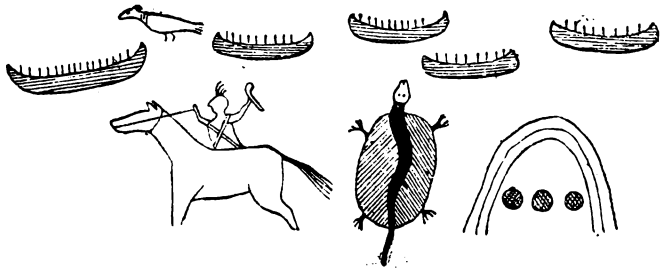

Рис. 6а. Воспоминаніе объ экспедиціи.

кругами (три солнца подъ небомъ) показываетъ, что путешествіе занимаетъ три дня. Черепаха (которая въ сѣверо-американскихъ пиктографахъ часто является символомъ „суши“), повидному, указываетъ на прибытіе экспедиціи къ берегу, изображеніе же вождя верхомъ на лошади служитъ доказательствомъ того, что это событіе происходило послѣ того, какъ лошади были введены въ употребленіе въ Канадѣ.

Есть еще рисунки, которые легче можно объяснить, одни представляютъ собою переселеніе племени; другіе, какъ скульптурный орелъ близъ береговъ, Кваухуауака („мѣсто близъ орла“) представляетъ собою символическій межевой знакъ; есть и такія изображенія, которыя служатъ для указанія направленія. На нѣкоторыхъ изъ нихъ имѣются человѣческія фигуры въ естественный ростъ, окруженныя лучами или украшенныя рогами. Несомнѣнно большое число изображеній этого рода (рис. 6б). выходятъ изъ того грубого, художественнаго представленія человѣка, которое непрерывно находило свое выраженіе съ доисторическихъ временъ.

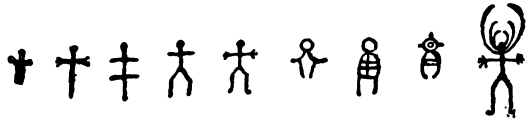

Рис. 6б. Различные типы человѣческихъ формъ.

ГЛАВА Ш.

Памятки и письма-рисунки.

Наши алфавиты приняли современный свой видъ только путемъ медленнаго и продолжительнаго развитія. На пути этого развитія мы можемъ выдѣлать четыре хорошо замѣтныхъ стадіи,—хотя и здѣсь, какъ и всюду, гдѣ идетъ рѣчь объ исторіи человѣка, эту группировку нельзя очертить достаточно рѣзкими линиями дѣленія. Однако эти пограничныя линіи находятъ себѣ оправданіе въ томъ, что при изслѣдованіи приносятъ такое же удобство, какое при составленіи картъ представляютъ воображаемая линія долготы и широты земного шара. Эти стадіи развитія письменности таковы:

а) Мнемоническая, когда какой-нибудь осязательный предметъ употребляется въ качествѣ вѣсти или напоминанія, при своженіи людей на разстояніи, и такимъ образомъ служить доказательствомъ уполномочій, данныхъ вѣстнику. Какъ будетъ показано, эти предметы, служащіе дѣлу мнемоники, граничатъ съ символами, само собою разумѣется, предшествуя имъ.

б) Пиктографическая, при которой дается рисунокъ вещи такъ, чтобы она при первомъ же взглядѣ рассказывала свою собственную исторію.

в) Идеографическая, при которой рисунокъ имѣетъ уже отвлеченное значеніе, т. е. превращается въ символъ.

д) Фонетическая, на которой рисунокъ становится фонограммой или знакомъ, представляющимъ звукъ. Фонограмма можетъ быть 1) словесной, то есть быть звукомъ—знакомъ для цѣлаго слова; слоговой, то есть звукомъ—знакомъ для каждой буквы.

И такъ подведемъ итоги сказанному:

на стадіи *b* знакъ, служащій для зрительной памяти, вызываетъ представленіе вещи;

на стадіи *c* знакъ, служащій опять-таки для зрительной памяти, вызываетъ представленіе имени;

на стадіи *d* знакъ, служащій уже для слуховой памяти, вызываетъ представленіе звука;

и именно при переходѣ отъ стадіи *c* къ стадіи *d*, благодаря тому, что постоянные знаки избираются для того, чтобы обозначать постоянные звуки,

обеспечивается прогрессъ человѣческой расы, такъ какъ только, благодаря этому нововведенію, сдѣлалось возможнымъ сохранять все, что представляетъ достаточно прочную цѣнность.

а) Мнемоническая стадія.—Эта стадія хорошо представлена „квипусами“, или узловатыми веревками, и вѣвками, или поясами, украшенными раковинами. За квипусами числится длинная исторія, и въ наше время они имѣютъ своихъ представителей въ видѣ четокъ, употребляемыхъ монахами, и узелковъ, которые мы завязываемъ на кончикахъ платковъ, для памяти. Геродотъ рассказывалъ намъ, что когда Дарій приказалъ индійцамъ остаться для охраны плавучаго моста черезъ рѣку Истеръ, „онъ затянулъ 60 узловъ на ремнѣ, говоря: „люди Іонія, возьмите этотъ ремень и поступите такъ, какъ я скажу вамъ:—какъ только вы увидите, что я выступилъ противъ скивовъ, съ того дня вы начнете ежедневно развязывать по одному узлу и когда найдете, что дни, обозначенные этими узлами, уже миновали, то можете отправиться обратно къ себѣ домой“. (IV. 98).

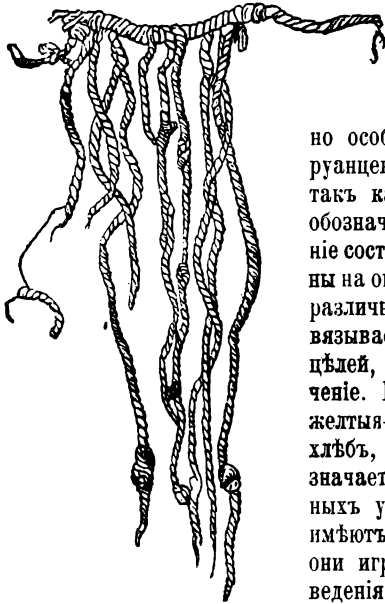

Рис. 7. Квипу.

Подобное приспособленіе было широко распространено среди различныхъ народовъ, но особеннаго развитія оно достигло у древнихъ перуанцевъ, отъ которыхъ получило и самое названіе, такъ какъ на перуанскомъ языкѣ слово „квипу“ обозначаетъ „узелъ“. У перуанцевъ такое приспособленіе состоитъ изъ главной веревки, къ которой прикрѣплены на опредѣленныхъ разстояніяхъ болѣе тонкія веревки различныхъ цвѣтовъ, при чемъ каждая веревка завязывается различнымъ образомъ для различныхъ цѣлей, и каждый цвѣтъ имѣетъ свое собственное значеніе. Красныя веревки, напр., обозначаютъ солдатъ, желтыя—золото, бѣлыя серебро, зеленыя—зерновой хлѣбъ, и такъ далѣе, при этомъ простой узелъ обозначаетъ десятки, двойной узелъ—сотню, два двойныхъ узла—двѣ сотни. Эти нехитрыя приспособленія имѣютъ многочисленныя назначенія. Кромѣ того, что они играютъ роль памятокъ, они употреблялись для веденія лѣтописей имперіи Инковъ, для передачи приказаній отдаленнымъ провинціямъ, для подробныхъ свѣдѣній о составѣ арміи — и даже для сохраненія

воспоминаній о покойникѣ, къ которому въ могилу опускали квипу, подобно тому, какъ въ Египтѣ на гробницахъ помѣщались герооглифическія надписи, изображавшія біографію или титулы покойнаго. Перуанское племя чуди, какъ указываетъ Тейлоръ, въ каждомъ городѣ имѣло спеціальнаго офицера, функціей котораго было связывать и истолковывать квипу; но хотя офицера эти достигали большого совершенства въ своемъ искусствѣ, но они рѣдко бывали способны читать квипу, переданное безъ всякихъ устныхъ комментариевъ. Когда ктонибудь являлся изъ дальней провинціи, то вмѣстѣ съ квипу необходимо было дать объясненіе касается ли это квипу переписи, сборовъ податей, войны и такъ далѣе. Но путемъ постоянной практики эти чиновники такъ усовершенствовались, что были способны регистрировать при помощи узловъ всѣ важнѣйшія событія имперіи и изображать ея законы и приказы. Хотя въ наше время и были сдѣланы тщетныя попытки прочесть квипусы, но д-ръ Тайлоръ указываетъ, что и до сихъ поръ остались еще въ живыхъ въ Южномъ Перу индѣйцы, „которые прекрасно знакомы съ содержаніемъ нѣкоторыхъ историческихъ квипусовъ, сохранившихся отъ древнихъ временъ; но они держатъ свое знаніе въ глубокомъ секретѣ и особенно тщательно скрываютъ его отъ бѣлыхъ людей“.

Эти памятки при помощи узловъ—въ большемъ употребленіи у пастуховъ перуанскихъ плоскогорій. На первой веревкѣ квипу они регистрируютъ быковъ, на второй—коровъ, которыя въ свою очередь раздѣляются на молочныхъ и не дойщихъ; на слѣдующихъ веревкахъ регистрируются телята, дальше овцы и т. д.; наконецъ, на особыхъ веревкахъ регистрируются продукты скотоводства; различные цвѣта веревочекъ и различные способы завязыванія узловъ являются ключомъ для различныхъ цѣлей. Вблизи къ этому практику мы находимъ у нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ Калифорніи (у палона). Д-ръ Гофманъ сообщаетъ, что ежегодно ими избирается нѣсколько человекъ, которые отправляются въ поселокъ С. Габріеля для того, чтобы продать тамъ свои одѣяла. „Каждый индѣецъ, отправляющій товаръ, снабжалъ торговца двумя веревками, сдѣланными изъ витыхъ волосъ или шерсти; на одной изъ этихъ веревочекъ отмѣчается каждый полученный реалъ, а на другой каждое проданное одѣяло. Когда сумма достигала десяти реаловъ, или одного доллара, то дѣлался двойной узелъ. По возвращеніи торговца сводились окончательные расчеты, и каждый могъ легко убедиться, какую сумму онъ долженъ получить, и слѣдовательно за какое число одѣялъ передъ нимъ является отвѣтственнымъ торговецъ“. Туземцы Ардрахи, въ Западной Африкѣ, употребляютъ маленькія веревочки, на которыхъ каждый узелокъ имѣетъ свое значеніе; у жебу предметы, завязанные въ веревку, рассказываютъ каждый свою особую исторію: такъ раковинки известнаго рода, помѣщенные другъ противъ друга, обозначаютъ дружбу; стрѣла—войну и такъ далѣе. Еще всего поколѣніе тому назадъ гаванскіе сборщики податей вели счетъ обложенной на островѣ собственности при помощи веревки, длинной отъ четырехсотъ до пятисотъ футовъ. Узлы, петли и пучки различнаго вида, величины и цвѣта обозначали различныя округа; количество налоговъ, которые долженъ былъ уплатить каждый изъ жителей обозначалось знаками такого же рода, но настолько измѣненными, чтобы можно было избѣжать путаницы. Шу-кингъ, священная историческая книга китайцевъ, говоритъ объ употребленіи узловатыхъ веревочекъ прежде, чѣмъ были изобрѣтены письмена. Число узловъ и разстоянія, на которыхъ они были завязаны, являлись условными памятками. „Легенда рассказываетъ о завязываніи узловъ на веревкахъ приблизительно за 2800 лѣтъ до Р. Хр., когда Фо-хи изобрѣлъ 8 символовъ и въ то же самое время пиктографы этихъ веревочекъ съ завязанными узлами были приняты, какъ предметы для символовъ“. Другая китайская легенда говоритъ, что „древнѣйшими формами были 540 начертаній, скомбинированныхъ изъ узловатыхъ веревочекъ и восьми символовъ, сдѣланныхъ въ формѣ птичьихъ лапокъ, вятыхъ въ различныхъ состояніяхъ напряженія, и на всѣ эти 540 начертаній изобрѣтатель натолкнулся, наблюдая слѣды, оставленные птичьими лапками на песокѣ“. Употребленіе веревочекъ съ петлями и узлами отразилось на построеніи египетскихъ иероглифовъ, а у другихъ племенъ Африканскаго континента мы имѣемъ доказательства пережитковъ этой мнемонической техники, при чемъ подобно тому, какъ отъ Меланезіи до Формозы пользуются веревками съ завязанными узлами, въ Африкѣ и Австраліи для сообщеній употребляютъ бирки ¹⁾).

* Бирка—слово, повидимому, скандинавскаго происхожденія, отъ *birk*—бореза. Такъ называется небольшая, выстроганная съ одной стороны палочка, служащая для счетоводства и вмѣстѣ съ тѣмъ являющаяся въ народномъ быту матеріальнымъ средствомъ укрѣпленія правъ. На гладкой поверхности бирки, посредствомъ нарѣзокъ или зарубокъ разнаго вида, обозначается количество вещей, товаровъ или денегъ, полученныхъ или слѣдующихъ какой-либо изъ договаривающихся сторонъ; по нарѣзкѣ этихъ знаковъ палочка раскалывается пополамъ, одну часть беретъ кредиторъ, а другую должникъ; при приѣмѣ же вещей, товаровъ или де-

¹⁾ Описаніе бирокъ (между звѣздочками) нами заимствовано изъ словаря Брокгауза, такъ какъ матеріаль, приведенный тамъ, лучше приспособленъ къ русской дѣйствительности *Переводчикъ.*

негъ половинки бирки складываются вмѣстѣ, на нихъ посредствомъ нарѣзокъ дѣлаются соответствующія измѣненія и затѣмъ половинки снова отдаются контрагентамъ. Этотъ примитивный способъ укрѣпленія правъ нечуждъ французскому быту, и бирки (les tailles) признаются имѣющими доказательную силу по мелочнымъ поставкамъ. У насъ бирки часто употребляются въ простонародьи, иногда они привязываются къ провіантскимъ кулямъ, при производствѣ построекъ и другихъ работъ десятки обыкновенно пользуются ими для учета работъ; у черно-морскихъ казаковъ они служили подъ названіемъ „мудунъ“ для повѣрки цѣпи передовыхъ постовъ; у нѣкоторыхъ инородцевъ, какъ, напр., чувашей, черемисовъ и вотяковъ бирки служатъ обыкновенно формою укрѣпленія при заключеніи заемныхъ обязательствъ. Наше (русское) законодательство въ 226 ст. Мѣстнаго Великороссійскаго Положенія (Положеніе о сельскомъ состояніи IV. Особое приложеніе къ IX т. Св. Зак. о Сост.) упоминаетъ о биркахъ, какъ могущихъ служить для учета отработанныхъ крестьянами въ пользу помѣщика дней или дневныхъ уроковъ. Нашъ Уставъ Торговаго Судопроизводства (изд. 1887 г. ст. 256, 274—276) приравниваетъ бирки, которыя ведутъ биржевые артельщики, извозчики и другіе пріемщики и поставщики товаровъ къ отписнымъ книгамъ, признавая ихъ особымъ родомъ письменныхъ доказательствъ, употребляемыхъ въ дѣлахъ торговыхъ. На основаніи этихъ постановленій, употребляемая въ коммерческомъ быту бирки, хотя сами по себѣ и не имѣютъ силы до-

Небо	=====
Вѣсы	=====
Вода	=====
Землетрясеніе.	=====
Дерево	=====
Жертва	=====
Граница	=====
Земля	=====

казательства, могутъ однако служить полнымъ доказательствомъ противъ получавшаго товары или припасы или пользовавшагося работою мастеровыхъ, если онъ, продержавъ у себя бирку, на которой отмѣчены полученія и уплаты, болѣе недѣли съ того времени, какъ данная статья на ней отмѣчена, не заявилъ протеста противъ ихъ вѣрности. Если же бирка безъ вины лавочника, поставщика или мастерового потеряна, то для доказательства подлинности другого оставшагося у него образца оной, онъ можетъ быть допущенъ къ присягѣ ¹⁾).

Пояса-вампумы имѣютъ гораздо болѣе узкое географическое распространеніе, чѣмъ квипусы. Они состоятъ изъ бусъ ручной работы или просверленныхъ раковинокъ, расположенныхъ различнымъ, болѣе или менѣе условнымъ, способомъ на полоскахъ лыка, на пеньковыхъ ниткахъ или на оленьихъ ремешкахъ и сухожиліяхъ, при чемъ на концахъ этихъ поясовъ находятся кромки изъ сухожилій или лыковыхъ полосокъ. Узоры, которые подобраны на этихъ поясахъ, символически напоминаютъ о событіяхъ въ исторіи племени или договорахъ, заключенныхъ между отдѣльными племенами. Подобные пояса употребляются также для описанія государственныхъ границъ и границъ частной собственности, какъ и монеты изъ раковинъ во всѣхъ частяхъ Новой Англіи отъ одного конца берега до другого. Для иллюстраціи того общаго назначенія, которое имѣетъ вампумъ при возстановленіи въ памяти тѣхъ или другихъ событій, мы приведемъ здѣсь рассказъ П. Кларка изъ его „Исторіи происхожденія и традицій виадоттовъ“ (племени гурон-ирокезскаго ствола). „Въ послѣднее десятилѣтіе XVIII столѣтія король или главный вождь, Сут-став-ра-тзе, созвалъ собраніе при домѣ вождя Адама Брауна, который былъ хранителемъ архива, состоявшаго изъ поясовъ-вампумовъ, пергаментовъ и т. д. и содержавшагося въ обширномъ сундукѣ. Одинъ за другимъ, всѣ документы были вынуты оттуда и показаны собравшимся вождямъ и воинамъ. Вождь Браунъ писалъ на кусочкахъ бумажки и прикалывалъ ее къ

1) Такимъ образомъ, пережитки этого рода „памятокъ“ особенно прочно сохранились до нашего времени въ русскомъ быту, поражающемъ до сихъ поръ безпредѣльнымъ количествомъ безграмотныхъ. А. А. Н.

каждому вампуму, обозначая тотъ договоръ или соглашеніе, которое онъ представлялъ, послѣ чего этотъ документъ излагался на память вождями, назначенными для этой цѣли. Передъ ними сидѣлъ уважаемый король, въ головѣ котораго хранился весь запасъ содержанія каждаго вампума; онъ слушалъ это повтореніе и, при случаѣ, исправлялъ говорящаго или наводилъ его на правильное изложеніе, когда тотъ сбивался“. Кларкъ замѣчаетъ, что, „когда большинство народа передвинулось къ юго-западу, они потребовали, чтобы имъ были выданы пояса вампумы въ качествѣ грамотъ. Нѣкоторые изъ этихъ вампумовъ представляли изъ себя договоры о союзѣ или о мирѣ съ тѣми племенами, которыя теперь осѣли въ той странѣ, и для вѣздоттовъ было очень важно имѣть воз-

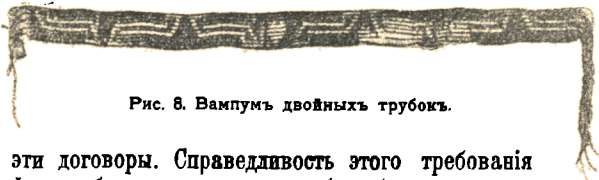

Рис. 8. Вампумъ двойныхъ трубокъ.

можность предъявить имъ эти договоры. Справедливость этого требованія была признана, и имъ разрѣшено было захватить съ собою большую часть ихъ вампумовъ. И современные изслѣдователи указываютъ, что, поскольку вампумы и въ настоящее время еще не потеряли своего значенія, они служатъ для выраженія договорныхъ грамотъ или геральдическихъ записей. Однако, изъ огромнаго количества вампумовъ, которые находились когда-то въ обладаніи сѣверо-американскихъ племенъ, до нашего времени сохранились лишь немногіе (и то почти исключительно въ странахъ, сосѣднихъ прокезамъ), такъ какъ въ процессѣ вытѣсненія краснаго человѣка бѣлымъ исчезла всякая цѣнность ихъ съ точки зрѣнія доказательства правъ на землю. Четыре интересныхъ образчика вампумовъ представляетъ извѣстная „Хэльская серія гуронскихъ поясовъ-вампумовъ“, подаренная д-ромъ Тейлоромъ одному изъ оксфордскихъ

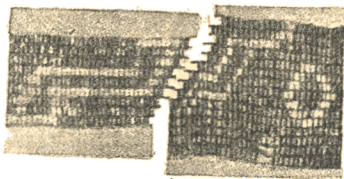

Рис. 9. Очагъ совѣщаній на вампумѣ двойныхъ трубокъ.

музеевъ и описанная дарителемъ и Гораціемъ Хэлемъ въ обширной статьѣ. Изъ нея намъ нужны здѣсь только голые выводы. Первый и самый древній образчикъ, который можно отнести къ періоду до половины XVIII столѣтія, носитъ названіе „договорнаго пояса двойныхъ трубокъ“ (фиг. 8, 9). Шириной онъ

Рис. 10. Вампумъ іезуитовъ миссіонеровъ.

Рис. 11. Вампумъ Союза 4 народовъ.

въ девять бусъ, и, хотя онъ имѣется теперь не въ полномъ своемъ видѣ, но въ длину достигаетъ почти четырехъ футовъ. На темномъ фонѣ дорогого пурпуроваго вампума имѣется изображеніе очага, вокругъ котораго происходило совѣщаніе. Это изображеніе, вѣроятно, занимало середину пояса. По бокамъ этого очага по одну сторону сдѣлано четыре, а по другую—три изображенія двойныхъ трубокъ, т. е. трубокъ мира, которыя имѣютъ по головкѣ на каждомъ концѣ. Конечно, трубки такого рода совершенно не употребляются для куренья. Это—просто геральдическое изображеніе, подобное двуглавымъ орламъ современныхъ властителей Европы. Описываемый вампумъ, какъ г. Хэлю говорилъ индѣйскій вождь, представлялъ собою важный договоръ или свидѣтельствовавъ о важномъ союзѣ древнихъ временъ.

Второй вампумъ называется „мирная тропинка“ и самое названіе его указываетъ на то назначеніе, которое онъ имѣлъ. Третій вампумъ, большая часть котораго, вѣроятно, утеряна, называется „поясомъ іезуитовъ-миссіонеровъ“ (рис. 10)

и, какъ предполагаютъ, „напоминаетъ о принятіи гуронами христіанской религіи“. Фигуры сработаны здѣсь въ 15 рядовъ бѣлыхъ бусъ на темномъ фонѣ. Круглая или ромбовидная фигура около центра представляетъ совѣщаніе. По обѣ стороны отъ нея религіозныя эмблемы: на одной—голубь, на другой—агнецъ, а дальше греческіе кресты, изображающіе троицу. „Самая поздняя дата, которую можно приписать этому поясу,—1648 годъ, канунъ изгнанія гуроновъ ирокезами“.

Четвертый вампумъ (фиг. 11), названный „поясомъ союза четырехъ народовъ“, на 60 лѣтъ моложе и представляетъ изъ себя, насколько можно судить по четыремъ четырехугольникамъ, образующимъ главный рисунокъ, договоръ о территоріи между виадоттами и тремя алгонискими племенами.

Эти ссылки на грамоты, которыя обнаруживаютъ уже извѣстное приближеніе къ идеографическому состоянію письма, были бы не полны, если бы мы не рассказали о самомъ знаменитомъ вампумѣ,—„поясѣ Пенна“,—сохраненномъ въ архивахъ Историческаго Общества въ Пеннсилваніи. Онъ получилъ свое имя отъ весьма правдоподобнаго преданія, утверждающаго, что онъ, дѣйствительно, является тѣмъ самымъ поясомъ, который былъ переданъ Вильяму Пенну ирокезами въ 1701 г. „для того, чтобы укрѣпить дружескія отношенія, въ то время прочно установившіяся между ними“. Вампумъ этотъ, состоящій изъ 18 поло-

Рис. 11а. Вампумъ Пенна.

сокъ,—бѣлаго цвѣта, доказываетъ этимъ свое отношеніе къ важному акту, и имѣетъ по своей серединѣ двѣ фигуры, вырисованныя темными бусами; одна фигура изображаетъ индѣйца, пожимающаго руку человѣку, который,—судя по надѣтой на его голову шапкѣ,

долженъ быть, безъ сомнѣнія, европейцемъ. Косыя полосы на вампумѣ являются символами федераціи ирокезовъ, извѣстной подъ именемъ „пяти націй“ и изображаетъ путемъ синекдохи (т. е. помѣщая часть вмѣсто цѣлаго) полный туземный ирокезскій „длинный домъ“, какъ назывались ихъ коммунистическія жилища. Ирокезская лига называется въ ихъ книгѣ обычаевъ, какъ Kanastatickowa, „великій срубъ“. Это была могучая организація, которая, когда была выданъ этотъ вампумъ, покрывала большую часть Сѣверной Америки, что на поясѣ и изображено въ видѣ балокъ дома, представленныхъ косыми полосами.

в). Пикторальная стадія. Необходимость отмѣчать насѣчками или зарубками, какъ личную, такъ и племенную собственность, особенно въ области землевладѣнія и владѣнія скотомъ, привела къ употребленію различныхъ начертаній, болѣе или менѣе пиктографическаго характера, которыя имѣютъ своихъ представителей въ печатяхъ, употреблявшихся въ древней торговлѣ, и въ фабричныхъ клеймахъ. Проф. Эрнстъ изъ Каракасы увѣренъ, что онъ можетъ узнать пережитки индѣйскихъ рисунковъ—письменъ въ клеймахъ, выжигавшихся на шкурѣ скота; и между замѣчательными открытіями Артура Еванса остатковъ домикенской эпохи на Критѣ, значеніе которыхъ намъ придется выяснитъ позднѣе, имѣются, каменные печати, на которыхъ выгравированы знаки, не только фантастическіе или играющіе роль орнамента, но и предназначенные давать извѣстныя представленія объ ихъ собственникахъ. „Напр., лодка съ молодыми мѣсяцами по обѣимъ сторонамъ мачты могла быть гербомъ древняго морехода, который удачно совершалъ длинныя путешествія“, и который, вѣроятно, гордился своимъ подвигомъ, такъ какъ во времена Гомера мѣсячное плаваніе представлялось уже очень большимъ дѣломъ.

Какъ извѣстно, болѣзненная операція татуировки имѣетъ скорѣе символическое и религіозное, чѣмъ декоративное значеніе, такъ какъ обозначаетъ установленіе связи человѣка съ тотемомъ клана или его личнымъ тотемомъ. Но та же самая татуировка до извѣстной степени имѣетъ и практическое значеніе. Такъ, у нѣкоторыхъ племенъ краснокожихъ индѣйцевъ, у которыхъ татуируются оба пола, попавшійся во время войны въ плѣнъ индивидъ легко опознается

и можетъ быть выкупленъ. Тотемныя и мифическія животныя вытатуировываются на различныхъ частяхъ тѣла; въ одномъ случаѣ рисунокъ, носимый однимъ изъ землевладѣльцевъ калифорнійскихъ индѣйцевъ племени кавуа, употреблялся какъ печать, обозначавшая его личную собственность, и выбивался или вырисовывался на пограничныхъ деревьяхъ и столбахъ. „Въ Новой Зеландіи рисунокъ, вытатуированный на лицѣ покойника, воспроизводился на деревьяхъ, соотвѣдствующихъ его могилѣ; въ то время какъ у бушменъ рисунокъ, который былъ нанесенъ татуировкой на лицо, употреблялся въ качествѣ клейма, которымъ отмѣчалась собственность данного человѣка“. Различныя индѣйскія племена охотнѣ, повидимому, для этой цѣли употребляютъ имя тотема, чѣмъ имя той или другой личности, быть можетъ, въ силу широко распространеннаго убѣжденія у дикарей, что имя человѣка составляетъ его нераздѣльную часть, пользуясь которой любой чародѣй можетъ причинить зло, какъ живому, такъ и мертвому человѣку; имя же родовое или употребляемое совместно съ другими, какъ гласило то же суевѣріе, подвергаетъ человѣка въ этомъ отношеніи гораздо меньшей опасности. На могильныхъ столбахъ, какъ чернокожихъ австралійцевъ, такъ и сѣверо-американскихъ индѣйцевъ символы—тотемы помѣщаются въ положеніи, перевернутомъ вверхъ ногами. Въ большой работѣ Шулькрафта объ индѣйскихъ племенахъ мы находимъ нѣсколько иллюстрацій могильныхъ столбовъ у краснокожихъ; три изъ этихъ иллюстрацій воспроизводятся здѣсь.

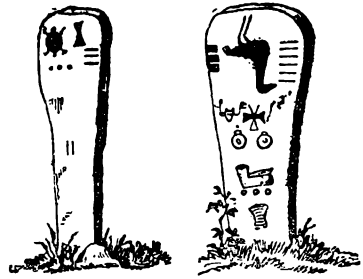

Рис. 12 и 13. Могильные столбы индѣйцевъ.

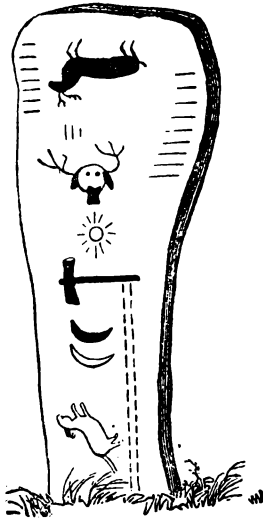

Рис 14. Могильная плита индѣйскаго вождя.

Фиг. 12-я изображаетъ могильный столбъ воина. Здѣсь мы видимъ прежде всего его тотемъ— черепаху, а рядомъ съ ней безрукаго человѣка—изображеніе, которое у индѣйскихъ племенъ является широко распространеннымъ символомъ смерти; пониже три значка чести. Фигура 13-я представляетъ могильный столбъ, на которомъ начертаны воспоминанія о Шивгабавассинѣ, знаменитомъ вождѣ отряда изъ С-тъ Мари. Его тотемъ—воронъ представленъ въ опрокинутомъ видѣ. Три значка

на лѣвой сторонѣ отъ тотема изображаютъ важнѣйшіе мирные договоры, въ которыхъ онъ принималъ участіе; шесть полосокъ на правой сторонѣ представляютъ, вѣроятно, число крупныхъ битвъ, въ которыхъ онъ сражался. Трубка, должно быть, является символомъ мира, а сѣкира—войны.

Третій образчикъ (фиг. 14-я) представляетъ аджедатигъ или могильную доску Вабоджега, или знаменитаго боевого вождя, который умеръ на Верхнемъ Озерѣ въ 1793 году. Его тотемъ—сѣверный олень нарисованъ въ опрокинутомъ видѣ, а его собственное имя, которое значитъ „Вѣлый Рыбакъ“ не упомянуто вовсе. Семь полосъ обозначаютъ семь военныхъ кампаній, которыя онъ провелъ; три отвѣсныя линіи указываютъ на число ранъ, полученныхъ имъ въ сраженіяхъ. Голова, украшенная рогами, рассказываетъ намъ объ отчаянной борьбѣ, которую ему пришлось выдержать съ оленемъ.

Фиг. 15-я сокращенная копія могильной надписи иннуитскаго охотника. Призваніе покойника нашло свое выраженіе въ байдаркѣ, или лодкѣ, въ

Рис. 15. Столбъ на могилѣ охотника.

которой онъ изображенъ гребущимъ вмѣстѣ со своимъ товарищемъ. Пониже изображены козлы для сушки рыбы или кожъ. Еще ниже—лисица или сухопутная выдра, а сѣтеобразный рисунокъ на самомъ низу даетъ изображеніе лѣтняго охотничьяго жилища. Эти временныя сооруженія свидѣтельствуютъ о мѣстопробываніи охотника за пушнымъ звѣремъ, тогда какъ присутствіе рыбака обозначается куполообразной крышей. Гоффманъ прибавляетъ къ этому, что „эти различія въ формахъ крышъ жилого помѣщенія употребляются только для символическихъ изображеній, а не въ дѣйствительности“.

Рис. 16. любовное письмо Оджибва.

Въ тѣсной связи съ этими могильными досками находятся украшенія дверныхъ косяковъ, которыя мы находимъ у полинезійцевъ, маори и племя Британской Колумбіи; такимъ же образомъ рисунки, вырѣзанные на каное и другомъ личномъ движимомъ имуществѣ употребляются для того, чтобы отмѣтить собственника или отождествить собственность съ тотемомъ. Но мы не можемъ заниматься этими вопросами, такъ какъ они завели бы насъ слишкомъ далеко въ область искусства дикихъ людей, съ которыми намъ приходится здѣсь имѣть дѣло лишь постольку, поскольку оно служить цѣлямъ мнемоники въ дѣлѣ сохраненія памяти о такихъ событіяхъ, которыя иначе были бы забыты.

Мы остановимся теперь на образцахъ пиктографической мнемоники въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ.

На фиг. 16 дана уменьшенная копія любовнаго письма, написаннаго на березовой корѣ (матеріалъ, широко распространенный повсюду, вплоть до юагиръ Сибири), которое оджибваская дѣвушка посылаетъ своему возлюбленному въ Бѣлую Землю, Миннезоту. Тотемъ ея—„медвѣдь“, тотемъ его—„муравьиная куколка“; вотъ почему изображеніе этихъ животныхъ представляетъ отправителя письма и его адресата.

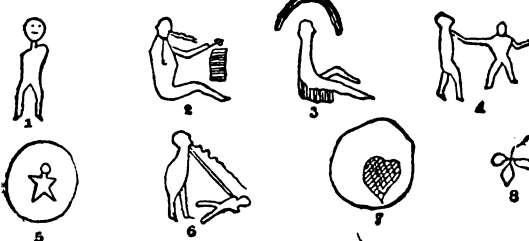

Рис. 17. Пѣснь любви.

Двѣ линіи, проведенныя отъ ихъ стоянокъ сливаются и продолжаютъ затѣмъ до мѣстности, лежащей между двумя озерами; отъ этой линіи отвѣтвляется тропинка къ двумъ палаткамъ. Здѣсь живутъ въ своихъ палаткахъ три дѣвушки, обращенныя въ католическую вѣру, что выражено тремя крестами; лѣвая изъ палатокъ открыта и изъ нея просунута рука съ маяющимъ жестомъ. Рука принадлежитъ автору письма и дѣлаетъ индѣйскій знакъ привѣтствія своему возлюбленному. „Этотъ знакъ выражается такимъ положеніемъ ладони, при которомъ ладонь обращена впередъ и книзу, а вытянутый указательный палецъ къ мѣсту, занятому говорящимъ, обращая вниманіе приглашаваго лица на тропинку, по которой ему слѣдуетъ идти“.

Рис. 17 представляетъ любовную пѣсню: 1) влюбленный, 2) онъ поетъ и бьетъ въ магическій барабанъ, 3) онъ укрывается въ таинственное убѣжище, обозначая тѣмъ силу своего чародѣйства, 4) онъ и его возлюбленная связаны одной общей рукой для того, чтобы показать, что оба они, какъ одинъ человѣкъ, 5) она находится на островѣ, 6) она спитъ, а онъ поетъ и магическая сила его достигаетъ ея сердца, и 7) показано само ея сердце. Каждой изъ этихъ фигуръ соответствуетъ стихъ пѣсни:

- 1) Это рисунокъ, который изображаетъ меня богомъ.
- 2) Услышь звуки моего голоса, моей пѣсни; это мой голосъ.

- 3) Я скрываюсь, такъ какъ я буду сидѣть теперь около нея.
- 4) Я могу вызвать ея румянецъ, такъ какъ я слышу все, что она говорить обо мнѣ.
- 5) Если бы она находилась на далекомъ островѣ, я заставилъ бы ее приплыть оттуда.
- 6) Хотя бы она была такъ далеко,—на другомъ полушаріи.
- 7) Я говорю вашему сердцу.

2. Чародѣйство.—Рис. 18 изображаетъ пѣснь оджибваскаго знахаря, выцарапанную на березовой корѣ. Эти заклинатели, которые соотвѣтствуютъ сибирскимъ шаманамъ, часто прибѣгаютъ къ тому таинственному искусству, которымъ обыкновенно владѣютъ духовныя лица всего міра, и увѣряютъ, что чудодѣйственная ихъ сила является прямымъ даромъ божества. Его они называютъ Манабоцо, и онъ долженъ быть, повидимому, однимъ изъ божественныхъ предковъ, такъ какъ онъ считается дядей *anish'inabeg'a*, или „перваго народа“. На фиг. 1 Манабоцо держитъ свой лукъ и стрѣлу; фиг. 2 представляетъ барабанъ знахаря и барабанныя палочки, которыя онъ употребляетъ во время пѣнія и при церемоніяхъ посвященія; 3—перегородка на время пѣнія стиховъ посвященія; 4—мѣшокъ знахаря, сдѣланный изъ шкуры выдры, въ которомъ сохраняются бѣлыя раковинки особой породы, какъ священная эмблема культа; 5—самъ знахарь, украшенный рогами, какъ символомъ его высшей власти; 6—воронкообразный предметъ, употребляемый при исполненіи различныхъ фокусовъ; 7—женщина, обозначающая здѣсь то, что ея полъ также долженъ былъ „къ обществу великихъ врачевателей“; 8—снова перегородка; 9—священная змѣиная кожа, обладающая магической силой; 10—другая женщина; 11—другая шкура выдры; 12—еще женская фигура, держащая вѣтку какого-то священнаго растенія, употребляемаго при заклинаніяхъ демона болѣзни.

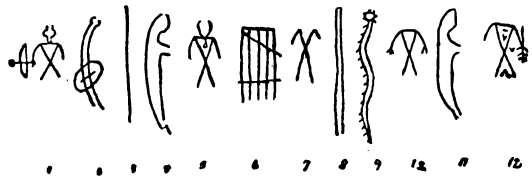

Рис. 18. Мнемоническая пѣснь оджибваскаго знахаря.

Во всѣхъ сообщеніяхъ о терапевтикѣ дикарей самымъ настойчивымъ образомъ указывается на то, что эти болѣзни никогда не приписываются естественнымъ причинамъ. „Индѣйцы увѣрены, что болѣзненные состоянія вызываются невидимыми злыми существами и силами чародѣйства, и всякая лихорадка, всякая головная боль, всякая рана, даже всякое простое недомоганіе приписывается именно этимъ причинамъ. Ихъ, такъ называемая, медицинская практика была ужасной системой колдовства, и подобнымъ суевѣріямъ человѣческая жизнь приносилась въ жертву въ огромномъ размѣрѣ... Въ дѣйствительности, естественной смертью у дикарей умирали рѣдко; напротивъ того очень часто больной кончалъ свою жизнь, благодаря лѣченію знахаря“. (Проф. Пауэль).

Рис. 19 показываетъ, какъ оджибваскій вабено, или злой колдунъ, уничтожаетъ своего врага. Четыре ящикообразныхъ предмета обозначаютъ четыре степени того культа, къ которому принадлежалъ вабено, въ то время какъ столбы указываютъ на серіи.

Рис. 19. Вабено, уничтожающій врага.

Фигура, находящаяся по близости отъ этихъ ящичковъ, обозначаетъ помощника вабено; этотъ послѣдній изображенъ съ волнистой линіей, исходящей изъ его рта и продолженной до овалообразнаго предмета, который долженъ изображать озеро, на островѣ котораго живетъ его жертва. Она же,—эта жертва,—изображена подъ вабено съ пятномъ на груди. Небольшой продолговатый пред-

метъ между двумя верхними фигурами представляет священный барабанъ. Смыслъ пиктографа будетъ ясенъ для всякаго, кто знаетъ, какъ индѣйцы пользуются вабено для проявленія надъ какимъ-нибудь человѣкомъ черной магіи. Онъ бралъ кусочекъ березовой коры и дѣлалъ на ней изображеніе своей жертвы, затѣмъ онъ билъ въ барабанъ и пѣлъ свои заклинанія и, наконецъ, протыкалъ грудь изображенія и дѣлалъ около отверстія красное пятно. Всѣ эти манипуляціи, по принципамъ „симпатической магіи“, должны были обречь жертву на вѣрную смерть, хотя бы она жила и на островѣ, до котораго вабено не могъ достигъ.

3. Охота.—Фиг. 20-я изображаетъ охотничью экспедицію. Двѣ линіи изображаютъ рѣку, взволнованную волнами. По ней плыветъ каноэ, управляемое ея хозяиномъ. На носу, для того, чтобы можно было освѣщать путь, который взять рулевымъ, горитъ сосновая сукъ, огонь котораго загорюженъ кускомъ березовой коры.

Рис. 20. Воспоминаніе оджибваскаго охотника.

Благодаря такому приспособленію, дичь, когда она подходитъ къ водѣ, чтобы напиться, становится замѣтной съ затемненной части каноэ. Впереди лодки нарисовано два оленя. За ними кругъ, изображающій озеро, изъ котораго выглядываетъ голова и рога третьяго оленя. По правую сторону озера изображена лавъ, а за ней два вигвама охотника. Возможно, что эти четыре животныхъ и были убиты во время описываемой охотничьей экспедиціи.

Рис. 21. Хидатскаскій пиктографъ на буйволовой лопаткѣ.

Рис. 21, выцарапанный на буйволовой лопаткѣ рассказываетъ исторію усилій одного индѣйца разыскать своихъ товарищей, отправившихся на охоту за буйволомъ. Слѣды отъ животного и его преслѣдователей показаны пунктирными линіями. Головы изображаютъ индѣйца, отправившагося искать своихъ пропавшихъ товарищей и подающаго имъ голосъ; въ самомъ низу онъ только что отправляется на поиски, дальше онъ подвигается впередъ, продолжая кричать до тѣхъ поръ, пока они ему не откликнулись изъ своего лагеря.

Любопытнымъ является и слѣдующій пиктографъ. „Охотники, которымъ не посчастливилось до того, что имъ приходилось умирать съ голоду, оставляютъ на кускѣ дерева нарисованными или выцарапанными фигуры, которыя даны здѣсь на рис. 22-мъ и втыкаютъ палку съ этими изображениями на тропинкѣ, на которой ихъ легче всего будетъ найти; палка обыкновенно ставится нѣсколько наклонно въ томъ направленіи, гдѣ находится жилище охотника. Горизонтальная линія 1) обозначаетъ каноэ; 2) жестъ человѣка съ раскрытыми, какъ бы для объятія, руками обозначаетъ: „ничего“, а фиг. 3) съ поднятой кверху правой рукой равнозначно слову „пища“ или „ѣсть“, и въ то же самое время приподнятая лѣвая рука указываетъ на 4) хижину голоднаго человѣка. Здѣсь мы подходимъ къ идеографическому состоянію письменъ и, какъ будетъ показано въ своемъ мѣстѣ эти приемы письма въ существенныхъ своихъ чертахъ тождественны съ тѣмъ, что было найдено въ Египтѣ и у другихъ народовъ древности. Но, какъ было уже замѣчено и какъ неоднократно будетъ доказано на дальнѣйшихъ страницахъ, въ развитіи письменности не можетъ быть намѣчено рѣзкихъ пограничныхъ линій.

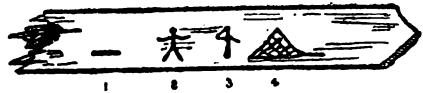

Рис. 22. Сообщение о голодовкѣ охотника.

4. Война.—Шудькрафтъ приводитъ въ своей работѣ образецъ письма, найденнаго имъ на кускѣ коры. Оно было прикрѣплено къ верхушкѣ шеста такъ, чтобы привлечь вниманіе другихъ индѣйцевъ, которые могли случайно

проходить здѣсь. Начиная съ правой стороны средняго ряда, мы имѣемъ 1—начальника отряда со шпагой въ рукѣ; 2—его секретаря, 3—геолога партіи съ молоткомъ въ рукѣ, 4 и 5—двухъ членовъ посольства, 6—переводчика, 7 и 8 двухъ чиншеваскихъ проводниковъ; въ верхнемъ ряду группа изъ семи солдатъ, вооруженныхъ мушкетами. Степной тетеревъ и черепахи (11 и 12) указываютъ на то, чѣмъ продовольствовался весь отрядъ.

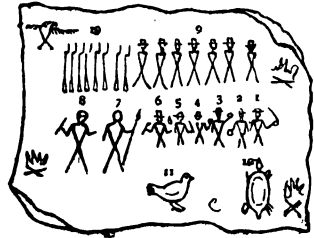

Рис. 23. Индѣйская экспедиція.

Рис. 24-ый даетъ біографію Вингемунда, знаменитаго делаварскаго вождя. Первая фигура въ верхнемъ лѣвомъ углу, черепаха, которая представляетъ изъ себя тотемъ племени; вторая фигура изображаетъ вождя; третья солнце, подь которымъ сдѣлано десять полосъ, представляющихъ десять экспедицій, въ которыхъ Вингемундъ принималъ участіе. На противоположной сторонѣ подь цифрами 4, 5, 6, 7, изображены плѣнники обоеихъ половъ, какъ оставленные живыми, такъ и убитые (послѣдніе нарисованы безъ головы). Въ серединѣ рисунка дано изображеніе нѣсколькихъ позицій, взятыхъ ими штурмомъ, а косыя полосы въ самомъ низу рисунка обозначаютъ численность свиты Вингемунда.

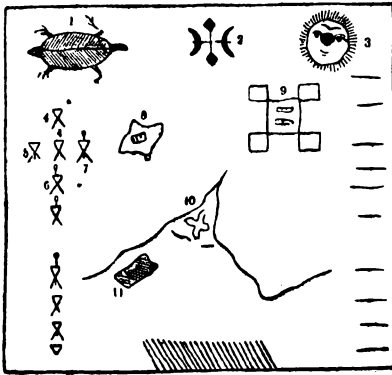

Рис. 24. Біографія индѣйскаго вождя.

5. Политическіе и социальныя вопросы.—Заглавный рисунокъ настоящей книги представляетъ изъ себя копію петиціи, посланной группой индѣйскихъ племенъ Конгрессу Соединенныхъ Штатовъ о разрѣшеніи ловить рыбу въ нѣкоторыхъ маленькихъ озерахъ около Верхняго Озера. Во главѣ представленъ кланъ Ошкабависъ, тотемъ котораго — 1— журавль; за нимъ слѣдуютъ Ваймитлигцигъ, (3) Огемагее и третіей (4), тотемы которыхъ—куница; 5—Малый Елькъ, тотемъ котораго медвѣдь; 6—далѣе кланъ

съ тотемомъ—человѣкомъ рыбой; и наконецъ, 7) кланъ, у котораго тотемъ морская кошка (особая порода рыбъ).

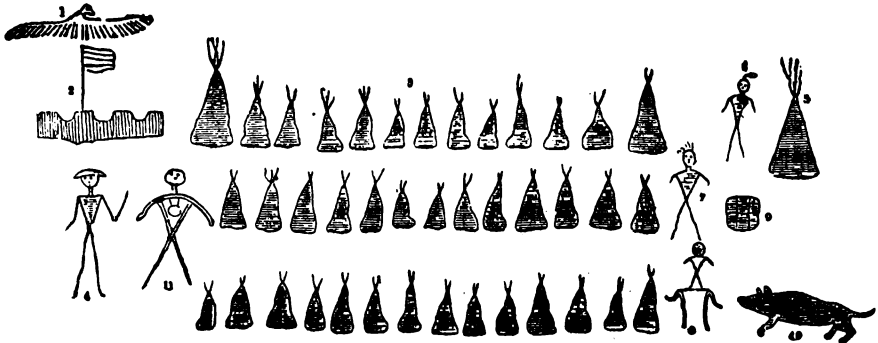

Рис. 25. Письмо, сообщающее о мирныхъ переговорахъ.

Изъ глазъ и сердца каждаго изъ этихъ животныхъ проведены линіи соединяющія ихъ съ глазами и сердцемъ журавля для того, чтобы показать, что они всѣ — единомышленники; глаза же журавля одной линіей соединены съ озерами, о которыхъ хлопочуть указанные племена, а другой—съ Конгрессомъ.

ства, въ то время, какъ согнутая полукругомъ лѣвая рука обозначаетъ возвращеніе ¹⁾).

с) Идеографическая ступень. — По мѣрѣ того, какъ начертанія переходятъ отъ образа къ эмблемѣ или символу, значенія ихъ становятся все болѣе и болѣе темными. „Теперь“, — какъ замѣчаетъ полковникъ Маллеръ, —

„они не описываютъ предметы, а лишь намекаютъ на нихъ; они уже не говорятъ непосредственно черезъ глазъ уму, а предполагаютъ въ умѣ знакомство съ известными событиями или фактами, о которыхъ напоминаютъ данные знаки. Символы радуги, голубя, оливковой вѣтви ничего не говорятъ народу, незнакому съ космологіей Моисея и ли космологіями, ей подобными, точно такъ же, какъ крестъ и полумѣсяцъ — тѣмъ, кто не знаетъ исторіи“. И даже въ пиктографѣ, какъ это замѣчаетъ выдающійся авторитетъ въ данной области, „очень трудно, если не невозможно установить различіе между исторически-

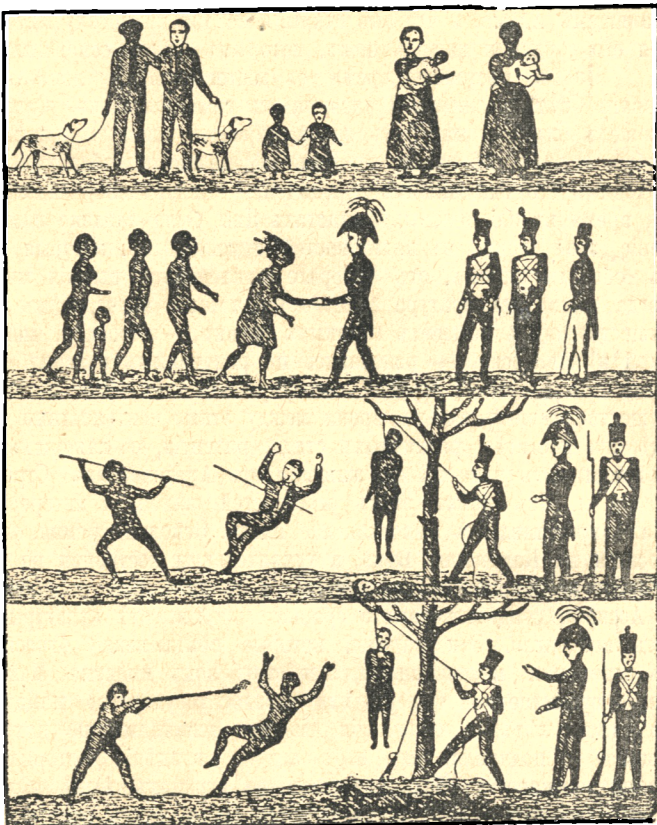

Рис. 27а. Картинное письмо. Прокламація къ неграмъ одного изъ европейскихъ губернаторовъ Ванъ-Дименовой Земли.

ми разсказами и преданіями, полученными отъ индѣйцевъ. Зимніе счеты (т. е. определеніе времени по зимамъ и приложение къ нимъ вмѣсто чиселъ известныхъ названій, какъ „зима, во время которой ловили дневныхъ лошадей“, для чего употреблялось лассо), представляя главную цѣнность, какъ календарныя данныя, содержатъ известный матерьялъ, представляющій элементы несомнѣнной исторіи того или другого племени. Трудности истолкованія, какъ можно судить изъ приведенныхъ примѣровъ, заключаются въ большинствѣ случаевъ въ томъ, что это „были только мнемоническія записи, но онѣ трактовались въ связи съ матерьяльными предметами, употребляемыми съ мнемоническими цѣлями“ (Маллеръ).

Признаки движенія впередъ отъ образнаго къ идеографическому письму, которые замѣчаются уже у краснокожихъ индѣйцевъ, наиболѣе рѣзко опредѣляются въ іероглифахъ и фонетическихъ начертаніяхъ на каменныхъ памятникахъ и въ рукописяхъ, найденныхъ среди остатковъ исчезнувшихъ народовъ Мексики и Юкатана.

¹⁾ Пиктографы встрѣчаются и въ Россіи. Таковы, напр., «писаницы» (изображенія людей, звѣрей и др.) по Енисею и Тоболу. *Прим. перевод.*

Извѣстное количество недѣльных теорій о связи культуры Центральной Америки съ культурой Старога Свѣта широко распространилось среди публики съ того времени, когда лордъ Конгсборо опубликовалъ свою, роскошно иллюстрированную, книгу съ цѣлью доказать, что древніе мексиканцы являются потомками потерянных десяти колѣнъ Израиля, и когда д-ръ Августъ Ле-Плонжонъ далъ намъ свои „доказательства“ того, что Юкатанъ былъ первымъ пристанищемъ Адама, и что онъ открылъ не только могилу Авеля, но выкопалъ изъ нея его сердце и нащелъ ножъ, которымъ Каинъ совершилъ свое убійство!

Но въ настоящее время съ достовѣрностью доказано, что цивилизація Новаго Свѣта возникла и развивалась самостоятельно. Самъ человѣкъ, — произошелъ онъ или нѣтъ отъ одной пары, — впервые появился въ одной какой-нибудь странѣ, вѣроятно, въ Индо-Малазійской области, такъ какъ здѣсь мы находимъ его ближайшихъ сородичей, — челоѣкообразныхъ обезьянъ, и въ то же время въ пліоценовыхъ пластахъ Явы было найдено замѣчательное подкрѣпленіе этой теоріи въ видѣ костей ископаемыхъ, которыя сближаютъ челоѣка съ общимъ типомъ, отъ котораго отклонились высшія животныя. Въ періодъ, когда общая температура земного шара была мягче, чѣмъ теперь, предки нынѣ существующихъ четырехъ главныхъ группъ, — эоіопской, монгольской, американской и кавказской, — разсѣялись по различнымъ поясамъ обитаемаго міра, при чемъ американская группа эмигрировала изъ Азіи и Европы по перешейку, существовавшему въ то время между этими континентами и Новымъ Свѣтомъ, гдѣ она достигла различныхъ стадій развитія, о каковыхъ и теперь еще свидѣлствуютъ племена ея, живущія отъ Арктическихъ Странъ до Мыса Доброй Надежды. Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей наиболее интересный и цѣнный матеріалъ представляетъ мексиканское плато. Осколки кремня, служащія орудіями относятся къ Каменному Вѣку, а удивительныя постройки по циклопическимъ размѣрамъ и украшеніямъ соперничаютъ съ дворцами, могилами и храмами Египта и Ассиріи, свидѣлствую о сравнительной высотѣ культуры тѣхъ расъ, которыя ихъ воздвигли. Эти народы, которые обыкновенно относятся въ одну группу съ древними мексиканцами, извѣстны подъ именемъ Майя и Ацтеки. Какъ долго существовала имперія или союзное государство майа'овъ, неизвѣстно, но за двѣсти лѣтъ до завоеванія Америки испанцами, на нихъ, повидимому, обрушились и подчинили ихъ себѣ ацтеки, владѣнія которыхъ простирались отъ Атлантическаго до Тихаго Океана въ странахъ, нынѣ образующихъ Мексику и часть Соединенныхъ Штатовъ. Остатки этихъ двухъ расъ оказываются въ высшей степени неполными и запутанными, а потому не удалось на основаніи ихъ установить какой-либо связанной исторіи. Но во всякомъ случаѣ имѣются явныя доказательства того, что майя въ интеллектуальномъ отношеніи представляютъ собою высшую расу; ацтеки, которые еще и до сихъ поръ составляютъ главную массу населенія Южной Мексики, многое позаимствовали отъ нихъ, особенно въ области религіи. „Если письменна могутъ служить показателемъ интеллигентности, то майя'и должны быть поставлены во главѣ не только мексиканскаго народа, но и перувианцевъ. Относительно послѣднихъ можно съ увѣренностью сказать, что въ области письменныхъ знаковъ они не подвинулись дальше, чѣлъ квитусы и бирки; мексиканцы же, хотя и изобрѣли бумагу, но записывали свои идеи, — за исключеніемъ немногихъ случаевъ употребленія фонетическихъ знаковъ, — какъ это дѣлали бы дѣти, при помощи рисунковъ — образовъ; но майя'и, подобно египтянамъ поднялись надъ иероглифией до іероглифовъ, гдѣ символы, болѣе или менѣе произвольные, стоятъ вмѣсто словъ или слоговъ и умъ уже является подготовленнымъ къ открытію алфавита“ (Мерсеръ). Нѣкоторые изъ наиболее замѣчательныхъ памятниковъ майа'овъ, покрытыхъ іероглифами, найдены были во дворцѣ Паленка, какъ по испански называлась древняя юкатанская столица. Оно находится на выштукатуренныхъ доскахъ надъ статуями, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ любопытное соотвѣтствіе съ египетскими статуями, такъ какъ носятъ

на себѣ пріятное, но неподвижное выраженіе послѣднихъ и украшены такими-же головными уборами (рис. 28).

Время и фанатизмъ, къ сожалѣнію, наложили свою разрушающую руку, на рукописи, и для дешифра ихъ не было найдено достаточно удовлетворительнаго ключа; истолкованію поддались лишь немногія слова, разбросанныя то тутъ, то тамъ. Эти рукописи были исполнены яркими и разнообразными красками при помощи кисточки, сдѣланной изъ перьевъ на особо приготовленныхъ кожахъ, бумагахъ или свиткахъ, сдѣланныхъ изъ хлопчато-бумажной матеріи или матеріи, сотканной изъ фибры алоэ. Пиктографическая система, созданная такимъ образомъ, находила себѣ приложение въ цѣляхъ повседневной жизни. Сообщенія, имѣющія временное, преходящее значеніе заносились на бумагу, сдѣланную изъ фибры листьевъ одного агвавого растения; „записи, которымъ приписывалось постоянное значеніе изображались на шкурахъ животныхъ, приготовленныхъ соответственнымъ образомъ (для этого употреблялись кожи медвѣдя и оленя). Эти рисунки, „pinturos“, обыкновенно исполнялись на обѣихъ сторонахъ кожи, которой придавали видъ продолговатой и часто длинной полосы“ (Пайне). Наиболѣе раннія іероглифическія письма исполнялись священниками, которые должны были быть стариками, вдовцами и дать обѣтъ цѣломудрія и одиночества. Такія письма были извѣстны только посвященнымъ.

Рис. 28. Статуя изъ Палена.

Преданіе говорить, что адтеки уничтожали многія изъ пиктографическихъ рукописей майа'овъ, такъ какъ онѣ напоминали о величій покореннаго народа. Но испанцы, въ свою очередь, уничтожили еще больше. Думаррага, мексиканскій епископъ, и Ланда, юкатанскій епископъ, предали торжественному сожженію рѣзныя работы, статуи, картины на деревѣ и безчисленные рисунки и іероглифы, написанные на туземной бумагѣ и кожѣ оленя, и такимъ образомъ только какіе нибудь пол-дюжины отрывковъ изъ юкатанскихъ книгъ были найдены, какъ остатки того времени. Епископъ Ланда, вѣроятно, на основаніи свѣдѣній, полученныхъ отъ священниковъ майа'овъ, пытался подобрать ключъ для объясненія этихъ рукописей, такъ какъ его горячимъ желаніемъ былъ переводъ нѣкоторыхъ религиозныхъ и молитвенныхъ книгъ въ цѣляхъ наиболѣе успѣшнаго обращенія. Въ своей работѣ онъ указываетъ на нѣкоторое число алфавитныхъ начертаній, но ключъ въ концѣ концовъ все-таки не удался, и д-ръ Исаакъ Тейлоръ приходитъ къ заключенію, что пиктографическая система, которая была изобрѣтена и развита племенами Центральной Америки настолько темна и такъ мало извѣстна съ исторической точки зрѣнія, что на нее приходится смотрѣть скорѣе какъ на извѣстный литературный курьезъ, чѣмъ какъ на матерьялъ, который бы позволилъ намъ прійти къ нѣкоторымъ общимъ заключеніямъ относительно природы раннихъ ступеней развитія графическаго искусства“. Не смотря однако на этотъ уничтожающій приговоръ, майа-адтекскія письма имѣютъ свою цѣнность, хотя бы въ интересахъ сравненія. Въ музеѣ, въ Мексикѣ сохранился цѣлый рядъ пиктографовъ, представляющихъ случаи переселенія племенъ, народныя лѣтописи, жертвоприношенія богамъ, воспитаніе дѣтей (ихъ занятія, наказанія, пища). За іероглифами здѣсь слѣдуютъ знаки, постепенно принимавшіе условное значеніе, образчики которыхъ были даны изъ письма краснокожихъ индѣйцевъ; — стрѣла обозначаетъ врага; нѣсколько стрѣлъ, нѣсколько враговъ; направленіе стрѣлы указываетъ направленіе врага; кусокъ маисоваго пирожка, высывающійся изъ рта, значить „ѣсть“; символъ воды между губами значить „пить“; горизонтальныя линіи съ головками стрѣлъ на нихъ служатъ для обозначенія культивированной площади земли; нѣкоторые изъ этихъ идеографовъ были окрашены въ цвѣта тѣхъ предметовъ, которые они должны напоминать; какъ образчикъ наиболѣе нея-

снаго идеографа мы приведемъ распростертыя руки, что должно вѣроятно обозначать отрицаніе;—всѣ эти начертанія свидѣтельствуютъ о движеніи впередъ въ сторону фонетическаго слогового письма. Названія лицъ и мѣстъ указываются иногда символическими фигурами. Такъ, напр., Чапульшепекъ или „кузнечиковый холмъ“, представленъ холмомъ и кузнечикомъ; Тзомпанко—„мѣсто череповъ“, черепомъ и перегородкой между двумя столбами, какъ выставлялись обыкновенно черепа враговъ; и макуильсохильтъ—„пять цвѣтковъ“,—пятью точками и однимъ цвѣткомъ. Иногда мы находимъ пару словъ,—въ родѣ ребуса.

d) Фонетическая стадія. — Древнее мексиканское письмо даетъ образчики тѣхъ перемѣнъ, которыя наблюдаются при переходѣ отъ пиктографической къ фонетической (отъ образной къ звуковой) стадіи. Въ рукописи извѣстной, какъ Le Tellier Codex, имя этого царя (рис. 29) представлено змѣей (coatl) съ каменными ножами (itzli) на ея спинѣ. Это простое пиктографическое письмо, но въ Vergara Codex мы находимъ

Рис. 29. Итцкоальтъ.

уже ребусо-образную форму (рис. 30). „Первый слогъ, itz, представленъ оружіемъ съ цѣлымъ рядомъ клинковъ изъ обсидіана *), itz (tli), но остальная часть слова, coatl, хотя и обозначена змѣею, но написана не при помощи изображенія змѣи, а при помощи изображенія глинянаго горшка, со (mitl) и надъ нимъ знака воды, а (tl). Здѣсь мы уже имѣемъ дѣйстви-

Рис. 30. Ребусъ Итцкоальтъ.

тельное фонетическое письмо, ибо имя читается не согласно смыслу „ножъ-котель-вода“, но согласно звукамъ ацтекскихъ словъ: „Itz-co-atl“. Д-ръ Тейлоръ прибавляетъ, что нѣтъ достаточныхъ основаній для того, чтобы сомнѣваться въ томъ, что это чисто фонетическое письмо было туземнаго мексиканскаго происхожденія и что послѣ испанскаго завоеванія способъ письма пошелъ по новому и любопытному пути. Испанскіе миссіонеры, находясь въ затрудненіи, какъ бы удержать въ памяти обращенныхъ Ave Maria и Pater noster въ виду того что слова для этихъ послѣднихъ представляли, конечно, совершенную безмыслицу, нашли помощь у самихъ индѣйцевъ, которые подбирали ацтекскія слова возможно ближе къ латинскимъ звукамъ и записывали пиктографическіе эквиваленты для этихъ словъ, давая себѣ, такимъ образомъ, возможность вспомнить требуемыя формулы. Торквемада и Ласъ Казасъ записали два случая такихъ приспособленій.

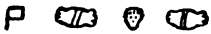

Рис. 31. Ребусъ: Pater noster.

Pater noster было написано при помощи флага (pantli) и колючей груши (pochtli), въ то время какъ знакъ воды а (tl) въ комбинаціи со знакомъ алоэ, те (tl), составлялъ слово ametl, которое должно было бы обозначать „вода—алоэ“, но по звукамъ довольно близко подходило къ звуку амен (аминь). М. Обинъ нашелъ начало молитвы Господней (Pater noster), написанной въ такомъ же родѣ, въ столичномъ книгохранилищѣ Мексики (рис. 31). Первые слова этой молитвы были изображены при помощи флага, pan (tli), камня te (tl), колючей груши, (poch) (tli) и снова камня te (tl); такимъ образомъ ихъ можно было бы прочесть Pa-te-poch-te (Па-те-ноч-те,—Pater noster:—Патеръ ностеръ). Послѣ завоеванія, когда испанцы принялись рьяно вводить свою религію и свою цивилизацію среди покоренныхъ мексиканцевъ, они все же нашли удобнымъ допустить древніе пиктографы даже въ легальныхъ документахъ. Само собою разумѣется, что черезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени пиктографія была вытѣснена алфавитомъ и именно отъ этого переходнаго періода сохранились многія,—пожалуй большая часть пиктографовъ. „Одинъ изъ пиктографовъ—писемъ, сохраняющихся въ музеѣ въ Мексикѣ, представляетъ изъ себя подлинникъ, посланный Монтезумѣ. Здѣсь

*) Родъ агата.

мы видимъ фигуры вновь прибывшихъ бѣлыхъ людей, ихъ корабли и лошади, ихъ пушки, изрыгающія изъ своихъ жерлъ огонь и дымъ“ (Тейлоръ).

Въ общемъ развитіи искусства письма, мексиканское письмо даетъ намъ поэтому образчикъ приближенія къ фонетической системѣ; но подняться до алфавита это письмо не могло, вѣроятно въ силу того, что племя майя подпало подъ власть менѣе развитого въ умственномъ отношеніи завоевателя, который многое заимствовалъ у нихъ, но ничего не далъ для дальнѣйшаго развитія, уступивъ въ свою очередь высшей силѣ испанцевъ.

ГЛАВА IV.

Китайскія, японскія и корейскія письмена.

Китай представляетъ изъ себя страну остановившагося развитія и соотвѣтственно этому и письмо ихъ остановилось тысячи двѣ лѣтъ тому назадъ въ зачаточномъ состояніи, являясь интереснымъ нагляднымъ урокомъ о раннихъ процессахъ въ развитіи письма на той ступени его, когда люди отвыкли уже отъ веревкокъ, узловъ и отъ Ку-в-ан'а, или „древнихъ рисунковъ“ и перешли къ Линг-шинг'у, или „рисункамъ и звукамъ“. Языкъ ихъ никогда не поднимался выше уровня односложныхъ словъ; въ немъ нѣтъ окончаній, при помощи которыхъ можно было бы выразить лицо, время, наклоненіе, число; одно и то же слово безъ перемѣны формы употребляется то какъ существительное, то какъ глаголь, то какъ „иная часть рѣчи“,—такимъ образомъ фраза можетъ быть составлена только при соблюденіи мѣста нѣкоторыми словами, составляющими ее. Напр., въ то время, какъ коренное значеніе одного слова „большое существо“, оно можетъ быть употреблено, какъ существительное и означать „величіе“; какъ прилагательное,—„великій“; какъ глаголь,—„быть великимъ“, или „дѣлать великимъ“, и какъ нарѣчіе,—„величественно“. Но, кромѣ того, не только положеніе словъ въ фразѣ, но также и тонъ, и жесты необходимы для истолкованія языка.

Солнце. Луна. Гора. Дерево. Пѣсня (ухо птица). Свѣтъ.

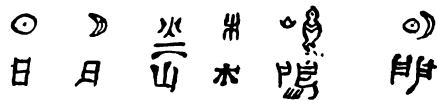

Рис. 32. Китайское образное письмо и позднѣйшіе уніалы.

Письмена распадаются на шесть групп, или классовъ: 1—пиктографы, дающіе рисунокъ самой вещи, 2—указательныя, которые своей формой и положеніемъ своихъ частей напоминаютъ обь идеѣ, возникшей въ головѣ ихъ изобрѣтателя; 3—сложныя, составленные изъ двухъ знаковъ, значеніе которыхъ сливается въ одно значеніе сложнаго; 4—перевёрнутыя, или употребляя принятый для нихъ терминъ topsy-turvy; 5—заимствованныя, т. е. имѣющія другое значеніе, приданное имъ; 6—фонетическія, т. е. одна часть указываетъ на смыслъ, а другая на языкъ. Въ китайской фразѣ идеограмма — „мать значенія“, а фонограмма—„мать звука“. Матерьялы, употребляемые при письмѣ, въ большой степени опредѣляютъ форму, которую принимаютъ письменные знаки, и въ современныхъ или курсивныхъ начертаніяхъ, которыя на рис. 32-мъ показаны подъ первичными формами, мы видимъ результатъ примѣненія кисточки изъ кроликовыхъ волосъ, употребляемой при китайскомъ письмѣ. О первой строчкѣ нашего рисунка много говорить не приходится, такъ какъ здѣсь значки говорятъ сами за себя. Солнце нарисовано въ видѣ круга, мѣсяцъ—въ видѣ серпа, гора обозначена въ видѣ трехъ пиковъ и т. д. Но, какъ уже въ достаточной степени было показано на предыдущихъ страницахъ, такого рода начертанія не открываютъ пути для развитія: при наличности одной только графической системы невозможна еще никакая литера-

тура. Третій, или сложный классъ является наиболѣе интереснымъ, такъ какъ даетъ ключъ къ общей идеѣ представленнаго начертанія. Иногда начертанія такого рода указываютъ на ѣдкій юморъ. „Жена“ выражается знакомъ, который служитъ для обозначенія „женскаго“ и при помощи знака „метлы“,—своеобразный метониміи для женской домашней работы; для обозначенія мальчика употребляются знаки „поле“ и „сила“, такъ какъ онъ будетъ пахать землю. Надо помнить, что китайцы — чисто земледѣльческій народъ, и сложный знакъ для „процента“ у нихъ „зерно“ и „ножъ“. Начертанія „гора“ и „человѣкъ“ обозначаютъ „отшельника“; „глазъ“ и „вода“ значатъ „слезы“; глаголь „слушать“ обозначается ухомъ между двумя дверями. Знаки для полдневнаго солнца— „солнце“ и „царить“; „свѣтъ“, какъ абстрактное качество представляется фигурой солнца и мѣсяца, помѣщенныхъ рядомъ; знаки „человѣкъ“ и „два“ ставятся для обозначенія человѣческаго рода; двѣ женщины обозначаютъ „ссору“, три — „интригу“, въ то время, какъ женщина подъ двумя деревьями обозначаетъ „желаніе“ или „скудость“. Но неприкосновенность тѣхъ и другихъ символовъ дать начертанія для требованій языка, въ которомъ одинъ и тотъ же звукъ стоитъ для большого числа идей, вызвали къ жизни фонетическую группу, развитіе которой изъ пиктографа, болѣе или менѣе идеографическаго, произошло за нѣсколько столѣтій до Р. Хр. Первоначально число символовъ или комбинацій изъ гласныхъ и согласныхъ доходило до 450. Благодаря варіаціямъ въ тоиѣ при произношеніи этихъ звуковъ число односложныхъ словъ возрастаетъ для уха до 1.200 слишкомъ. Но китайскіе словари содержатъ свыше 40.000 словъ, и все это письменные знаки для выраженія всѣхъ фонетическихъ символовъ. Это были сложные знаки, при чемъ первое начертаніе, какъ показано выше, является фонограммой или звукомъ-словомъ, а второе начертаніе—опредѣлительное, т. е. является идеограммой, или смысломъ-словомъ. Они, какъ замѣчаетъ проф. Уитней, „являются скорѣе вспомогательнымъ языкомъ, чѣмъ сведеніемъ рѣчи къ письму“. Знакъ для слова «человѣкъ» имѣетъ почти 600 комбинацій, обвивающихъ различныя отношенія къ человѣку; знакъ для „дерева“ имѣетъ около 900 комбинацій для того, чтобы указать различныя роды дерева, вещи, сдѣланныя изъ дерева и т. д.; въ то же самое время,—для того, чтобы взять конкретный примѣръ,—ре, которое обозначаетъ „бѣлый“, имѣетъ, если поставить впереди слово „дерево“, значеніе, „кипариса“; съ знакомъ „человѣкъ“ обозначаетъ „старшій братъ“; со знакомъ „люди“ обозначаетъ жизненное начало, которое остается по смерти человѣка и т. д.

Хотя теоретически китаецъ долженъ изучить огромное количество начертаній, прежде чѣмъ онъ научится писать на своемъ языкѣ, и такимъ образомъ при большомъ прилежаніи лишь къ 35 годамъ будетъ обладать такою же способностью читать и писать, какой англійскій ребенокъ при 36 начертаніяхъ своего алфавита, достигаетъ обыкновенно въ десять лѣтъ; но практически, для обычной жизни достаточно. бываетъ трехъ или четырехъ тысячъ начертаній, и удобство „системы, позволяющей тѣмъ, кто обмѣнивается взаимно непонятными идиомами разговаривать другъ съ другомъ, пользуясь кисточкой вмѣсто языка“ вызвало множество попытокъ приблизиться къ алфавитной системѣ, которая поощрялась китайскимъ правительствомъ нѣсколько столѣтій тому назадъ.

Напротивъ того, японцы съ той гибкостью, которая помогла имъ встать во главѣ восточныхъ народовъ, отобрали, въ результатѣ соприкосновенія съ буддизмомъ, который пришелъ къ нимъ изъ Китая, нѣсколько знаковъ изъ непроходимаго тѣса китайскихъ начертаній и установили изъ нихъ алфавитъ или *irofa*, такъ называемый по первымъ буквамъ, какъ нашъ алфавитъ по альфѣ и бетѣ. Такъ какъ ихъ языкъ оказывается многословнымъ, то отсюда слѣдуетъ, что каждый знакъ долженъ употребляться въ качествѣ слога, а отсюда уже приспособленіе такихъ слоговъ было уже нетрудно. Но, подобно всѣмъ букварямъ, которыя состоятъ изъ ряда слоговъ, и этотъ имѣлъ тотъ недосга-

токъ, что онъ вынужденъ былъ пользоваться большимъ количествомъ знаковъ, которые совершенно не нужны алфавиту.

Японцы имѣютъ два слоговыхъ букваря, происхожденіе которыхъ относится къ концу девятаго столѣтія послѣ Р.-Х. Одинъ, Хиракана, происходитъ отъ курсивной формы китайскихъ начертаній, носящихъ названіе „tsau“ или „трава“, содержитъ около трехсотъ силлабическихъ звуковыхъ знаковъ; другой, извѣстный подъ именемъ катакана, происходитъ отъ типа китайскихъ начертаній *ku a i* или „образецъ“, и является наиболѣе простымъ, такъ какъ имѣетъ только по одному начертанію для cadaго изъ 47 слоговыхъ звуковъ въ японскомъ языкѣ. Но намъ вѣтъ надобности здѣсь подробно бесѣдовать ни о томъ, ни о другомъ, такъ какъ съ проникновеніемъ романскаго алфавита, явившагося туда съ другими новинками Запада, громоздкіе слоговые букваря, вѣроятно, будутъ вытѣснены въ довольно короткое время, и японскія письмена наряду съ письменами майа'овъ и ацтековъ сдѣлаются просто графическими курьезами.

Официальнымъ письмомъ въ Корейѣ является китайское, но низшіе классы пользуются фонетическимъ алфавитомъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ авторитетовъ, происходитъ отъ курсивной формы индѣйскихъ письменъ Нагари и былъ введенъ, какъ предполагается, буддѣйскими проповѣдниками. И настоящее, и прошлое время даютъ поразительные примѣры вліянія религіи на распространеніе алфавитовъ, такъ какъ миссіонеры пользуются своимъ собственнымъ алфавитомъ при переводѣ своихъ священныхъ книгъ на языки обращенныхъ.

Какова бы ни была связь между корейскими и индѣйскими письменами, прослѣдить ее въ измѣненіяхъ первыхъ не удастся. Но въ дѣйствительности мы очень мало знаемъ по этому вопросу, и кое-что лишь говоритъ въ пользу одной старинной легенды. По этой легендѣ, Се-джо, царствовавшій 500 лѣтъ тому назадъ, приказалъ своему главному ученому, Сонгъ Саммуну, изобрѣсти алфавитъ, который былъ бы лучше громоздкаго китайскаго; названный ученый взялъ за основу тибетскія начертанія, но такъ какъ они имѣли только согласные звуки, то онъ обратился къ древне-китайскому и преобразовалъ шесть основныхъ простѣйшихъ знаковъ въ корейскія гласныя, называя гласныя и согласныя соответственно «матерью» и «дитятей». Буквы были «связаны въ пучки» такъ, чтобы онѣ походили на китайскія начертанія (рис. 33) для того чтобы „облегчить передачу китайскаго текста въ параллельные столбцы“. Здѣсь имѣется еще любопытное преданіе, напоминающее китайскую легенду о происхожденіи письма, о томъ, что на форму корейскихъ начертаній изобрѣтателя навели рисунки рѣзныхъ работъ на дверяхъ домовъ туземцевъ.

Рис. 33. Китайскій и Тибетскій триглотъ.

ГЛАВА V.

Клинообразное письмо.

До сихъ поръ одно лишь любопытство толкаетъ на изученіе древнихъ письменъ, такъ какъ чувствуется, что-то чуждое во всемъ, что мы изучаемъ въ китайской, майаской и другихъ системахъ, не имѣющихъ исторической связи съ системами, отъ которой, вѣроятно, произошелъ нашъ алфавитъ.

Съ исторіей этихъ послѣднихъ системъ письменныхъ знаковъ связанъ уже реальный интересъ не только потому, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заключаются источники цивилизованнаго міра, но и потому, что всѣ они принимали

участіе въ сохраненіи умственныхъ и духовныхъ сокровищъ, потеря которыхъ остановила бы прогрессъ могучихъ группъ человѣческаго рода.

Обращаясь теперь къ письменамъ Месопотаміи, мы должны прежде всего остановиться на клинообразныхъ начертаніяхъ, найденныхъ на глиняныхъ табличкахъ и цилиндрахъ и на великихъ памятникахъ Астріи, Вавилона и другихъ восточныхъ имперій минувшихъ вѣковъ. Истинная сущность этихъ остатковъ была забыта въ теченіе многихъ сотенъ лѣтъ и, когда они были вырыты изъ сорныхъ кучъ, то никому и въ голову не пришло что эти фантастическія, уголоватыя начертанія могутъ имѣть какое-нибудь серьезное значеніе.

Въ 1621 году Pietro della Valle, испанскій путешественникъ, посѣтилъ знаменитыя развалины Персеполиса, и, повидимому, первый сталъ догадываться, что стрѣло-головчатые знаки были надписями, хотя и не способевъ быть дешифрованы ихъ. Какъ бы тамъ ни было, но путешественникъ этотъ сдѣлалъ остроумное наблюденіе, что такъ какъ острый конецъ предполагаемыхъ имъ буквъ никогда не былъ обращенъ въ правую, а всегда въ лѣвую сторону косяхъ начертаній, то знаки эти, слѣдовательно, писались слѣва направо.

„По великолѣпной лѣстницѣ, или вѣрнѣе, по парѣ лѣстницъ, которыя начинаются съ противоположныхъ сторонъ и сходятся у вершины, иностранецъ поднимается до постройки, возведенной на большой платформѣ, искусственно устроенной такъ, чтобы она могла господствовать надъ обширной равниной и имѣла бы сзади высокую гору въ видѣ амфитеатра. Здѣсь находятся гигантскіе остатки различныхъ дворцовъ, большіе портики съ крылатыми быками и барельефы, представляющіе боговъ и царей. Въ красной скалѣ и горѣ, находящейся позади этихъ дворцовъ, были вырыты могилы, въ которыхъ, очевидно, покоились останки обитателей дворцовъ, и всѣ скалы и стѣны были покрыты клинообразными и стрѣльчатыми надписями, состоящими изъ очень простыхъ элементовъ, представляющихъ клинья и углы, но въ безконечно разнообразныхъ комбинаціяхъ... Но воспоминаній объ этомъ языкѣ и его значеніи не сохранилось вовсе, и невѣжественные жители по сосѣдству смотрятъ на эти тексты даже съ большимъ благоговѣніемъ, чѣмъ на крылатыхъ чудовищъ, возвышающихся надъ равниной. Онѣ были для нихъ символами магической силы, которая, —если ею должнымъ образомъ воспользоваться,—откроетъ тайныя сокровища, охраняемыя львами и быками (Магаффи)“.

Ученые шестнадцатаго столѣтія не проявили, однако, болѣе проницательности, чѣмъ дикіе номады, которые раскидывали свои палатки подъ тѣнью каменныхъ чудовищъ. Много лѣтъ спустя послѣ посѣщенія della Valle'а, одинъ востокѣдъ (Hude) въ книгѣ о древней персидской религіи дѣлаетъ глубоко-мысленную догадку, что эти знаки были начертаны какимъ-то фантастическимъ архитекторомъ и показываютъ будто, въ какихъ комбинаціяхъ и сколько разъ были сдѣланы удары молотомъ при постройкѣ зданія. Другой знатокъ древности удовольствовался тѣмъ, что объявилъ эти знаки талисманами; третій видѣлъ въ нихъ мистическія формулы жрецовъ или астрологическія символы древнихъ халдейскихъ почитателей звѣздъ; былъ и такой ученый, который полагалъ, что эти знаки обозначаютъ тотъ способъ объясненія на пальцахъ, который примѣнялъ Создатель, когда ему пришлось обратиться къ Адаму и что отъ этого-то способа взаимныхъ объясненій и произошла первобытная рѣчь человѣческаго рода; наконецъ, знаки эти считались то китайскими, то самаритянскими, то руническими. Пальма же первенства въ фантастичности должна быть отдана тому ученому, который провозгласилъ эти надписи не чѣмъ инымъ, какъ результатомъ работы безчисленныхъ поколѣній червей.

Но съ середины XVIII столѣтія здоровая школа изслѣдователей нашла своего руководителя. Великій путешественникъ, Карстенъ Нибургъ, отецъ великаго историка древняго Рима, былъ первымъ, который отгадалъ истинный характеръ этихъ надписей. Онъ согласился съ della Valle'емъ, что онѣ были написаны слѣва

направо, и замѣтилъ, что онѣ могутъ быть отнесены къ тремъ различнымъ системамъ начертанія, которыми, однако, сохраняется одно и то же содержаніе. Но показавъ въ своихъ тщательно сдѣланныхъ копіяхъ, опубликованныхъ въ 1764 г., что одна изъ этихъ системъ является болѣе упрощенной, чѣмъ другія,— всѣ же онѣ, какъ онъ предполагалъ, должны быть алфавитными вариантами одного языка,— дальше этого онъ не пошелъ. Значеніе надписей все еще оставалось тайной. Три года спустя, Мюнтеръ, датскій филологъ, правильно замѣтилъ, что діагональная черта, которая встрѣчалась часто, служила знакомъ для отдѣленія словъ, и, кромѣ того, въ этихъ надписяхъ онъ открылъ еще гласные знаки, которые въ качествахъ отдѣльныхъ начертаній не существовали ни въ еврейскомъ, ни въ другихъ семитическихъ языкахъ. Это былъ большой шагъ по направленію къ окончательному дешифрированію. Геродотъ говоритъ объ ахеменидской династіи персидскихъ царей, которые были повелителями Азіи въ шестомъ и пятомъ столѣтіяхъ до Р. Х. Развалины Персеполиса были отождествлены съ развалинами ихъ дворцовъ. Членомъ этого царскаго дома былъ знаменитый Дарій, и Геродотъ рассказываетъ, какъ этотъ монархъ, посмотрѣвши на Босфоръ, велѣлъ по сторонамъ его воздвигнуть двѣ колонны изъ бѣлаго камня и начертать на нихъ двѣ надписи, — одну на ассирійскомъ, другую на греческомъ языкѣ, — въ которыхъ были бы перечислены всѣ народы, пришедшіе сюда подъ его предводительствомъ“. Такимъ образомъ былъ установленъ обычай персидскихъ царей выбивать одну и ту же надпись на двухъ или болѣе языкахъ (что опредѣлялось необходимостью сдѣлать декреты доступными пониманію различныхъ народовъ, надъ которыми простиралась ихъ власть).

Занявшись этимъ вопросомъ, французскій ученый М. де-Саси, родившійся въ Парижѣ въ 1758 г., скопировалъ нѣсколько надписей Сассанидской династіи, которая царствовала въ Персіи въ 226—551 г.г. Онѣ были написаны на известномъ алфавитѣ, который представляетъ изъ себя смѣсь персидскаго и арамейскаго и носить названіе *rehlevi*. Де-Саси показалъ, что въ этихъ надписяхъ была принята слѣдующая формула: «Я (М или W), царь царей, сынъ такого-то (X), царя царей, сдѣлалъ то-то и то-то“. Тогда д-ръ Георгъ Фридрихъ Гротендъ, группируя различные факты, построилъ теорію о томъ, что персепольскія надписи были начертаны на трехъ языкахъ, а не тремя лишь алфавитами, какъ это предполагалъ Карстенъ Нибуръ. Постоянное повтореніе нѣкоторыхъ группъ начертанія привело его къ мысли, что надписи эти представляли изъ себя определенную формулу, варьирующую только въ собственныхъ именахъ. Если бы эти надписи начинались подобно тѣмъ, которыя были прочитаны де-Саси, съ формулой X, царь царей, сынъ D, царя царей, тогда было бы ясно, что D былъ отцомъ X'a; и далѣе, что отецъ D'a не былъ царемъ, такъ какъ его имя не сопровождалось этимъ титуломъ, а потому D долженъ быть основателемъ династіи. Теперь Гистаспъ, отецъ Дарія не былъ царемъ, но былъ лишь сатрапомъ Камбиза; и, пользуясь своими историческими познаніями на ряду съ своей филологической ловкостью, Гротендъ подыскалъ ключъ къ царскому имени. Послѣ этого своего открытія, онъ прожилъ еще тридцать лѣтъ, но къ своей славы не прибавилъ ничего, кромѣ „счастливой догадки имени Небу-хад-неззара на одной изъ ассирійскихъ надписей“. Были сдѣланы далѣе другіе расшифровки, но тѣмъ не менѣе лишь на долю генія и искусства англичанина Генри Раулинсона досталось открыть ключъ, при помощи котораго могли быть прочитаны древніе языки Персіи, Вавилона и Ассиріи и такимъ образомъ: „для человѣчества стала доступной глава всемірной исторіи, которая, казалось, была совершенно затеряна“. Этотъ выдающійся ученый нисколько не преувеличилъ значенія своего открытія, когда воскликнулъ, что истолкованіе клинообразнаго письма должно считаться почти равнымъ истолкованію надписей на Розетскомъ камнѣ, открывшимъ доступъ къ иероглифическимъ текстамъ Египта.

Исторія Раулинсоновскаго подвига достойна вниманія. Около семидесяти лѣтъ тому назадъ, въ чинѣ лейтенанта, онъ былъ отправленъ въ Персію въ качествѣ инструктора арміи шаха. Онъ уже тогда увлекался исторіей и древностями Востока и былъ радъ пожить въ странахъ, богатыхъ матеріаломъ, таинственное значеніе котораго возбуждало его пытливый духъ. Среди этихъ таинственныхъ матеріаловъ были и клинообразныя надписи, которыя относились къ шестому столѣтію до Р. Хр. и были выбиты на голой отвѣсной скалѣ у Беги-стуну, почти въ 20 миляхъ отъ Кирманшаха, округъ котораго изобиловалъ памятниками прошлаго. Съ рискомъ для своей жизни онъ взбирался на отвѣсную скалу, чтобы сдѣлать копии съ тѣхъ частей надписи, до которыхъ ему удавалось добраться. Повторяя свои экскурсіи въ теченіе ряда лѣтъ, онъ въ концѣ концовъ получилъ полную копию надписи, поскольку ее пощадилъ все разрушающая рука времени. Надпись эта была сдѣлана на трехъ языкахъ—вавилонскомъ, мидійскомъ или скискомъ и персидскомъ,—при чемъ весь матеріалъ былъ расположенъ въ параллельныхъ столбцахъ по тысячѣ строчекъ. Она повѣствуетъ о жизни и дѣяніяхъ Дарія Гистаспа, его завоеваній и народахъ, нахлывшихся подъ его управленіемъ. Барельефъ изображаетъ этого монарха съ лукомъ въ рукѣ, наступающимъ одной ногой на простертаго передъ нимъ узурпатора Гаумата, а рядъ изъ девяти взбунтовавшихся принцевъ, имена которыхъ были написаны надъ ихъ изображеніями, стоятъ предъ „царемъ царей“, прикованные другъ къ другу за шею. Два изъ солдатъ монарха находятся сзади его. Надъ Гауматомъ написано: „это Гаумать, магъ; онъ жилъ, онъ говорилъ: я—Смердисъ, сынъ Кира“. Та же самая формула повторена надъ головою каждаго изъ девяти плѣнниковъ: „это—М; онъ жилъ, онъ говорилъ, что онъ царь страны N“. Надпись начинается съ торжественнаго обращенія къ Ормузду, старинному персидскому богу свѣта и чистоты, и объясняетъ детально права Дарія на тронъ Ахеменидовъ и перечисляетъ владѣнія персидской короны. Она рассказываетъ о пораженіи Смердиса и возстаніи Сузіаны, провинціи, лежащей между Персіей и Вавилоніей. „Я послалъ туда свои войска, и возставшій Атрина былъ приведенъ предъ мое лицо въ дѣняхъ; я убилъ его“. Эта же исторія рассказывается объ остальныхъ возставшихъ подданныхъ. Объ одномъ Фраортѣ сказано, что ему были отрѣзаны носъ, уши и языкъ и что магъ „былъ распятъ въ Экбатанѣ вмѣстѣ съ его товарищами“ и т. д.

Какъ указываетъ проф. Магаффи, точное соотвѣтствие этой записи, „особенно относительнаго многихъ собственныхъ именъ, встрѣчающихся среди ея текста, съ именами лицъ и провинцій, описанныхъ Геродотомъ, является убѣдительнымъ доказательствомъ правильности дешифровки. Она можетъ дать нѣкоторое предствленіе о стилѣ документовъ, которые были сохранены. Она можетъ также засвидѣтельствовать точность рассказовъ Геродота и Ксенофонта о характерѣ древнихъ персовъ, выдающейся чертой котораго была страстная любовь къ правдѣ и ненависть ко всякой лжи“...

Дешифровка великой бегистунскаго надписи, сдѣланная Генри Раулинсономъ, дала болѣе, чѣмъ какія-либо инныя открытія, возможность проникнуть за долго запертые двери тайнъ месопотамской культуры. Персидская надпись сдѣлана на языкѣ, который является языкомъ-матерью для современнаго персидскаго, и, когда значеніе его было открыто, то истолкованіе мидійскаго или скискаго, и вавилонскаго, старѣйшаго изъ трехъ, не заставило себя ждать; при этомъ нѣкоторыя изъ начертаній дали цѣнные наглядные образчики отѣхъ ступеняхъ въ развитіи письма, которыя ему предстояли при переходѣ отъ идеографическаго къ силлабическому и при приближеніи къ алфавитному.

Клинообразныя письмена начертывались первоначально, повидимому, на ратительномъ матеріалѣ, извѣстномъ подъ именемъ *likhusi*, но обиліе глины въ аллопальной странѣ доставило матеріалъ, удобство и устойчивость котораго завоевали для него всеобщее употребленіе. На глинѣ эти начертанія выдавливались

при помощи тростника или четырехугольной палочки, и эти глиняныя рукописи затѣмъ обжигались въ огнѣ или сушились на солнцѣ. Для надписей на камнѣ или металлѣ употреблялись рѣзцы. Работа ассирійскихъ писцовъ является иногда изумительно миниатюрной, такъ что таблички содержатъ массу матеріала на крошечномъ пространствѣ. Работа, несомнѣнно, требовала иногда употребленія увеличительнаго стекла и среди открытій Ляйарда при раскопкахъ у Ниневіи имѣются кристаллическія линзы, обдѣланныя на сверлильномъ станкѣ и служившія, вѣроятно, писцамъ при исполненіи ихъ миниатюръ. Ясно, что выбранное для письма вещество предопредѣляло угловатую форму начертаній. Какъ рука живописца „подчиняется тому матеріалу, съ которымъ онъ работаетъ“, такъ и природа матеріала, въ которомъ скульпторъ ищетъ выразить свои идеи, опредѣляетъ для него предѣлы этого выраженія. Самъ Фидій не могъ бы создать свою Палладу Аѳинѣ изъ непокорныхъ сіонскихъ гранитовъ; и сфинксы Нильской долины, какъ выраженіе египетскаго темперамента, могли бы носить менѣе безстрастный видъ, если бы они были изваяны изъ пентеликскаго мрамора. Но какъ отрывистый характеръ клинописи ни стремится затѣмнить слѣды ея происхожденія, тѣмъ не менѣе для пиктографическаго происхожденія имѣется достаточно доказательствъ, хотя въ Месопотаміи не было найдено ни одного образчика такого пиктографа, который въ своей первобытной чистотѣ соотвѣтствовалъ бы тѣмъ пиктографамъ, которые были приведены нами выше изъ писемъ дикарей. Въ линейномъ вавилонскомъ письмѣ гіероглифомъ для „солнца“ является алмазо-

34a.

образная фигура 34a, которая позднѣе превратилась въ 34b, и, наконецъ, въ клинописи сдѣлалась 34c. Очевидно, что самымъ раннимъ знакомъ для этого слова былъ кругъ, который не легко было бы воспроизвести на камнѣ или на глинѣ, отсюда и опредѣлился угловатый характеръ начертанія, показаннаго выше. Нижеслѣдующая таблица, заимствованная изъ копіи, доставленной Пинчемъ профессору Кину и опубликованной въ его замѣчательной монографіи: „Человѣкъ въ прошломъ и въ настоящемъ“, даетъ рядъ типичныхъ примѣровъ того, какъ клинообразныя начертанія произошли отъ извѣстныхъ древнѣйшихъ формъ пиктографа.

34b.

Какъ примѣръ, мы можемъ еще привести идеограмму Ниневіи 35a. Древняя форма для начертанія этого слова -35b доказываетъ, что оно было составлено изъ идеографическаго изображенія дома, заключающаго внутри себя идеограмму рыбы. Такимъ образомъ въ этомъ начертаніи сохранилось воспоминаніе о томъ поучительномъ фактѣ, что императорская Ниневія была первоначально, какъ показываетъ самое имя (nān=„рыба“) — рыбацкимъ поселкомъ. Частое смѣшеніе старыхъ и новыхъ формъ въ клинописи и различныя значенія, прида-

34c.

35a.

ваемая одному и тому же знаку, увеличивали трудности задачи истолкованія. Какъ и въ другихъ языкахъ здѣсь употреблялись опредѣлительныя значки; такъ всѣмъ пменамъ человѣка предшествуетъ значекъ въ видѣ отвѣснаго клина, именамъ странъ — три горизонтальныхъ клина и т. д. Но на примѣрахъ, данныхъ въ таблицѣ, можно видѣть, какъ знаки постепенно пріобрѣтали все болѣе и болѣе условное значеніе. Такъ слово „быкъ“ представляетъ изъ себя видоизмѣненіе головы и роговъ животнаго въ фонограмму, въ то время какъ бегисутунская надпись представляетъ ясно опредѣлившуюся стадію приближенія къ упрощенію. Громадная клинопись, которая наполняетъ третью колонну, имѣетъ 500 символовъ, идеограммъ, фонограммъ и гомофоновъ; мидійская клинопись, занимающая вторую колонну, написана въ 96 чистыхъ силлабическихъ знакахъ; въ то время, какъ персидская, рассказываетъ ту же самую исторію въ 36 алфавитныхъ знакахъ, при чемъ были удержаны лишь примитивныя идеограммы. Такой пережитокъ въ

35b.

и въ другихъ языкахъ здѣсь употреблялись опредѣлительныя значки; такъ всѣмъ пменамъ человѣка предшествуетъ значекъ въ видѣ отвѣснаго клина, именамъ странъ — три горизонтальныхъ клина и т. д. Но на примѣрахъ, данныхъ въ таблицѣ, можно видѣть, какъ знаки постепенно пріобрѣтали все болѣе и болѣе условное значеніе. Такъ слово „быкъ“ представляетъ изъ себя видоизмѣненіе головы и роговъ животнаго въ фонограмму, въ то время какъ бегисутунская надпись представляетъ ясно опредѣлившуюся стадію приближенія къ упрощенію. Громадная клинопись, которая наполняетъ третью колонну, имѣетъ 500 символовъ, идеограммъ, фонограммъ и гомофоновъ; мидійская клинопись, занимающая вторую колонну, написана въ 96 чистыхъ силлабическихъ знакахъ; въ то время, какъ персидская, рассказываетъ ту же самую исторію въ 36 алфавитныхъ знакахъ, при чемъ были удержаны лишь примитивныя идеограммы. Такой пережитокъ въ

употребленіи идеограммъ можетъ быть найденъ и у насъ самихъ во многихъ случаяхъ. Таковы изображенія чиселъ I, II, III, несомнѣнно представляющіе изъ себя рисунки пальцевъ, а V, какъ совершенно основательно замѣчаетъ Гротенфендъ, есть изображеніе четырехъ пальцевъ, сомкнутыхъ вмѣстѣ, и большого пальца, отведеннаго въ сторону; далѣе, знакъ X долженъ представлять двѣ руки, а знаки VI—прибавку одного пальца и IV—отнятіе одного пальца. Употребленіе десятичнаго счисленія является среди дикихъ народовъ широко распространенныхъ.

Припомнимъ теперь, что въ томъ случаѣ, когда мы имѣли дѣло съ однослоговымъ китайскимъ языкомъ съ его словаремъ изъ сорока тысячъ словъ, символы слагались изъ фонограммы, или словъ-звуковъ, и опредѣлителей, которые играли роль ключа, дающаго возможность узнать значеніе, придаваемое фонограммамъ. Но языки древнихъ народовъ Евфратской долины были многословными, а отсюда возникла потребность въ знакахъ, обозначающихъ полные слоги, какъ комплексъ, „въ которомъ различные согласные могутъ быть различены, или какъ простые слоги, составленные изъ одной только согласной и одной гласной или обратно“ (Масперо) и въ книгохранилищахъ Вавилона было открыто нѣсколько маленькихъ грамматическихъ документовъ на кирпичкахъ; эти документы были названы букварями (syllabaria), гдѣ былъ данъ списокъ начертаній, при одной сторонѣ которыхъ поставлены фонетическіе знаки, выраженные въ простыхъ слогахъ, а съ другой указано, какъ ими пользоваться идеографически. Когда букварь былъ приспособленъ такимъ образомъ, группировка въ слова производилась путемъ комбинаціи слоговъ. „Но многослоговой языкъ не такъ легко переходитъ къ силлабизму (употребленію знаковъ-слоговъ), какъ однослоговой „китайскій“, и Галеві объясняетъ, съ какими затрудненіями приходится при этомъ имѣть дѣло. Въ концѣ концовъ до известной степени приходится здѣсь прибѣгать къ способу акрологій (греч. α κ ρ ο λ ο γ ι α — „крайняя часть“, вершина), т. е. путемъ выбора имени по сходству, которое намѣчается между

За 1000 л. до Р. X. и позднѣе. 1500 л. до Р. X.

Въ промежутокъ 2500—1500 л. до Р. X.

Древнѣйшая изъ известныхъ формъ за 3000 л. до Р. X. и ранѣе.

				Птица.
				— Корабль.
				Быкъ.
				Идти, стоять.
				— Рука.
				Человѣкъ.
				— Кинжалъ.
				— Рыба.
				Тростникъ.
				Тростникъ.
				— Зерн. хлѣбъ.
				— Богъ-небо.
				Созвѣздіе звезда.

Эволюція аккадійской клинописи.

формой буквы и какой-нибудь общезвѣстной вещью, имя которой начинается съ данной буквы. Такой приемъ примѣняется въ египетскомъ, русскомъ, руническомъ и другихъ алфавитахъ. Еще недавно въ русскомъ алфавитѣ буква б называлась буки: „букъ“, а буква д—д о б р о: „дубъ“.

Но это движеніе въ сторону силлабизма было выполнено еще задолго до появленія на сценѣ вавилонянъ, болѣе древними обитателями Месопотаміи—аккадами или, правильнѣе сказать, аккадо-сумерійцами, при чемъ аккады занимали горную часть страны, а сумерійцы — равнину. Расовое родство того и другого племени опредѣлить не удалось, такъ какъ нѣкоторые этнологи относятъ ихъ къ финно-туркской группѣ, другіе же—

къ татари-монгольской. Неизвѣстно также и время, когда оба эти народа переселились изъ Халден, такъ какъ уже на самой зарѣ исторіи они смѣшались съ семитической расой-завоевательницей. Еще за нѣсколько тысячъ лѣтъ Халдея была наводнена народомъ, впоследствии извѣстнымъ подъ именемъ вавилонянь, первоначальная родина которыхъ находилась въ связи съ родиной другихъ семитовъ—евреевъ, финикійцевъ и т. д., и была, какъ предполагають, въ Южной Аравіи. Вавилоняне, смѣшываясь съ покореннымъ народомъ, осыли, какъ земледѣльческое население, на богатомъ аллювиі низменностей, въ то время, какъ отпрыскъ ихъ, ассирійцы, заняли горную и лѣсную страну къ сѣверу отъ великихъ рѣкъ, сохраняя семитическую чистоту своего происхожденія. Эти „римляне Востока“, какъ ихъ называли, оставались воинами и торговцами и были глубоко убѣждены, что „торговля суда идутъ вслѣдъ за военными“, чѣмъ и опредѣлялись ихъ многочисленныя набѣги на финикійцъ и другихъ соперниковъ по торговлѣ. Но, опираясь на мечъ, Ассирійская имперія и погибла отъ меча.

Что же касается до аккадовъ (мы употребляемъ этотъ терминъ для обозначенія до-семитическихъ обитателей), то они вышли изъ варварскаго состоянія еще въ то время, когда нахлынули на Халдею. Они знали уже тогда употребленіе металловъ: они были искусными архитекторами и, что особенно важно въ болотистыхъ мѣстностяхъ, были прекрасными инженерами и умѣли строить плотины и проводить каналы; законы ихъ носятъ печать прогрессивнаго соціального организма; письмо ихъ, какъ было показано, достигло силлабической стадіи; ихъ литература заключаетъ не только подробности ихъ повседневной жизни, но даетъ ключъ къ пониманію ихъ религіи, которая оказала глубокое вліяніе на вавилонянь, а черезъ нихъ и на евреевъ, отразившись такимъ образомъ въ конечномъ итогѣ и на христіанствѣ. Религія эта была смѣсью высшихъ и низшихъ идей. Въ основѣ ея лежалъ шаманизмъ. Естественныя явленія, — солнце, луна, звѣзды, земля и т. д., были предметами поклоненія, но какъ и во всѣхъ религіяхъ та, которая тѣснѣе соприкасается съ дѣлами и положеніями людскими, крѣпче держитъ человѣка, такъ и эта религія представляла живую вѣру въ маговъ со всѣмъ ихъ аппаратомъ колдованій, чарованій, заклинаній. Наряду съ формулами, воплощающими суевѣрія, общія варварскимъ народамъ всего свѣта, мы находимъ покаянныя псалмы, обращенія къ великимъ богамъ и такіа одухотворенныя выраженія, которая по плечу еврейскимъ священнымъ поэтамъ. Вся эта литература свѣтская и духовная представляла огромныя запасы книгъ, истолкованіе которыхъ является однимъ изъ блестящихъ дѣлъ современнаго ученаго міра, и содержаніе которыхъ даетъ намъ возможность освоиться съ безцѣнными матеріалами въ области искусства письма.

По новѣйшимъ даннымъ, самымъ древнимъ, — изъ извѣстныхъ намъ, — образцомъ клинописи является цилиндрическая печать, сдѣланная изъ порфира (камень) и принадлежавшая семитическому царю, Саргону I, который достигъ высшей силы въ 3800 до Р. X. (рис. 36). На этой печати имѣется слѣдующая надпись: „Саргонъ, царь въ городѣ аккадовъ, походилъ на бога-солнце (Сарнасъ) въ городѣ Сиппара I“. Это тотъ самый царь, относительно котораго существуетъ мнѣе, легшій, вѣроятно, въ основу мифа о младенцѣ-Моисеѣ; мнѣе этотъ начертанъ на одной табличкѣ, сохраняющейся, вмѣстѣ съ печатью, въ Британскомъ музеѣ.

Другая знаменитая клинопись находится на „колонкѣ ястребовъ“, большая часть которой въ настоящее время сохраняется въ Луврѣ. Она относится къ 4500 до Р. X. По бокамъ ее имѣются скульптурныя украшенія, одно изъ которыхъ представляетъ изъ себя ястребовъ, уносящихъ головы убитыхъ въ битвѣ (откуда и ея названіе); она содержитъ воспоминаніе о побѣдѣ Е-анна-ду, царя-жреца Сирпурры надъ „народомъ, населявшимъ страну Дуги“ на Еламтской границѣ, при чемъ на покоренное племя была наложена дань хлѣбнымъ зерномъ. Другія надписи свидѣтельствуютъ о томъ, что „за четыре тысячи лѣтъ до

Р. Х. искусство было высоко развитымъ, были воздвигнуты статуи, было известно употребленіе колесницъ на войнѣ, обрабатывались серебро и мѣдь, знали прядильное и гончарное дѣло, обладали тщательно выработанной системой счисленія

Рис. 36. Цилиндрическая печать Саргона I.

до тысячъ“. Но древность этихъ показаній блѣднѣетъ передъ тѣмъ, что было открыто въ мусорныхъ кучахъ города Нуффара или Нишпура въ Сѣверной Вавилоніи. Ссылки на Саргона I были найдены на тысячахъ табличекъ, открытыхъ въ позднѣйшихъ отложеніяхъ, но главнѣйшія открытія были сдѣланы на болѣе глубокихъ слояхъ и объ этихъ открытіяхъ д-ръ Петерсъ пишетъ слѣдующее: „мы находимъ, что Нишпуръ былъ большимъ и цвѣтущимъ городомъ, и его храмъ, храмъ Бела, являвшійся религиознымъ центромъ народа, господствовавшего надъ міромъ еще задолго до Авраама, долженъ сохранить за собою пальму первенства до нашихъ дней. Мы открыли письменныя памятники, древность которыхъ мы должны оцѣнить не менѣе, какъ въ шесть тысячъ лѣтъ, и которые доказали, что письмо и цивилизація уже въ то время вышли изъ младенческаго состоянія. Но наши изслѣ-

дованія показали, что городъ Нишпуръ обладаетъ исторіей, еще болѣе древней, чѣмъ эти письменныя памятники, она уходитъ въ глубь вѣковъ, по крайней мѣрѣ, еще на двѣ тысячи лѣтъ“. По поводу этихъ же открытій д-ръ Гильбрехтъ замѣчаетъ: „безъ малѣйшаго колебанія я отношу основаніе храма Бела и первое поселеніе въ Нишпурѣ къ періоду между 6000 и 7000 лѣтъ до Р. Х., а, можетъ быть, правильнѣе было бы отнести эти событія къ еще болѣе раннему періоду“.

Еще болѣе глубокий интересъ, не смотря на свое болѣе позднѣе происхожденіе, имѣютъ 320 глиняныхъ табличекъ съ клинописью (рис. 37), которыя были открыты въ 1887 г. между развалинами Телль-ель Амарны, какъ называлась деревушка на восточномъ берегу Нила, въ 180 миляхъ къ югу отъ когда-то возобновленнаго города Мемфиса. Деревня эта стоитъ на мѣстѣ города, основаннаго Аменофисомъ III, такъ что дата документовъ, среди которыхъ были письма, полученные царемъ, относится къ періоду 1500 — 1450 г. до Р. Хр. Двѣ изъ такихъ таблицъ содержатъ легенды, а одна гимнъ богу-войны, но большая часть содержатъ переписку между царями Египта и царями Западной Азии, при чемъ во многихъ изъ нихъ были сдѣланы извлеченія съ датами отправленій и именемъ отправителя, написанныя египетскими иероглифами. Одна табличка отъ принца хиттитовъ была написана на старомъ аккадскомъ языкѣ. Они даютъ цѣнныя указанія о тѣхъ торговыхъ и политическихъ отношеніяхъ, которыя существовали между Египтомъ и Вавилоніей, и о дѣловыхъ сношеніяхъ между царями. «Такъ какъ всѣ эти документы представляли изъ себя клинопись, то ихъ нелегко было дешифровать при египетскомъ дворѣ. Вотъ почему у вавилонскихъ царей былъ обычай посылать при этихъ документахъ переводчиковъ, и въ нѣкоторыхъ изъ писемъ, дѣйствительно, упоминается о по-

добныхъ посланхъ. Но, съ другой стороны, и фараоны несомнѣнно держали при себѣ для переводовъ и сочиненій отвѣтовъ писцовъ, обладающихъ искусствомъ

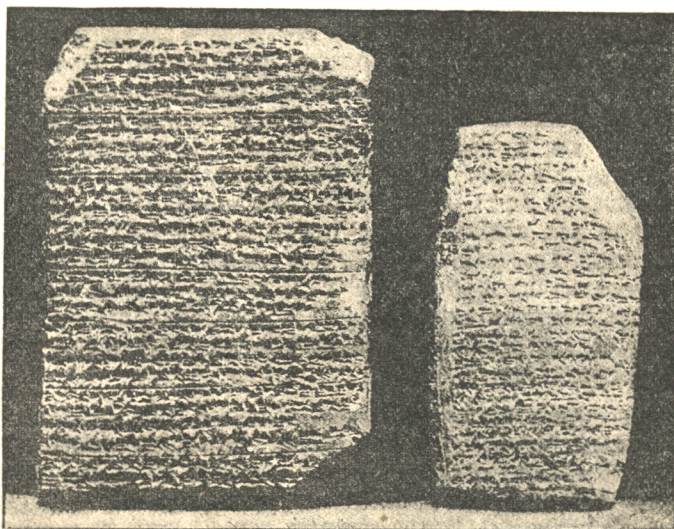

Рис. 37. Телль-эль Амарнская таблица (около 1450 г. до Р. Хр.).

клинописи. Нѣкоторыя изъ табличекъ и являются копіями такихъ отвѣтовъ, начертанныхъ клинописью, но удержанныхъ для справокъ подобно тому, какъ мы въ настоящее время дѣлаемъ копіи съ важныхъ бумагъ».

Можно замѣтить также, что эти таблички изъ Телль-эль-Амарны указываютъ и на то между прочимъ, что клинопись была въ ходу въ Палестинѣ за полторы тысячи лѣтъ до Р. Хр., а потому вавилонскіе мифы и легенды, вѣроятно, свободно циркулировали, тамъ за три столѣтія до появленія Книги Бытія. Такимъ образомъ, легенды, о созданіи міра, о грѣхопадении, о потопѣ, халдейское происхожденіе которыхъ установлено (рис. 38,) «вполнѣ могли существовать въ Палестинѣ ко времени нашествія израильтянъ, которые и научились имъ отъ покореннаго ими народа и мало-по-малу модифицировали ихъ въ тѣ формы, въ которыхъ онѣ появились въ еврейской литературѣ». (Едвардсъ).

Рис. 38. Таблица о сотвореніи міра.

ГЛАВА VI.

Египетскіе гіероглифы.

Покончивъ теперь съ наиболее знаменитыми документами, которые получили достаточное освѣщеніе, мы можемъ оставить Ассирію для Египта, который

еще совѣмъ недавно являлся страной чудесъ и тайнъ, съ своимъ прошлымъ, скрытымъ такъ же долго, какъ долго были скрыты истоки его великой рѣки, бывшей его «даромъ». Какъ открытіе ключа къ этому прошлому, такъ и отысканіе источниковъ великихъ водъ, которыя питаютъ Ниль, принадлежатъ настоящему столѣтію. До того времени завѣса Изиды висѣла надъ значеніемъ тѣхъ надписей, которыя были начертаны на гробахъ, саркофагахъ, гробницахъ, обелискахъ и храмахъ, и надъ истолкованіемъ тѣхъ начертаній, которыя были сдѣланы на папирусахъ за нѣсколько столѣтій до основанія Аѳинъ. Необходимо отмѣтить также, что та самая смерть, которая сметаетъ человѣка и уничтожаетъ воспоминаніе о немъ въ душѣ его близкихъ, явилась болѣе, чѣмъ гдѣ-либо хранительницей этихъ письменныхъ памятниковъ. Это объясняется тѣмъ, что именно здѣсь все, принадлежавшее покойному, охранялось съ самой ревливой заботливостью. Гробница, — какъ это встрѣчалось часто и въ другихъ мѣстахъ, — устранилась по образцу дома и снабжалась орудіями, пищей, питьемъ, украшалась изображеніемъ этихъ вещей на стѣнахъ, для нуждъ ка, или двойника, сап, или духа, или одного изъ остальныхъ восьми египетскихъ онтологическихъ дѣлений индивидуальности.

Подобно другимъ пиктографическимъ системамъ, уже нами рассмотрѣннымъ, египетское письмо интересуетъ насъ потому, что оно сохранило слѣды своего происхожденія, прибавляя нѣкоторыя новыя черточки въ доказательство того, что письмена всѣхъ народовъ обладающихъ литературами, проходятъ тождественныя стадіи развитія. Еще совершенно недавно главный интересъ къ египетскимъ іероглифамъ (греч. *hieros* — „священный“, и *glypho* — „вырѣзаю“; названіе это дано въ увѣренности, что эти письмена употреблялись, только жрецами) опредѣлялся тѣмъ, что въ нихъ видѣли родоначальниковъ всей семьи алфавитовъ, которые достигли своего развитія у цивилизованныхъ народовъ; но эта теорія, какъ будетъ показано ниже, въ настоящее время отвергнута. Хотя образцы египетскихъ іероглифовъ относятся къ раннему времени и носятъ алфавитный характеръ, но нетрудно замѣтить, что они относятся къ типамъ тщательно разработанныхъ пиктографовъ, при чемъ перемѣны, которыя произошли въ нихъ за очень продолжительный періодъ, настолько незначительны, что, говоря словами проф. Уитнея, «они представляютъ собою языкъ, который никогда не забывалъ производства своихъ словъ и никогда не портилъ ихъ этимологической формы, какъ бы ни измѣнялось ихъ значеніе». Поэтому, хотя египтяне и развили алфавитные знаки за 5000 лѣтъ до Р. Хр., во они никогда не поднялись до такого уровня письменности, при которомъ эти алфавитные знаки сдѣлались бы единственнымъ и самостоятельнымъ ея орудіемъ. Обстоятельство это объясняется отчасти консервативными инстинктами данной расы, которые, поощряя поклоненіе передъ всѣмъ старымъ, служили тормазомъ въ какой бы то ни было области жизни, а отчасти тѣмъ, что, — пользуясь словами проф. Петри, — „во всемъ у нихъ на первый планъ выступали декоративныя задачи; любовь къ формѣ и рисунку являлась въ Египтѣ болѣею силой, чѣмъ у какого-либо иного народа древности. Вавилонъ и Китай, по недостатку художественнаго вкуса мирились съ тѣмъ, что ихъ пиктографы опускались до ряда безобразныхъ условныхъ формъ; египтяне, напротивъ, сохранили художественный характеръ своихъ пиктографовъ до самаго конца. Іероглифы сами по себѣ являлись украшеніемъ; положеніе каждаго изъ нихъ въ изреченіи подчинялось задачамъ декоративнаго эффекта. Насколько этотъ методъ былъ послѣдовательно и глубоко проведенъ, можно судить по тому, что многія слова и идеи были представлены въ письмѣ двумя различными начертаніями; однимъ широкимъ, а другимъ узкимъ и глубокимъ такъ, чтобы гармонія рисунка не была нарушена сочетаніемъ неподходящихъ элементовъ. Въ виду этого египтяне справедливо считаются обладателями самаго красиваго письма въ свѣтѣ“.

Письмена ихъ по начертаніямъ можно раздѣлить на три группы (рис. 39) а) гіероглифы, б) гіератическое письмо, в) демотическое. Демотическое произошло отъ гіератическаго, а гіератическое отъ гіероглифовъ.

а) Пиктограмма, идеограмма и фонограмма, — другими словами, знаки, представляющіе слово, идею и звукъ, — создали 17 сотенъ гіероглифовъ, которые, въ болѣе древнихъ знакахъ, сохраняютъ слѣды своего происхождения отъ грубыхъ пиктографовъ. Они были высѣчены на камнѣ различнаго рода, вырѣзаны изъ дерева или нарисованы на деревѣ или на штукатуркѣ и написаны на папирусѣ или кожѣ; начертанія располагались въ вертикальныхъ столбцахъ.

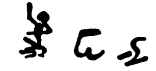

Рис. 39. Гіероглифическіе, гіератическіе и демотическіе знаки для слова „человѣкъ“.

При томъ живомъ рвеніи, съ которымъ въ настоящее время производятся раскопки, открытія быстро слѣдуютъ другъ за другомъ, и, возможно, что въ настоящее время уже сдѣланъ рядъ добавочныхъ открытій, которыя освѣтили вопросы, оставшіеся неясными, когда писались настоящія строки. Къ таковымъ, напр., могъ бы принадлежать вопросъ о пребываніи и рабствѣ израильтянъ въ Египтѣ и объ исходѣ ихъ изъ этого „дома неволи“.

Въ теченіе долгаго времени самымъ раннимъ образчикомъ гіероглифическаго письма, который можно было видѣть въ музеяхъ Гизе и Асмодея (каждый изъ нихъ обладаетъ лишь обломками памятниковъ), была изуродованная стелла (колонка небольшихъ размѣровъ) и могильная плита, посвященная Шеру, первосвященнику или внуку Сенто, пятаго царя второй династіи, который, по хронологіи проф. Петри, достигъ наибольшей силы около 4500 лѣтъ до Р. Хр. Въ этомъ памятникѣ для изображенія имени монарха были приняты начертанія изъ трехъ алфавитныхъ системъ. Но въ 1897 г. д-ръ Борхардтъ сообщилъ о важномъ открытіи — о томъ, что царская гробница, найденная М. де-Морганомъ въ началѣ того же года около Нагоды, немного сѣвернѣе Фивъ, является гробницей Менеса, основателя первой династіи, время котораго проф. Петри относитъ къ 4777 г. до Р. Х. „съ возможной ошибкой на одно столѣтіе“. Покрытые извѣстью остатки тѣла находятся въ настоящее время въ музеѣ Гизе и между другими предметами разбитые куски пластинки изъ слоновой кости, которые, будучи слѣвленными дали слово ка, имя Аха (ка значитъ „двойникъ“ или „другое я“ покойнаго, которое связано по мѣстопребыванію съ муміей), и, присоединенное къ нему имя MN — Menes, которое носилъ фараонъ во время своей жизни. Допуская, что это толкованіе Борхардта принято египтологами, мы можемъ тогда утверждать, что гіероглифическая система письма является къ тому времени уже вполне развитой. Можно замѣтить кстатн, что среди остатковъ до династической эпохи, открытыхъ проф. Петри въ 1895 г., округъ, лежащій къ сѣверу отъ Фивъ, не даетъ ни малѣйшихъ слѣдовъ гіероглифическаго или другого какого-нибудь письма. Здѣсь были найдены явные доказательства употребленія металловъ, но нѣтъ указаній на знакомство съ гончарнымъ колесомъ. Такимъ образомъ является весьма вѣроятнымъ допущеніе, что искусство письма пришло въ Египетъ съ первой династіей, которая, по утверженію Моргана, происходила отъ халдейскихъ семитовъ.

Но для общаго освѣщенія древне-египетской мысли большій интересъ, чѣмъ надписи на стеклѣ или слоновой пластинкѣ представляютъ копія нѣкоторыхъ отрывковъ изъ священной литературы, извѣстной подъ именемъ „Книги Умершаго“. Эта литература представляетъ изъ себя почтенное волоченіе представленій человѣка о будущей жизни, о человѣческихъ надеждахъ и утѣшеніяхъ по ту сторону могилы, содержитъ гимны, молитвы и магическія формулы противъ всякихъ враждебныхъ силъ и злыхъ духовъ; все это излагается покойникомъ — Озирисомъ (душа, по вѣрованіямъ того времени, приобрѣтала такую близость къ богу Озирису, что получала сама его имя) въ его путешествіи къ Аменти, подземному царству, которое ведетъ къ Полямъ Блаженства. Мы приведемъ здѣсь

нѣсколько выдающихся и любопытныхъ черточекъ, свидѣтельствующихъ о томъ постоянствѣ, съ которымъ въ варварскомъ умѣ сохраняются идеи объ имени, какъ нераздѣльной части вещи. Озирисъ способенъ не только назвать имена и титулы боговъ, но и каждой части лодки отъ „кормы до носа“, въ которой онъ желаетъ проплыть по великой рѣкѣ, ведущей къ Аменти. И тогда, прежде чѣмъ онъ могъ взойти на холмъ двухъ истинъ,—т. е. истины и справедливости, гдѣ воссѣдали боги Озирисъ и 42 судій умершихъ,—Анубисъ, обладающій головой шакала, требуетъ чтобы онъ назвалъ всякую часть дверей, колоннъ и вообще всѣхъ деревянныхъ работъ. Исполнивъ требуемое, душа объявляетъ о своей невинности на такомъ языкѣ, который, по высотѣ затронутыхъ нравственныхъ мотивовъ, не имѣетъ себѣ равнаго и выдвигаетъ добродѣтели и пороки древняго египетскаго общества въ такомъ освѣщеніи, что для насъ становится совершенно яснымъ, насколько бѣдными руководителями по сравненію съ ихъ литературой являются памятники при изученіи прошлаго.

Время составленія этой замѣчательной книги остается неизвѣстнымъ. Но насколько это относится къ далекому прошлому можно видѣть по тому, что древнѣйшія копіи этого произведенія, которыя находятся въ нашемъ распоряженіи и которыя должны быть отнесены ко времени не менѣе, какъ за 6000 лѣтъ до Р. Х., свидѣлствуютъ о томъ, что точный смыслъ цѣлыхъ частей книги былъ уже неясенъ для переписчиковъ. Орывки изъ этого произведенія были найдены въ усыпальницахъ,—въ пирамидахъ; цѣлыя главы или большія выдержки были написаны на каменныхъ и деревянныхъ гробницахъ; но послѣ изгнанія гиксовъ или Династіи Пастуховъ, т. е. около 1580 г. до Р. Х., для той же цѣли стали употреблять папирусы.

Одинъ изъ самыхъ богато иллюстрированныхъ экземпляровъ такихъ папирусовъ является тотъ, который извѣстенъ подъ именемъ папируса Ани и представляетъ изъ себя, такъ называемый, Фивскій вариантъ, употреблявшійся въ періодъ отъ 18 до 20 династій (1587—1060 г.г. до Р. Х.).

Съ „Книгой умершаго“ находятся въ связи и другіе тексты. Между этими послѣдними выдѣляется „Книга воздыханій“, начертанная позднѣйшимъ гиратическимъ письмомъ. Она содержитъ въ себѣ требникъ, молитвы котораго читались за умершаго или надъ умершимъ и учить вѣрѣ въ воскресеніе мертвыхъ и состояніе матерьяльнаго блаженства на землѣ.

До извѣстной степени исторія египетскаго письма иллюстрируетъ общія стадіи въ развитіи письма настолько ясно, что краткій обзоръ ея, — не смотря на нѣкоторое повтореніе,—будетъ далеко небезполезнымъ, тѣмъ болѣе, что она шла въ томъ же направленіи, которое намѣчается исторіей другихъ письменъ.

Само собою понятно, что изображеніе предмета было дѣломъ довольно несложнымъ, такъ какъ достаточно было самой грубой работы для того, чтобы рисунки съ перваго взгляда давали понятіе о томъ, что онъ представляетъ. Но какъ скоро почувствовалась нужда въ графическомъ изображеніи идей, какъ, напр., порока и добродѣтели, времени и пространства, здоровья и болѣзни, выступилъ на сцену символизмъ. Къ иллюстраціямъ, доставленнымъ намъ тѣми письменами, которыя мы разбирали выше, мы можемъ еще прибавить нѣсколько примѣровъ, заимствованныхъ изъ египетской идеографіи, въ которую, можно сказать, модифицировалась вся система гироглифовъ на той стадіи развитія, на которой намъ пришлось впервые встрѣтиться съ этими идеографами. Пчела была символомъ королевскаго достоинства и промышленности; свертокъ папируса обозначалъ знаніе; страховое перо — справедливость, такъ какъ всѣ перья, какъ предполагалось были одинаковой длины; пальмовая вѣтвь—годъ, такъ какъ въ народѣ была распространена увѣренность, что ежемѣсячно вырастаетъ по новой пальмовой вѣтви. Идеографомъ жреца былъ шакалъ, чѣмъ хотѣли выразить его бдительность,—матери былъ коршунъ, такъ какъ предполагали, что эта птица кормитъ своей кровью своихъ дѣтенышей. Жажда представлялась теленкомъ, бѣгу-

щимъ къ водѣ; власть—размахиваемымъ бичемъ; битва,—двумя руками, изъ которыхъ одна была вооружена щитомъ, а другая—дротикомъ. Идеографомъ ночи была звѣзда, висящая на кривой, т. е. такъ же, какъ и у оджиба; въ то время, какъ у мексиканцевъ ночь изображалась въ видѣ полукруга съ прикрѣпленными къ нему въ качествѣ звѣздъ глазами. Знаки для голода, жажды, мольбы и т. д. у инвуйскихъ индѣйцевъ и у древнихъ египтянъ,—равно какъ, конечно, многіе другіе знаки у народовъ новаго и стараго свѣта, у которыхъ письма не достигли еще чистаго фонетическаго состоянія,—имѣютъ, какъ можно ожидать, подобное соотвѣтствіе, когда графически изображаются вещи, общія всемъ людямъ. Текущая вода напр., является неизбежно въ видѣ пиктографа, но такъ какъ вода изображается въ связи съ различными обрядами, то она представляется то однимъ, то другимъ символомъ, сообразно природѣ такого обряда. Какъ въ Египтѣ, такъ и въ Мексикѣ она изображается льющейся изъ сосуда, при чемъ египетскій идеографъ имѣетъ колѣнопреклоненную фигуру съ поднятыми кверху руками, какъ бы въ порывѣ благодарности или поклоненія.

Ясно, что это представленіе идей при помощи графическихъ методовъ, при которыхъ метафора часто превращается въ загадку, требуетъ со стороны истолкователя при чтеніи большой памяти и умѣнья ясно схватывать ассоціаціи. Всякое сомнѣніе и всякая двусмысленность ведутъ къ такой путаницѣ, что символы становятся болѣе, чѣмъ безпомощными. Отсюда примѣненіе „детерминантовъ“ — „опредѣлителей“, о которыхъ кое-что уже было сказано, когда рѣчь шла о китайскихъ письменахъ. У египтянъ было два класса опредѣлителей: одинъ спеціальнй и болѣе многочисленный, употребленіе котораго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было ограничено однимъ словомъ или одною идеей, и другой—общій, въ числѣ приблизительно двухсотъ знаковъ, имѣвшихъ значеніе китайскихъ „ключей“ и примѣнявшихся по отношенію къ цѣлымъ группамъ словъ.

Рис. 40. Сравнительные идеографы.

Но идеи должны быть расположены въ видѣ изреченій, предложеній, которыя состояются изъ существительныхъ, прилагательныхъ, глаголовъ и другихъ частей рѣчи, предвидѣть которыя символизмъ не могъ, какъ бы ни былъ онъ гениаленъ. Кромѣ того, въ то время, какъ начертанія ограничены въ своемъ приложеніи идеи постоянно растутъ, и, такимъ образомъ, мало по малу идеи и символы перестаютъ совпадать. Путь для выхода изъ этого затрудненія открылся самъ собой и привелъ къ открытію, о которомъ не думали раньше,—пользоваться изображениями различныхъ предметовъ, которые имѣютъ различное значеніе, но названія которыхъ обладаютъ однимъ и тѣмъ же звукомъ; другими словами, къ пиктографической игрѣ словъ, извѣстной подъ именемъ ребусовъ. Въ качествѣ забавнаго примѣра образованія сложной фонограммы изъ сллабическихъ знаковъ, Кэнонъ Тайлоръ цитируетъ названіе изъ надписи Птолемея XV при Едфу, въ которой, говоря его словами, можно, пожалуй, открыть тонкое благоуханіе древняго египетскаго юмора. Названіе лазуреваго камня было khesteb. Слово khest значитъ „остановить“, и слогъ teb „поросенокъ“. Отсюда ребусъ „останавливать свинью“ былъ изобрѣтенъ для того, чтобы графически выразить названіе лазуреваго камня, которое слѣдовательно и изображалось рисункомъ человѣка, останавливающего поросенка, схвативъ его за хвостъ. Возможно, что Кэнонъ правъ, но во всякомъ случаѣ на востокѣ очень часто такой приемъ употребляется для того, чтобы заставить свинью не стоять, а бѣжать впередъ“. Другой примѣръ ребуса мы имѣемъ

въ имени Озириса, которое произносится по египетски *Hesiri*. Богъ этотъ представляется, повидимому, при помощи фигуры на какомъ то сѣдалищѣ, *hes*, и при помощи глаза, *iri*. Но, благодаря постоянному пересмотру толкованія, которое практикуется египтологами, намъ приходится цитировать всегда съ осторожностью. Въ этомъ отношеніи поразительный примѣръ представляетъ толкованіе, которое дѣлалось по отношенію къ предполагаемому рисунку „лютни“ (употребляемаго египетскими писцами для обозначенія слова „превосходство“), какъ фонограмма для обозначенія слова *pefer*, „благо“. Но въ концѣ концовъ оказалось, что тотъ рисунокъ который считали изображеніемъ лютни изображалъ просто-на-просто сердце и дыхательное горло.

Наконецъ, мы не знаемъ когда и, говоря объ Египтѣ, не можемъ даже догадаться, въ чьихъ умахъ впервые забрезжила мысль о томъ, что всѣ слова, которыя употребляетъ человѣкъ, могутъ быть выражены немногими звуками. А отсюда одинъ шагъ къ тому, чтобы изъ громоздкой и запутанной массы идеограммъ, фонограммъ и т. п. выбрать небольшое число знаковъ, чтобы неизмѣнно обозначать ими опредѣленные звуки?

Это и было зарожденіе алфавита, одинъ изъ величайшихъ и важнѣйшихъ триумфовъ человѣческаго ума. Самыя раннія фонограммы представляли изъ себя слоги, а не индивидуальныя буквы, при чемъ отдѣльные знаки для гласныхъ и согласныхъ являются позднѣйшимъ нововведеніемъ; дѣйствительно, нѣкоторыя алфавиты, особенно еврейскій и другіе семитическіе, не имѣютъ настоящихъ гласныхъ, но только значки, диакритическія (различительныя) точки, какъ они были названы.

Итакъ мы имѣемъ: 1) письменна-рисунки, 2) идеограммы, 3) фонограммы, представляющія слова, 4) фонограммы, представляющія слоги, 5) алфавитныя начертанія. Изъ четырехсотъ словесныхъ и сллабическихъ фонограммъ (слоговыхъ) знаковъ, египтяне еще очень древняго періода,—и въ этомъ отношеніи совершенно справедливо утвержденіе, что „буквы алфавита старѣе пирамидъ“,—выбрали, повидимому, 45 символовъ, которые и употребляли въ алфавитномъ значеніи; но въ виду того, что одинъ изъ этихъ символовъ приходилось употреблять въ дѣло рѣдко, а другимъ было придано специальное значеніе, число ихъ было сокращено до 25. „Теперь оставалось сдѣлать одинъ небольшой шагъ—смѣло отбросить всѣ неалфавитные элементы, разъ навсегда отказаться отъ всего ненужнаго хлама, исключить всѣ идеограммы, хомофоны и полифоны, сллабическіе и символическіе знаки, надъ которыми сохли египетскіе писцы и оставить во всей его величавой простотѣ почти совершенный алфавитъ, которымъ египтяне,—не зная того сами,—владѣли почти въ теченіе безчисленнаго ряда лѣтъ“ (Тайлоръ). Но шагъ этотъ, однако, сдѣланъ не былъ, и на ряду съ рисунками, начертанными для зрительныхъ воспоминаній, и продолжали употреблять и рисунки для слуховыхъ воспоминаній, вмѣсто того, чтобы перейти къ употребленію знаковъ, установленныхъ и выбранныхъ для обозначенія нѣсколькихъ звуковъ.

(b) Курсивное письмо, извѣстное подъ именемъ гіератическаго, представляло изъ себя сокращенную и условную форму гіероглифовъ. Послѣдніе употреблялись, главнымъ образомъ, для надгробныхъ надписей, для надписей на памятникахъ и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ; гіератическое же письмо употреблялось жрецами, когда приходилось копировать литературныя произведенія, большой извѣстностью среди которыхъ пользовалась Книга Умершаго, а наиболѣе распространеннымъ матерьяломъ при этомъ письмѣ былъ папирусъ. Свитки его приготовлялись изъ *byblus hieraticus* или *Surgus papyrus*, растенія, которое покрывало большія пространства въ болотистыхъ округахъ Нила. Теперь тамъ онъ давно уже исчезъ и встрѣчается только въ Сициліи. Онъ, повидимому, служилъ у древнихъ египтянъ для многочисленныхъ цѣлей подобно тому, какъ бамбукъ въ настоящее время у китайцевъ и другихъ

восточныхъ народовъ. „Корни его употреблялись въ качествѣ топлива, различныя части растенія шли въ пищу, а изъ другихъ болѣ грубыхъ приготовляли бумагу, лодки, веревки и т. д.“. Для того, чтобы сдѣлать его годнымъ для письма, снимали внѣшнюю кожицу, а сердцевину нарѣзали отдѣльными полосами, которыя располагались другъ около друга; на этотъ рядъ полосъ накладывали накрестъ другой рядъ такихъ же полосъ, и оба слоя скрѣплялись слабымъ растворомъ клея; получившійся такимъ образомъ листъ клали сначала подъ прессъ, а потомъ сушили на солнцѣ и полировали его до тѣхъ поръ, пока не получалась гладкая поверхность. Листы эти часто соединялись другъ съ другомъ такъ, чтобы образовать свитокъ, который бывалъ иногда въ длину до ста футовъ, а въ ширину отъ шести до 16 дюймовъ. Самые прекрасные папирусы „Книги Умершаго“ имѣютъ до 15 дюймовъ въ ширину и, когда содержатъ достаточное количество главъ, бываютъ въ длину отъ 80 до 90 футовъ. Тростниковая палочка расщеплялась на концѣ такъ, чтобы могла принять видъ кисточки, или очинивалась на подобіе пера съ острымъ концомъ; писецъ мокалъ это орудіе письма въ чернильные углубленія своей каменной, деревянной, а иногда и желѣзной палитры, которая часто была посвящена богу Тсотзу, „владителю божественныхъ словъ“, и писалъ текстъ различными цвѣтами, главнымъ же образомъ чернымъ или краснымъ, примѣняясь въ окраскѣ къ излагаемому предмету и употребляя, напр., голубой цвѣтъ для неба, желтый для женщины и т. д.

Самый ранній изъ извѣстныхъ образчиковъ героическаго письма представляетъ папирусъ, содержащій хронику царствованія царя Аза, время котораго по самымъ скромнымъ расчетамъ египетской хронологіи, должно отнести къ 3580 г. до Р. Хр. Къ этому періоду относится обыкновенно наиболѣе совершенная изъ литературныхъ работъ, дошедшихъ до насъ, копія которой, сохраняющаяся въ Национальной библиотекѣ въ Парижѣ, куда его доставилъ М. Prisse d'Avennes изъ Фивъ, была написана, однако, повидимому, лишь между 2700 и 2500 года до Р. Х. Этотъ цѣнный литературный памятникъ, обыкновенно извѣстный по имени дарителя, какъ Папирусъ Присса, озаглавленъ: „Наставленія Птах-Хетепа“ и по своему содержанію оправдываетъ мысль, высказанную д-ромъ В. Веджъ, что „если бы отсутствовали всѣ памятники великой египетской цивилизации, то одного его достаточно было бы, чтобы показать моральную цѣнность египтянъ и высокіе идеалы человѣческаго долга, которые сформировались почти за 5500 лѣтъ до нашего времени“.

(с) Демотическія или енхоріальныя начертанія сохраняютъ лишь слабыя черты свѣдого происхожденія отъ пиктографіи. Подобно тому, какъ терминъ гіератическій (греч. hieraticos—жреческій), показываетъ общественный классъ, который пользовался данными письменами, такъ и терминъ демотическій (греч. demotikos—народный) и енхоріальный (греч. enchorios—изъ страны) обозначаютъ, что эти письма находились въ общенародномъ пользованіи, такъ какъ служили нуждамъ повседневнои жизни. Этотъ видъ письма вошелъ въ употребленіе, повидимому за 900 лѣтъ до Р. Х. и примѣнялся къ дѣду до четвертаго столѣтія нашей эры. Было показано, что во времена Дарія и другихъ правителей Ахеменидской династіи обращенія къ народу и документы, предназначенныя во всеобщее свѣдѣніе, писались на тѣхъ языкахъ,—вавилонскомъ, мидійскомъ и персидскомъ. Такимъ же образомъ во время Птолемея, который наслѣдовалъ египетскія владѣнія Александра Великаго и управлялъ Нильской долиной до тѣхъ поръ, пока не попалъ подъ власть Рима, всѣ матеріалы общественнаго значенія оповѣщались гіероглифическими, демотическими и греческими начертаніями. Гіероглифическое письмо называлось „письмомъ божественныхъ словъ“, демотическое—, „письмомъ литературы“, а греческое такъ и называлось греческимъ письмомъ.

ГЛАВА VII.

Розеттскій камень.

Объясненія, данныя нами выше, приводятъ насъ къ знаменитому Розеттскому камню,—плитѣ изъ темнаго базальта, на которой сдѣлана надпись и которая является огромной цѣнностью въ дѣлѣ подысканія ключа къ египетскимъ іероглифамъ и сыграла, слѣдовательно, здѣсь такую же роль, какую Бегистунская надпись въ дѣлѣ истолкованія клинописи. Плита эта,—которая въ настоящее время сохраняется въ Британскомъ музеѣ,—получила свое названіе отъ открытія, сдѣланнаго среди развалинъ крѣпости, расположенной у г. Розетты, близъ устья Нила, гдѣ она была найдена французскимъ офицеромъ въ 1799 г. При капитуляціи Александріи передъ британскими войсками, камень этотъ, значеніе котораго было уже опредѣлено учеными, прикомандированными въ экспедиціи, дальновиднымъ Наполеономъ, попалъ, къ счастью въ руки сэра Вильяма Гамильтона, давно уже усердно занимавшагося египетскими древностями. Плита, если и не совсѣмъ, то во всякомъ случаѣ въ достаточной степени сохранилась для того, чтобы дать возможность расшифровать общее содержаніе надписей. Ученые въ теченіе столѣтій ломали часто голову надъ тѣмъ, что могли обозначать іероглифы, ибо, хотя они были въ употребленіи еще спустя 150 лѣтъ послѣ начала царствованія Птолемея (305 г. до Р. Хр.) и хотя имена римскихъ императоровъ писались іероглифическими знаками до третьяго столѣтія послѣ Р. Х., однако только немногіе изъ классическихъ писателей, труды которыхъ дошли до насъ, сказали что-нибудь цѣнное по данному вопросу. И вотъ только въ первую десятилѣтія XIX столѣтія гений двухъ египтологовъ, Юнга и Шамполіона, работавшихъ независимо (какъ это было позднѣе съ Адамсомъ и Лаверрье, работавшихъ надъ открытіемъ Нештуна) вырвалъ у іероглифовъ ихъ тайну. Въ гораздо меньшей степени честь этого открытія можетъ быть отнесена ихъ непосредственнымъ предшественникамъ; между этими послѣдними можно назвать Зоэга, который пришелъ къ совершенно правильному заключенію, что продолговатые кружки сдѣланы вокругъ царскихъ именъ, также какъ эти „картуши“, какъ они были названы, были сдѣланы надъ рядомъ сидящихъ фигуръ на скульптурѣ храмовъ—и Акерבלада, который опубликовалъ алфавитъ демотическихъ начертаній на Розеттскомъ камнѣ.

Д-ръ Томасъ Юнгъ былъ въ высшей степени замѣчательнымъ человѣкомъ. Онъ родился въ квакерской семьѣ въ 1773 г., и посвятилъ свою юность литературѣ, языкамъ и механикѣ; въ 30 лѣтъ онъ былъ членомъ Королевскаго Общества, а за два года до этого былъ профессоромъ естественной исторіи въ Королевскомъ Институтѣ. Обезпеченный, благодаря наслѣдству, полученному отъ родственника, онъ съ еще большимъ рвеніемъ взялся за физику и филологію. Результатами его работъ въ области физики было открытіе волнообразной природы свѣта (что являлось аналогіей волнообразному движенію звука) и шло въ разрѣзъ съ теоріей истеченія Ньютона; въ области же филологіи его изысканія ознаменовались частичнымъ дешифрированіемъ демотическихъ начертаній и правильнымъ установленіемъ именъ нѣсколькихъ египетскихъ боговъ—Ра, Нутъ, Тсотъ, Озирисъ, Изисъ, и Нефтисъ,—а также именъ царей Птолемея и Береники. Онъ умеръ въ 1829 году.

Жанъ Франсуа Шампольонъ, о которомъ д-ръ В. Беджъ говоритъ, какъ «о безсмертномъ изобрѣтателѣ системы дешифрированія египетскихъ іероглифовъ», родился въ 1790 г. Подобно Юнгу, онъ съ раннихъ лѣтъ занялся изученіемъ языковъ и въ 13 лѣтъ прекрасно владѣлъ еврейскимъ, сирійскимъ и халдейскимъ языками». На 22-мъ году онъ сдѣлался профессоромъ древней исторіи на филологическомъ факультетѣ въ Греноблѣ и, побуждаемый работами Юнга и другихъ, пересмотрѣлъ ихъ системы и открылъ свою собственную, объѣхавъ

музеи Турина, Рима и Неаполя для изученія папирусовъ, а затѣмъ, отправился въ Египетъ, гдѣ ему былъ обезпеченъ обширный матеріалъ. Жизнь его прервалась въ 1832 г., но тѣмъ не менѣе онъ успѣлъ исполнить главное желаніе своей жизни и показать, что гіероглифическія начертанія отчасти являются рисунками предметовъ, отчасти же знаками для звуковъ.

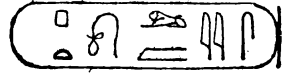

Рис. 41. Птоломей.

Хотя Розеттскій камень и является основой въ дѣлѣ дешифрованія египетскихъ іероглифовъ, но успѣхъ слѣдующихъ работъ Шампольона былъ обязанъ въ значительной степени открытію небольшого обелиска на островѣ Филахъ. Этотъ обелискъ, какъ говорятъ, былъ поставленъ въ углубленіи,

Рис. 42. Клеопатра.

носящемъ греческую надпись, изображающую прошеніе жрецовъ Ивуды въ Филахъ къ Птоломею, Клеопатрѣ, его сестрѣ, и Клеопатрѣ, его женѣ. Гіероглифическая надпись на обелискѣ сама

заключала нѣкоторыя начертанія съ картушемъ, которые были тежественны съ начертаніями, обладавшими картушемъ, на Розеттскомъ камнѣ. Отсюда-то и явилась та нить, по которой тѣмъ легче было идти, что имена Птолемея и Клеопатры имѣли по гречески нѣсколько общахъ буквъ, что, конечно, облегчало сравненіе гіероглифовъ. „Если начертанія, которые оказались одинаковыми въ обоихъ этихъ именахъ выражаютъ однѣ и тѣ же звуки въ каждомъ кратушѣ, то ихъ чисто фонетическій характеръ становится сразу яснымъ“, и открытіе египетскаго алфавита было только вопросомъ времени (рис. 41, 42, 43).

Цезарь.

Рис. 43.

Самовластный.

Розеттскій камень, если считать и обломки, имѣлъ 14 строчекъ іероглифическаго письма, 32 строчки демотическаго письма и 44 строчки греческаго письма. Содержаніе его представляетъ декретъ, вынесенный собраніемъ жрецовъ въ Мемфисѣ въ честь Птолемея V, Епифана, царя Египта, въ 195 г. до Р. X. Они перечисляютъ благодѣянія этого монарха, который состоялъ въ томъ, что доходы, получаемые отъ серебра и хлѣбныхъ злаковъ, онъ посвящалъ храмамъ, отказался отъ нѣкоторыхъ налоговъ и сократилъ другіе, одарилъ привилегіями жрецовъ и воиновъ, а на восьмомъ году своего царствованія, когда Нилъ такъ широко разлился, что затопилъ все равнины, посредствомъ устройства на свой счетъ сѣти плотинъ направилъ излишнія воды въ русла рѣки, чѣмъ и оказалъ огромныя услуги земледѣльческому классу. Кромѣ освобожденія отъ налоговъ, онъ одарилъ храмы прекрасными дарами и предписалъ различныя церемоніи въ связи съ общественнымъ культомъ. Въ возданіе за все эти милости, жрецы, собравшись въ Мемфисѣ, постановили воздвигнуть статуи царя на видномъ мѣстѣ во всякомъ храмѣ Египта, съ надписью и титулами. „Птоломей, спаситель Египта.“ Три раза ежедневно эти статуи должны облекаться въ царскія одѣянія и передъ ними совершаться торжественныя богослуженія. Было постановлено также завести въ каждомъ храмѣ золоченый деревянный жертвенникъ съ позолоченной деревянной статуей царя и во время великихъ празднествъ выносить ихъ вмѣстѣ съ жертвенниками другихъ царей. Было еще постановлено заказать десять золотыхъ вѣнковъ особаго рисунка и возложить ихъ на царскій жертвенникъ; дни рожденія и коронаціи царя праздновать каждый годъ всенародно и съ большою пышностью; пять дней мѣсяца Тротса удѣлять ежегодно на празднества въ честь царя; и, наконецъ, копію этого постановленія выгравировать на табличкѣ изъ твердаго камня іероглифическими, демотическими и греческими начертаніями и выставить въ каждомъ изъ храмовъ перваго, втораго и третьяго порядка по близости отъ статуи вѣчно живущаго Птолемея. Д-ръ В. Веджъ прибавляетъ, что

„греческая часть надписи, повидимому, является оригиналомъ, въ то время, какъ іероглифическія и демотическія версіи—только переводомъ“.

Такъ какъ принципъ истолкованія—одинъ и тотъ же для всѣхъ надписей и такъ какъ ключъ къ этому толкованію заключается въ знаніи одного изъ языковъ, на которомъ начертаны надписи, то достаточно будетъ здѣсь ограничиться лишь самымъ бѣглымъ указаніемъ на другую историческую таблицу, которую часто ставятъ за однѣ скобки съ Розетскимъ камнемъ. Именно, это колонна Канопа, на которой также имѣются надписи іероглифическими, демотическими и греческими начертаніями. Она старше Розетскаго камня на полъ-столѣтія и была воздвигнута въ Канопѣ на девятомъ году царствованія Птолемея III согласно декрету, вынесенному жрецами, собравшимися здѣсь въ честь царя. Она перечисляетъ дѣянія, подобныя по своей благодати тѣмъ, которыя указаны были о Птолемеѣ V и описываетъ тѣ почести, которыя должно воздавать ему и его супругѣ Береникѣ, знаменитые волосы которой были посвящены въ храмъ Арсиное Зефиру въ благодарности за благополучное возвращеніе Птолемея изъ его сирійской экспедиціи и были затѣмъ превращены, какъ говоритъ преданіе, въ созвѣздіе *Coma Berenidis*.

ГЛАВА VIII.

Египетское письмо въ его отношеніи къ другимъ письменамъ.

Такъ какъ истолкованіе египетскихъ іероглифовъ выполнено теперь разв навсегда, то ближайшей задачей, которую предстояло рѣшить, было установить ихъ отношеніе,—если только есть такое отношеніе,—къ знакамъ-звукамъ, отъ которыхъ произошли алфавиты цивилизованнаго міра.

Геродотъ рассказываетъ слѣдующее: „финикіяне, которые пришли вмѣстѣ съ Кадмомъ и осѣли въ Беотіи, принесли въ Грецію многочисленныя искусства въ томъ числѣ и искусство письма, которое, какъ мнѣ кажется, до этого времени не было извѣстно эллинамъ; и первое время они употребляли въ дѣло тѣ значки, которыми вообще пользовалось финикійское племя, а затѣмъ, мало по малу, измѣнили ихъ формы, сообразно требованіямъ своей рѣчи. Въ то время ближайшими ихъ сосѣдями изъ эллинскихъ племенъ въ большинствѣ случаевъ оказались іоняне; эти-то іоняне, научившись отъ финикіянъ письму, слегка измѣнили форму ихъ буквъ и въ такомъ видѣ пользовались ими, при этомъ они объявили, что ихъ необходимо называть финикійскими, что было справедливо въ виду того, что они были введены въ Элладу финикіянами. Такимъ же образомъ іоняне съ древнѣйшихъ временъ называютъ бумагу „кожами“, такъ какъ первоначально бумага была рѣдкой вещью и они пользовались кожами козловъ и овецъ; и даже въ мое время многіе изъ варваровъ писали на такихъ кожахъ“.

Плینی въ своей Естественной Исторіи относится также съ полнымъ довѣріемъ къ преданію, по которому изобрѣтеніе алфавита приписывается финикіянамъ, и другіе древніе авторы повторяютъ это, повидимому, очень старинное преданіе. Къ добросовѣстности этихъ писателей можно относиться безъ малѣйшихъ колебаній, какъ бы ни была спорной ихъ компетенція. Къ тому же весьма существенныя подтвержденія этимъ свидѣтельствамъ, по мнѣнію многихъ современныхъ ученыхъ, мы можемъ найти въ числѣ, названіи и порядкѣ (хотя и не въ формѣ) между буквами греческаго и семитическаго алфавитовъ. „При недостаткѣ дальнѣйшихъ доказательствъ“, говоритъ Канонъ Тайлоръ, „самое слово алфавитъ, съ достаточной убѣдительностью вскрываетъ тайну его происхожденія. Ясно, что это слово происходитъ отъ названія двухъ буквъ *alpha* и *beta*, которыя стоятъ во главѣ греческаго алфавита и которыя совершенно тождественны съ названіями *aleph* и *beth* соответствующихъ семитическихъ начертаній. Эти названія, которыя въ греческомъ языкѣ не имѣютъ никакого зна-

ченія, имѣютъ значеніе въ качествѣ семитическихъ словъ, причѣмъ aleph обозначаетъ „быка“, а beth—„домъ“. Слѣдующая таблица показываетъ названіе и порядокъ греческихъ и семитическихъ буквъ, при чемъ нами взяты наиболѣе типичный изъ семитическихъ алфавитовъ,—еврейскій.

Если допустить, что теорія финикійскаго происхожденія алфавита можетъ быть принята, то ближайшій вопросъ, къ которому намъ слѣдуетъ перейти, будетъ слѣдующій: представляетъ ли алфавитъ самостоятельное изображеніе или онъ былъ составленъ изъ какихъ-либо другихъ начертаній? Какъ было показано выше, всѣ данныя говорятъ за то, что эти звуки-знаки произошли отъ ликтографовъ и, если финикійскія письмена не представляютъ исключенія, то необходимо, слѣдовательно, отправиться въ поиски за болѣе древними формами ихъ. Преданіе удостовѣряетъ, что «финикійяне не считали себя изобрѣтателями искусства письма, но предполагали, что оно было заимствовано ими изъ Египта». Такъ говоритъ Еузэбій, то же самое преданіе повторяется всѣми авторитетами классической литературы отъ Платона до Тацита, и въ то же время слова ихъ находятъ себѣ опору въ томъ фактѣ, что между Финикіей и Египтомъ весьма долгое время поддерживались самыя дѣятельныя сношенія. Финикійяне принадлежали къ семитической расѣ, «поселившейся въ древнее время, какъ они сами удостовѣряютъ, на берегахъ Еритрейскаго моря (т. е. по сосѣдству съ Краснымъ моремъ и Персидскимъ заливомъ); отсюда они двинулись дальше и поселились въ странѣ, лежащей по берегу Сиріи; эта часть Сиріи, вплоть до Египта, и называлась Палестиной» (Геродотъ). Но объ ихъ происхожденіи и первоначальныхъ переселеніяхъ, въ сущности, извѣстно мало. Тиръ, царь котораго, Хирамъ, оказалъ Соломону помощь при постройкѣ его знаменитаго храма, и Сидонъ—вотъ имена, которыя встрѣчаются въ Библии часто, но слова: «финикійяне» не попадаетъ тамъ совсѣмъ, при чемъ этотъ народъ, вѣроятно, фигурируетъ тамъ подъ именемъ «ханаанянъ». Проф. Гексли удачно назвалъ ихъ «колоссальнымъ сборищемъ торговцевъ въ разность» древняго міра. Указанная полоса Сирійскаго приморскаго побережья, которую они занимали въ то время, когда впервые встрѣчается упоминаніе о нихъ, была мѣстомъ встрѣчи между Востокомъ и Западомъ и колыбелью тѣхъ морскихъ предпріятій, огромные размѣры которыхъ неясно очерчиваются въ историческомъ туманѣ. Ихъ торговые корабли ѣздили на западъ за предѣлы Геркулесовыхъ столбовъ, а на востокъ въ Индійскій океанъ; ихъ колонисты устраивали свои поселенія, какъ на берегахъ Средиземнаго и Чернаго морей, такъ и въ большомъ количествѣ въ Малой Азіи. Какъ у римлянъ, такъ и у финикійянъ было мало созидательнаго инстинкта. Они мало выдумывали и открывали, но зато проявляли большое искусство въ ремеслахъ и въ процессахъ распредѣленія; они были распредѣлителями не только своихъ товаровъ, но и товаровъ своихъ сосѣдей и основали складочныя мѣста во многихъ городахъ древняго міра.

Ясно, что одною изъ настоятельныхъ нуждъ для народа, по горло занятаго коммерческой дѣятельностью, для котораго «деньги—время», было составить легкой и удобный методъ воспроизведенія всякихъ актовъ. Вотъ откуда явилось настойчивое стремленіе сдѣлать компактными и сокращенными начертанія съ цѣлымъ аппаратомъ опредѣлителей, идеограммъ и т. д. и замѣнить ихъ какой-нибудь простой «скорописью». Но какія начертанія? Подъ влияніемъ отчасти тѣхъ преданій, о которыхъ у насъ сообщалось, отчасти принимая во вниманіе фактъ тѣсныхъ сношеній между Финикіей и Египтомъ, и, несомнѣнно, учитываяя влияніе принципа развитія, приложение котораго дало такіе блестящіе результаты во всѣхъ областяхъ изслѣдованія, французскій египтологъ Эмануэль де Руже прочелъ въ 1859 г. передъ Академіей надписей докладъ по исторіи алфавита, въ которомъ, по мнѣнію многихъ ученыхъ, ясно доказано происхожденіе финикійскаго алфавита (а черезъ него и всѣхъ другихъ алфавитовъ, находящихся нынѣ въ употребленіи) отъ египетскихъ начертаній. Успѣхъ, которымъ,

повидимому, сопровождался изслѣдованіемъ Руже, «долженъ» быть приписанъ ясному усвоенію съ его стороны того факта, что непосредственные прогоницы семитическихъ буквъ должно разыскивать не среди гіероглифовъ египетскихъ памятниковъ, какъ это безрезультатно дѣлали до него, а среди курсивныхъ начертаній, которыя египтяне развили изъ своихъ гіероглифовъ и которыя употреблялись для литературныхъ и частныхъ надобностей въ то время, какъ гіероглифическое письмо служило для надписей на памятникахъ и для священныя цѣлей (Тайлоръ).

Методъ, который былъ примененъ Руже, достоинъ удивленія. Онъ взялъ древнѣйшія изъ извѣстныхъ формъ семитическихъ буквъ, которыя онъ только могъ открыть и сравнилъ съ древнѣйшими изъ извѣстныхъ формъ гіератического письма, ограничивъ это сравненіе 25 буквами, такъ называемаго, «египетскаго алфавита».

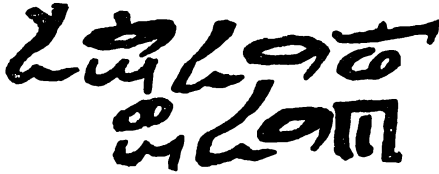

Рис. 44. Факсимиле изъ историческихъ писемъ папируса Присса.

Матерьялы, которые находились въ его распоряженіи, отличались величайшей скудностью. Къ счастью, однако, между очень немногими образцами древнѣйшей формы гіератического письма былъ папирусъ Присса, и этотъ-то цѣнный памятникъ и снабдилъ Руже тѣми начертаніями, которыя открыли ему возможность формулировать свою теорію. Съ семитической стороны здѣсь оказались египетскія слова, которыя были даны въ семитической формѣ въ книгахъ Ветхаго Завета, и семитическія названія сирійскихъ городовъ, которыя были найдены въ египетскихъ лѣтописяхъ, благодаря чему получились одни и тѣ же звуки, различно представленныя семитическими и гіератическими начертаніями. Главнымъ

Рис. 45. Надпись на гробницѣ Ешимуназара.

источникомъ при выясненіи этнографическихъ вопросовъ была надпись (рис. 45) на гробницѣ Ешимуназара, царя Сидона, относимая къ 5 столѣтію до Р. Хр. и такимъ образомъ оказавшаяся моложе папируса Присса на двѣ тысячи лѣтъ и представляющая, такимъ образомъ, позднѣйшую форму финикійскаго алфавита.

Гробница эта, которая нынѣ сохраняется въ Луврѣ, была найдена въ склепѣ устроенномъ въ скалѣ около древняго Сидона. Истолкованіе надписи, сдѣланной на ней, привлекло къ себѣ искусство цѣлой рати ученыхъ и вызвало обширную литературу. Ешимуназаръ, маска и мумія котораго скульптурнымъ путемъ были воспроизведены на гробницѣ, говоритъ о себѣ въ первомъ лицѣ. Онъ называетъ себя „царемъ сидонскимъ, сыномъ Табнита, и рассказываетъ, какъ онъ и его мать, жрица Аштароты, построили храмъ Ваалу Сидонскому, Аштаротѣ и Емуну. Онъ умоляетъ боговъ о милости и проситъ, чтобы Дора, Юша и хлѣбородная часть Шарона навсегда остались въ числѣ земель, принадлежащихъ его царству. Онъ посылаетъ также проклятія тому, кто потревожилъ бы его могилу“.

Таковы, въ общемъ, были матерьялы Руже, для наблюденія и сравненія, и немного найдется еще такихъ поразительныхъ образчиковъ талантности въ классификаціи и выводахъ, какимъ была его работа. Прилагаемая таблица заимствована изъ окончательныхъ выводовъ Руже и на какомъ-нибудь частномъ случаѣ, взятомъ изъ нея, мы рассмотримъ методъ которымъ онъ пользовался.

Возьмемъ, напр., букву *б*. Египтяне имѣли два знака для обозначенія ея, „ногу“, которая была нормальнымъ знакомъ, и „журавля“ (см. фиг. 2 на предлагаемой таблицы),

который могъ бы явиться прототипомъ и для финиійскаго знака (см. фиг. 2, кол. III). Основаніемъ могло быть то, что звукъ перваго символа, повидимому, былъ ближе къ *в*, чѣмъ къ *б*, въ то время какъ „журавль“ употреблялся въ качествѣ эквивалента для *be th* при переводѣ нѣкоторыхъ семитическихъ названій, какъ, напр., *Bevuhus* (Бейрутъ) и *Khirba*. Гератическое начертаніе „ноги“, кромѣ того, было бы легче спутать съ начертаніемъ какой-нибудь другой буквы, напр.,

„цыпленка“ или „руки“, а потому при употребленіи представляло известныя неудобства. Семитическое

5 4

начертаніе отличается отъ гератическаго прототипа тѣмъ, что приобрѣло закрытую петлю. Закрытая форма является гораздо болѣе легкой для письма, тѣмъ болѣе, что перемѣна, произведенная въ начертаніи, не сопряжена съ какими бы то ни было затрудненіями. Но здѣсь имѣется, кромѣ того, любопытное косвенное показаніе относительно того, что и семитическое начертаніе въ своей болѣе древней формѣ было также открытымъ. Греческій алфавитъ, бывший въ употребленіи въ Коринѣ, одной изъ самыхъ древнихъ финиійскихъ колоній въ Элладѣ, былъ,

Египетскій Финиійскій Греческій Латинскій Еврейскій

Орель		Ⲁ	Α	Α	Α	α	Α	Α	α	α	α	Ⲁ
журавль		ⲁ	Β	Β	Β	β	Β	Β	β	β	β	ⲁ
тронъ		Ⲃ	Γ	Γ	Γ	γ	Γ	Γ	γ	γ	γ	Ⲃ
рука		ⲃ	Δ	Δ	Δ	δ	Δ	Δ	δ	δ	δ	ⲃ
меандеръ		Ⲅ	Ε	Ε	Ε	ε	Ε	Ε	ε	ε	ε	Ⲅ
церастъ		ⲅ	Υ	Υ	Υ	υ	Υ	Υ	υ	υ	υ	ⲅ
утка		Ⲇ	Ζ	Ζ	Ζ	ζ	Ζ	Ζ	ζ	ζ	ζ	Ⲇ
сито		ⲇ	Η	Η	Η	η	Η	Η	η	η	η	ⲇ
языкъ		Ⲉ	Θ	Θ	Θ	θ	Θ	Θ	θ	θ	θ	Ⲉ
параллели		ⲉ	Ι	Ι	Ι	ι	Ι	Ι	ι	ι	ι	ⲉ
чаша		Ⲋ	Κ	Κ	Κ	κ	Κ	Κ	κ	κ	κ	Ⲋ
львица		ⲋ	Λ	Λ	Λ	λ	Λ	Λ	λ	λ	λ	ⲋ
сова		Ⲍ	Μ	Μ	Μ	μ	Μ	Μ	μ	μ	μ	Ⲍ
вода		ⲍ	Ν	Ν	Ν	ν	Ν	Ν	ν	ν	ν	ⲍ
спинка стула		Ⲏ	Ξ	Ξ	Ξ	ξ	Ξ	Ξ	ξ	ξ	ξ	Ⲏ
.....		ⲏ	Ο	Ο	Ο	ο	Ο	Ο	ο	ο	ο	ⲏ
ставня		Ⲑ	Π	Π	Π	π	Π	Π	π	π	π	Ⲑ
змѣя		ⲑ	Ρ	Ρ	Ρ	ρ	Ρ	Ρ	ρ	ρ	ρ	ⲑ
уголь		Ⲓ	Ϻ	Ϻ	Ϻ	Ϻ	Ϻ	Ϻ	Ϻ	Ϻ	Ϻ	Ⲓ
ротъ		ⲓ	ϻ	ϻ	ϻ	ϻ	ϻ	ϻ	ϻ	ϻ	ϻ	ⲓ
наводненный садъ		Ⲕ	ϼ	ϼ	ϼ	ϼ	ϼ	ϼ	ϼ	ϼ	ϼ	Ⲕ
лассо		ⲕ	Ͻ	Ͻ	Ͻ	Ͻ	Ͻ	Ͻ	Ͻ	Ͻ	Ͻ	ⲕ
		Ⲗ	Ͽ	Ͽ	Ͽ	Ͽ	Ͽ	Ͽ	Ͽ	Ͽ	Ͽ	Ⲗ
		ⲗ	Ͼ	Ͼ	Ͼ	Ͼ	Ͼ	Ͼ	Ͼ	Ͼ	Ͼ	ⲗ

Теорія Руже о происхожденіи алфавита.

- I. Египетскіе иероглифы, обращенные налѣво.
- II. Египетскія гератическія письмена, обращенныя направо.
- III. Древнѣйшія финиійскія буквы, болѣею частью изъ надписи Ваала Ливонскаго.
- IV. Древнѣйшія греческія буквы изъ надписей у Тера и Аэинъ, читаемыя справа налѣво.
- V. Надгробный греческій алфавитъ времени персидской войны, читаемый слѣва направо.
- VI. Греческіе инициалы изъ Александринскаго Кодекса, около 400 г. до Р. Хр.
- VII. Греческіе минускулы.
- VIII. Древній алфавитъ Италіи.
- IX. Надгробный лат. алф. времяе Цицерона.
- X. Лат. инициалы и минускулы.
- XI. Современ. четырехугольный еврейскій алфавитъ, происходящій отъ финиійскихъ буквъ въ кол. III.

должно быть, произведенъ отъ типа семитическаго алфавита болѣе арктическаго, чѣмъ тотъ, который имѣется на моавитскомъ камнѣ (см. ниже). Такъ, въ древне коринескомъ алфавитѣ буква beta не имѣетъ закрытой формы, и почти совпадаетъ въ такомъ видѣ со своимъ гьератическимъ прототипомъ.

Между наиболее важными семитическими надписями, кромѣ гробницы Ешмуназара, имѣются: 1) надпись на обломкахъ священныхъ бронзовыхъ сосудовъ изъ храма Ваала Ливанскаго, которая относится къ XI столѣтію до Р. Хр.; 2) надпись Меша, короля моавскаго, на плитѣ изъ чернаго базальта, извѣстной подъ именемъ моавитскаго камня, который, какъ полагаютъ относится къ IX стол. до Р. Хр.; 3) гирьки въ видѣ львовъ изъ Ниневіи, на которыхъ начертаны имена ассирійскихъ царей, царствовавшихъ во время второй половины VIII стол. до Р. Хр., и 4) надпись на табличкѣ въ тунелѣ, который доставляетъ воду изъ колодца Дѣвы въ Кедронской Долинѣ къ Силоамскому колодцу. Дата этой надписи опредѣляется между VIII и VI ст. до Р. Хр.

1. Сосуды Ваала Ливанскаго. Въ 1876 году Клермонъ-Ганно купилъ у одного торговца нѣсколько бронзовыхъ пластинокъ съ финикійскими

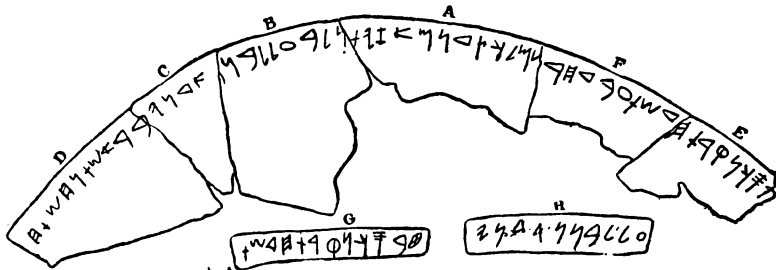

Рис. 46. Надпись на священныхъ чашахъ (Ваала Ливанскаго).

начертаніями (рис. 46). Удалось прослѣдить, что эти пластинки пошли отъ одного крестьянина, который случайно выкопалъ ихъ и пытался опредѣлить, не является ли золотомъ металлъ, изъ котораго они сдѣланы. Благодаря искусству Ренана и Клермонъ-Ганно эти кусочки были сложены такъ, что стало очевиднымъ, что они составляютъ части священныхъ сосудовъ; это заключеніе подтвердилось наиболее длинной изъ надписей, которая была сдѣлана на сосудахъ и которая гласила слѣдующее: „этотъ сосудъ изъ хорошей бронзы былъ принесенъ гражданами Кароагена, слугами Хирама, царя сидонскаго, Ваалу Ливанскому, своему Господу.“

2. Моавитскій камень (рис. 47). Эта, быть можетъ, самая знаменитая и, конечно, одна изъ самыхъ важныхъ семитическихъ реликвій, была

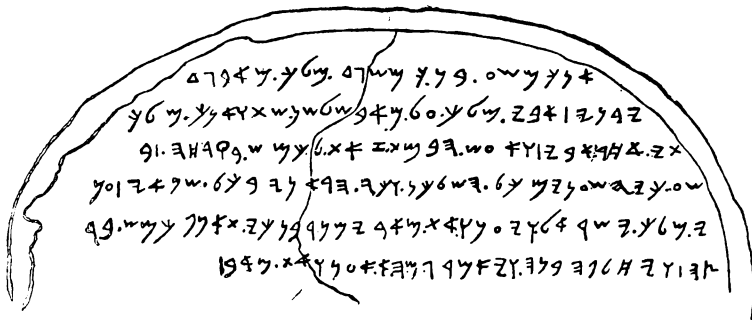

Рис. 47. Моавитскій камень.

открыта въ 1868 г. д-ромъ Клейномъ, германскимъ миссіонеромъ, во время его путешествія по Моавіи. Арабы, сопровождавшіе его караванъ, пригласили его посмотреть на надписанный камень, финикійскія начертанія котораго были прекрасно выбиты въ 34 строчкахъ. Докторъ скопировалъ нѣсколько словъ и продолжилъ свое путешествіе. Въ Иерусалимѣ, когда онъ прибылъ туда, онъ возвѣстилъ о своемъ открытіи, благодаря чему между французскимъ и германскимъ консульствами произошло соревнованіе относительно покупки этого желаннаго сокровища. Такое поведеніе европейцевъ возбудило подозрѣніе у арабовъ, признавшихъ въ камнѣ родъ талисмана, отъ котораго зависятъ успѣхъ ихъ жатвы. Лица, посланные Клермономъ - Ганно, успѣли снять эскизъ надписи, чѣмъ вызвали еще большую враждебность со стороны арабовъ, и, наконецъ, послѣ того, какъ турецкій губернаторъ Наблуса попытался оставить этотъ камень за собой,— для того, чтобы продать его съ выгодой „невѣрнымъ“,—арабы накалили огнемъ этотъ камень и облили его затѣмъ холодной водой, послѣ чего онъ распался на отдѣльные куски, которые были распределены между членами племени, какъ талисманъ. Но, благодаря тактичному поведенію Клермонъ - Ганно, удалось собрать почти всѣ части камня, такъ что за исключеніемъ нѣсколькихъ строчекъ, весь текстъ надписи былъ восстановленъ. Оригиналъ въ настоящее время сохраняется въ Луврѣ, а въ финикійскомъ отдѣлѣ Британскаго музея имѣется хорошо снятая съ него копія.

Надпись на этомъ камнѣ, написанная на языкѣ, близкомъ тому, на которомъ написанъ текстъ книгъ Ветхаго Завета, передаетъ разсказъ Меша, объ его восстаніи противъ царя Израилитянъ, которому онъ до того времени ежегодно платилъ въ качествѣ дани такое количество шерсти, которое можно получить со 100.000 ягнятъ и 100.000 барановъ. Съ исторической точки зрѣнія памятникъ этотъ представляетъ большую цѣнность. Съ этнографической же точки зрѣнія, съ которой здѣсь мы только и можемъ его разсматривать, по мнѣнію Кэнона-Тейлора и другихъ ученыхъ, онъ подтверждаетъ теорію де-Руже.

3. Львиныя гири. Нѣсколько образцовъ такихъ львиныхъ гирекъ было найдено Августиномъ Лэйардомъ при раскопкахъ Ниневиі. Онѣ имѣютъ надписи на двухъ языкахъ, при чемъ имена ассирійскихъ царей изображены клинописью, а всѣ ихъ указанъ финикійскими начертаніями. Конечно, эти находки служатъ новымъ доказательствомъ существованія тѣсныхъ торговыхъ отношеній между Ассиріей и Финикіей, и о торговомъ преобладаніи послѣдней, такъ какъ всѣ и мѣры были приспособлены къ метрической единицѣ послѣдней, и свидѣлствуютъ, кромѣ того, объ общемъ употребленіи финикійскаго алфавита въ дѣловыхъ сношеніяхъ. Подъ дѣйствіемъ времени эти надписи сильно пообтерлись, но между именами царей, которыя удалось восстановить, были Тиглатъ-Пезерь, Шалманезеръ IV, Саргонъ II, и Сеннахерибъ. На одиннадцатомъ лѣвѣ, который вѣситъ немного менѣе 12 унцовъ и потому представляетъ манехъ, еврейскую мѣру вѣса, употребляемую при оцѣнкѣ золота и серебра и которая, какъ предполагали, равняется ста золотымъ и 60 серебрянымъ шекелямъ, на имѣющейся на ней надписи можно прочесть *maneh melek*, т. е. „манехъ царя“. Но имя царя остается малоразборчивымъ; проф. же Сайсъ читаетъ его, какъ Шалманезеръ, который царствовалъ въ VII ст. до Р. Хр.

4. Силоамская надпись. —Тунель, въ которомъ она была найдена, несомнѣнно, былъ построенъ съ цѣлью обезпечить Иерусалимъ водою на время осады, такъ какъ колодезь Дѣвы находится за городскими стѣнами, въ то время какъ Силоамская купель расположена внутри стѣнъ старой крѣпости. При первомъ открытіи ея, въ 1880 г. разобрать ее было очень трудно, благодаря покрывавшимъ ее многочисленнымъ известковымъ осадкамъ; но тѣмъ не менѣе уже и тогда было видно, что она должна сыграть важную роль при изученіи развитія еврейскаго алфавита въ моментъ его перехода отъ финикійскаго къ арамейскому типу, откуда уже произошли современныя его начертанія. Однако,

тогда же было признано, что найдена еврейская надпись, время появления которой надо отнести къ эпохѣ до Вавилонскаго плѣненія, и что недоразумѣнія относительно природы алфавита израиля теперь, быть можетъ, будутъ разрѣшены. Буквы были тщательно очищены отъ покрывавшихъ ихъ осадковъ, изъ подъ которыхъ выступала еврейская надпись, выгравированная финикийскими начертаніями, почти сходными съ тѣми, которыя имѣются на Моавитскомъ камнѣ.

Самаритянской алфавитъ является единственнымъ изъ сохранившихся до настоящаго времени алфавитовъ, непосредственно происходящихъ отъ финикийскаго алфавита. Самъ же финикийскій алфавитъ, являясь въ большей или меньшей степени отцомъ всѣхъ, нынѣ существующихъ алфавитовъ, исчезъ, и его начертанія въ настоящее время возстанавливаются, благодаря надписямъ въ родѣ тѣхъ, о которыхъ здѣсь было упомянуто.

Теорія де Руже объ источникѣ этого алфавита и другихъ его вариантовъ не прошла безъ большихъ споровъ. Наружное сходство между написанными начертаніями было принято, какъ доказательство въ пользу дѣйствительно существовавшихъ отношеній, въ то время какъ въ другихъ областяхъ человѣческаго развитія подобнаго сближенія только по наружному сходству не наблюдается. Въ своей статьѣ объ иероглифахъ въ Encyclopaedia Britannica, Реджинальдъ Пуль, указываетъ, что „гератическія формы измѣняются, подобно всѣмъ курсивнымъ формамъ письма, съ рукою каждого писца. Благодаря этому, едва ли возможно для тѣхъ писателей, которые хотятъ установить тождество между гератическимъ и финикийскимъ письмомъ, избѣжать извѣстнаго насилія надъ доказательствами“. Кромѣ того, требуется значительная осторожность уже благодаря большому періоду времени, который прошелъ между эпохами изъ которыхъ брались матерьялы для сравненія. Папирусъ Присса почти на двѣ тысячи лѣтъ старше, чѣмъ надпись Ешамуназара, а вѣдь изъ этихъ двухъ документовъ теорія Руже и черпаетъ всю свою силу. Есть и еще одно возраженіе. Извѣстныя семитическія буквы представляютъ звуки, которыя свойственны только группамъ этихъ языковъ, но для которыхъ не можетъ быть найдено эквивалентныхъ знаковъ изъ египетскаго языка, — на что, однако, нужно возразить, что при заимствованіи достаточно будетъ въ такихъ случаяхъ подобрать лишь нѣкоторые сходные, хотя бы и не тѣ же самые звуки.

Но, посмотримъ, теперь, почему же финикіяне заимствовали именно гератическое письмо, а не иероглифы. Артуръ Евансъ думаетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ какъ разъ и было именно заимствование иероглифовъ, такъ какъ нѣкоторыя буквы финикийскаго алфавита произошли прямо отъ пиктографическихъ символовъ, какъ, наприм., Alpha (Ale f=быкъ) отъ иероглифа бычачьей головы, Zeta (z ayin=оружіе) отъ двуконечной сѣкиры, Sigma (s a mesh=колонна) отъ знака дерева, Omikron (Ain=глазъ) отъ кружка, употребляемаго для изображенія глаза, Eta и Epsilon (cheth=изгородь и He=окно) отъ знаковъ для стѣны, двери, или окна. Но не смотря на все это, Кэнонъ Тейлоръ настаиваетъ на томъ, что развитіе алфавитныхъ системъ должно было происходить именно въ томъ направленіи, которое было указано де-Руже, такъ какъ семитическій алфавитъ зародился впервые среди пришельцевъ этой расы въ области Нижняго Египта, гдѣ они проживали въ качествѣ рабовъ, торговцевъ, служителей пограничной стражи или завоевателей. Во всякомъ случаѣ эти вселенцы были чуждыми языку и религіи египтянъ. А потому болѣе правдоподобнымъ будетъ предположить, что они стали бы скорѣе пользоваться курсивнымъ и гератическимъ письмомъ, которое обыкновенно употреблялось въ Египтѣ для частныхъ и торговыхъ дѣлей, чѣмъ занялись бы приспособленіемъ для своихъ нуждъ священныя письма, сохранявшихся у египетскихъ жрецовъ для религіозныхъ дѣлей и начертанія надписей на памятникахъ. Предположеніе это находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ фактѣ, что отъ періода трехъ династій семитическихъ правителей, извѣстныхъ подъ именемъ гиксовъ, или царей пасту-

ховъ, которые были изгнаны изъ Нижняго Египта Фивскими Рамезидами, не осталось ни одного гіероглифическаго памятника.

Если бы утверждение проф. Лагарда относительно того, что семитическія буквы и гіератическія формы не представляютъ достаточнаго сходства, оказалось бы вполне обоснованнымъ, то, какъ допускаетъ Кэновъ Тайлоръ, теорія Руже была бы опрокинута. Но Кэновъ Тейлоръ, стойкій и совершенно безкорыстный защитникъ этой теории, очень удачно показалъ, какъ позайствованные предметы проявляютъ тенденцію въ свою очередь кое-что заимствовать изъ характера самихъ заимствователей. Уже тотъ фактъ, что эти письма были заимствованы, указываетъ на ихъ способность къ приспособляемости (поскольку допускаетъ модификація типа), особенно въ томъ случаѣ, если для письма употребляется иной матеріалъ. Гіератическое письмо болѣе древняго періода наносилось на папирусъ при помощи мягкой камышевой кисточки въ то время, какъ семитическія письма вырубались на камнѣ при помощи долота, благодаря чему начертанія теряютъ кривыя и волнистыя линіи. „Ставъ рядомъ два письма—гіеротическое и моавитское,—мы замѣчаемъ прежде всего, что семитическое письмо отличается болѣе симметрией и болѣе простотой. Буквы сдѣлались болѣе правильными и однообразными и, въ то же время, болѣе угловатыми, болѣе твердыми и болѣе прямыми, разница въ относительной величинѣ уменьшилась; особенно же выпрямились и укоротились начертанія сложныя и трудныя“. Сведя возраженія противъ теории Руже, важнѣйшія, изъ которыхъ были указаны здѣсь, Кэновъ Тайлоръ остается вполне удовлетвореннымъ относительно прочности данной теории. „Она представляетъ изъ себя вѣроятное рѣшеніе вопроса не только на основаніи различныхъ апіорныхъ соображеній; она является не только вполне согласованной съ древнимъ преданіемъ, не только даетъ цѣлый рядъ возможныхъ и разумныхъ объясненій фактовъ, не только находитъ себѣ подтвержденіе во всевозможныхъ любопытныхъ совпаденіяхъ, но она не имѣетъ противъ себя ни одного возраженія, противъ котораго въ свою очередь нельзя было бы выставить новаго возраженія. Если мы отбросимъ объясненіе, которое Руже далъ по вопросу о происхожденіи алфавита, то практически не останется ни одной соперничающей теории, на которую можно было бы опереться. Здѣсь могли бы быть три другихъ источника, но ни одинъ изъ нихъ не можетъ считаться больше, чѣмъ только простой догадкой. Если семитическія буквы не произошли изъ Египта, то онѣ должны были быть изобрѣтены финицкими, или развились изъ гиттитскихъ гіероглифовъ, или, наконецъ, произошли отъ клинописныхъ силлабаріевъ“. О возможномъ отношеніи еще нерасшифрованныхъ гиттитскихъ гіероглифовъ къ другимъ письмамъ мы упомянемъ сейчасъ и, быть можетъ, теорія Дика о происхожденіи ихъ отъ ассирійской клинописи до известной степени является справедливой. Въ самомъ дѣлѣ, клинопись, по существу, является, повидимому, письмомъ семитическимъ, и финиціане въ процесѣ своего соприкосновенія съ другими семитическими народами, быть можетъ, удержали и приспособили, если не все, то нѣкоторыя изъ клинописныхъ начертаній еще задолго до того времени, когда познакомились съ египетскимъ гіероглифическимъ и гіератическимъ письмомъ. Такимъ образомъ, соглашаясь со всемъ тѣмъ, что могутъ предъявить защитники теории Руже, мы, тѣмъ не менѣе не видимъ, въ ихъ выводѣ относительно связи финицкаго алфавита съ алфавитомъ греческимъ и другими алфавитами прицудительной силы необходимости. По вопросамъ объ этихъ отношеніяхъ новое и важное освѣщеніе дано было новѣйшими открытіями, къ которымъ мы теперь и перейдемъ.

ГЛАВА IX.

Критскія и родственныя имъ письма.

Когда ставится вопросъ о томъ, откуда за цѣлыя столѣтія до появленія Греціи и Рима разливалась цивилизація къ западу, историкъ обращается къ

долинамъ Нила и Евфрата. И, дѣйствительно, и Египеть, и Халдея имѣютъ огромное значеніе во всѣхъ нашихъ изслѣдованіяхъ о главнѣйшихъ влччіяхъ на интеллектуальную и духовную исторію человѣка, и это значеніе получаетъ все больше и больше правъ, потому что чѣмъ шире разрастаются изслѣдованія, тѣмъ больше уваженія заслуживаетъ пршлое обѣихъ странъ. Мы уже видѣли относительно Вавилона, что искусство письма—этотъ показатель культуры,—поднялось надъ пиктографическимъ уровнемъ раньше, чѣмъ за 800 лѣтъ тому назадъ, въ то время, какъ египетскіе гіероглифы, которые, вѣроятно, появились въ этой странѣ вмѣстѣ съ династіями и поэтому могутъ быть датированы эпохой царствованія Менеса, перваго историческаго царя, т. е. ихъ употребленіе въ Нильской Долинѣ распространилось на 1300 лѣтъ позднѣе. Такимъ образомъ, съ точки зрѣнія возраста, палма первенства должна быть отдана вавилонскимъ письменамъ. Къ счастью, показанія объ этихъ двухъ древнихъ цивилизаціяхъ идутъ сплошной полосой—о Вавилонѣ до паденія имперіи и о Египтѣ до нашихъ дней. Воздавая каждой изъ нихъ должное въ дѣлѣ содѣянія человѣческому прогрессу, мы должны будемъ первое мѣсто оставить за Вавилономъ, и „мы теперь знаемъ, какъ ни высоко было развитіе египетской цивилизаціи въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, она не была плодотворной матерью другихъ цивилизацій. Всѣ современные писатели согласны относительно того, что религиозные культы и національные обычаи и были именно тѣмъ чего греки не заимствовали отъ Египта, равно какъ евреи своей религіи, а финиціане—своей торговли“ (Перси Гарднеръ). Но если Египеть не была „домомъ неволи“ для Израиля, то онъ былъ поработителемъ христіанства. Онъ вскормилъ вѣру, которая нашла свое процвѣтаніе въ свободѣ духа. Изъ той или другой ея грядѣ вынырнула догма о христіанской троичности, и въ дитяти Горусѣ, посаженномъ на колѣни Изиды, мы видимъ глубокое значеніе словъ: „Изъ Египта призвалъ я моего сына“. Обелискъ у фронтона собора Св Петра въ Римѣ символизируетъ тотъ историческій фактъ, что путь къ христіанской церкви идетъ черезъ портикъ египетскаго храма.

Изслѣдованія, произведенныя въ Греціи и на островахъ окружающаго ея Архипелага за послѣдніе годы, открыли третій важный центръ культуры. Лѣтъ тридцать тому назадъ д-ръ Шлимманъ, производя раскопки въ доисторической почвѣ, былъ увѣренъ, что онъ нашелъ дворець Одиссея и ворота Итона. „Обнажились кости Агамемнона“. Миръ смѣялся надъ нимъ, но если

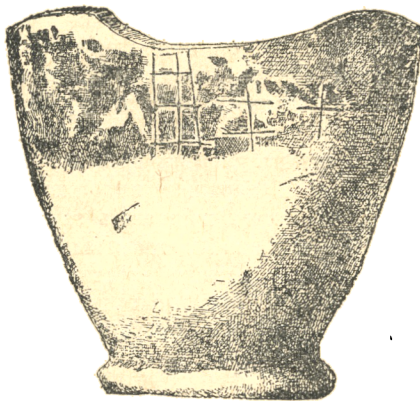

Рис. 48. Ваза съ выцарапанными на ней буквами (Критъ).

взглянуть на открытія д-ра Шлиммана болѣе трезвымъ взглядомъ, то придется признать ихъ значительную цѣнность и необходимость продолжать его работу. Замѣчательные результаты этихъ открытій, по Гогарту, заключаются въ томъ, что, благодаря имъ было показано, что „человѣкъ въ Элладѣ обладалъ еще до начала исторіи гораздо высшей цивилизаціей, тѣмъ та, на которой находитъ его здѣсь исторія, и что въ области эллинской жизни существовало человеческое общество, организованное и производительное, уже въ такое отдаленное время, которое отстоитъ отъ вѣка Перикла дальше, чѣмъ вѣкъ Перикла—отъ насъ. И весь періодъ цивилизаціи на Эгейскомъ морѣ, вѣроятно, будетъ лишь нѣскольکو короче, чѣмъ—въ Нильской долині“.

Мы не можемъ здѣсь излагать этого

вопроса въ цѣломъ и ограничимся болѣе узкой областью открытій, произведенныхъ Аргуромъ Евансомъ въ новѣйшее время на островѣ Критѣ. Его открытія устанавливаютъ: 1) фактъ туземной культуры и 2) наличность дѣятельныхъ сношеній между Критомъ и Греціей, Египтомъ, Сиріей и другими странами за цѣлыя столѣтія до того, какъ финикійцы спустили свои корабли на Средиземное море, завели торговлю съ Критомъ и Кипромъ и пускались на своихъ корабляхъ за Геркулесовы столбы. Здѣсь мы въ краткомъ видѣ приведемъ данныя изъ работы Еванса: „Первобытные пиктографы и до-историческія письма изъ Крита и Пелопоннеса“.

Во время своего посѣщенія Греціи въ 1893 г. Евансъ обратилъ вниманіе на маленькіе камешки, на которыхъ были выгравированы символы, носящіе, повидимому, гіероглифическій характеръ и приближающіеся по формѣ къ гиттискимъ гіероглифамъ, но отличающіеся въ то же время и своими собственными особенностями. Ему удалось прослѣдить ихъ происхожденіе съ острова Крита, а изслѣдованія въ Берлинѣ освѣтили тотъ фактъ, что Императорскій музей обладаетъ подобными же камешками, которые также были получены изъ Крита. Съ этими данными въ рукахъ Евансъ рѣшилъ приступить къ своимъ изслѣдованіямъ на критской почвѣ и началъ свои работы весной 1894 г.

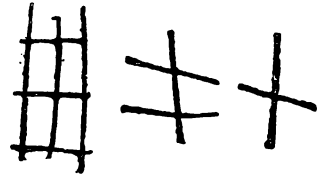

Рис 49. Начертанія, выцарапан. на чашѣ (Критъ).

Онъ выбралъ восточную часть острова, какъ островъ, наиболѣе подходящий для открытія до-историческихъ остатковъ, такъ какъ на зарѣ исторіи онъ былъ занятъ „этеокритянами“, первобытнымъ не-эллинскимъ народомъ. У Презоса онъ получилъ нѣсколько камней, покрытыхъ гіероглифическими или пиктографическими надписями, а также линейными, какъ бы алфавитными начертаніями, при чемъ сохранность этихъ предметовъ за огромный промежутокъ времени объясняется тѣмъ, что они широко употреблялись критскими женщинами въ качествѣ талисмановъ, извѣстныхъ подъ именемъ „молочныхъ камней“ и носимыхъ во время беременности. Благодаря этому суждію, Евансъ не могъ получить въ собственность этихъ камней, а только ознакомился съ начертаніями, сдѣланными на нихъ. При изслѣдованіи Гуласа, развалины которой являются болѣе обширными, чѣмъ развалины всякаго другого доисторическаго поселенія въ Греціи или Италіи, Евансъ сдѣлалъ для своей коллекціи важныя пріобрѣтенія, а именно: 1) сердликовъ драгоцѣнный камень съ изображеніемъ испускающаго лучи солнца и вѣткой листьевъ; 2) быка, сдѣланнаго изъ терракоты, и глиняную чашу, на которой было сдѣлано три, грубо нацарапанныхъ (graffito) начертанія, при чемъ два изъ нихъ оказались тождественными съ кипрскимъ ра или Іо. Далѣе, сосѣдняя деревушка Продромосъ Воцано доставила плоскую терракотовую вазу съ выцарапаннымъ вокругъ шеи выводкомъ цыплятъ и тремя еще болѣе грубо выцарапанными символами того же рода, изъ которыхъ одинъ представлялъ, повидимому, двуглавый

Рис. 50. Начертанія, сдѣланныя на вазѣ (Критъ).

топоръ, встрѣчающійся среди гіероглифическихъ формъ, сведенныхъ къ линейнымъ абрисамъ; послѣдній же, какъ и на чашѣ, вырытой при Гуласѣ, знакъ, тождественный съ Іо. При другой деревушкѣ, вблизи Гуласа, Евансъ добылъ двуглавый бронзовый топоръ съ выгравированнымъ на немъ символомъ, съ которымъ онъ сравниваетъ знаки на бронзовомъ топорѣ изъ Дельфы, при чемъ первый изъ этихъ знаковъ представляетъ грубый абрисъ утки или другой какой-нибудь водяной птицы. Нѣкоторыя изъ стѣвъ при Кнозосѣ носятъ какіе-то значки, которые считались сначала просто выцарапанными рукою каменщиковъ, но которые, какъ

достаточно убедительно показали Еванс, представляют изъ себя правильныя письма и принадлежать къ системѣ начертаній, имѣющихся на вазѣ и печа-

Рис. 51. Знаки на бронзовомъ топорѣ (Дельфы).

тахъ, вродѣ, двойного топора и были выгравированы на камнѣ, прежде чѣмъ онъ былъ положенъ на свое мѣсто при постройкѣ. Такимъ образомъ, ни эти знаки, ни другіе, которые выгравированы на жировикахъ (родъ камней) или иныхъ камняхъ, нельзя признать за простой результатъ той „частички къ надписямъ“,

благодаря которой поверхность современныхъ и прошлыхъ памятниковъ похотливо покрывается различными записями. „Какъ ни ограничены были числомъ камни, которые намъ удалось извлечь, мы все же убѣдились, что нѣкоторые изъ символовъ постоянно повторяются, какъ будто они были опредѣленными буквами или словами, или слогами. Такъ, человѣческой глазъ былъ изображенъ четыре раза и на совершенно различныхъ камняхъ, „широкая стрѣла“—семь разъ, и другой неопредѣленный инструментъ—одиннадцать разъ. Выборъ символовъ явно стѣсненъ нѣкоторыми практическими соображеніями и въ то время, какъ одни пред-

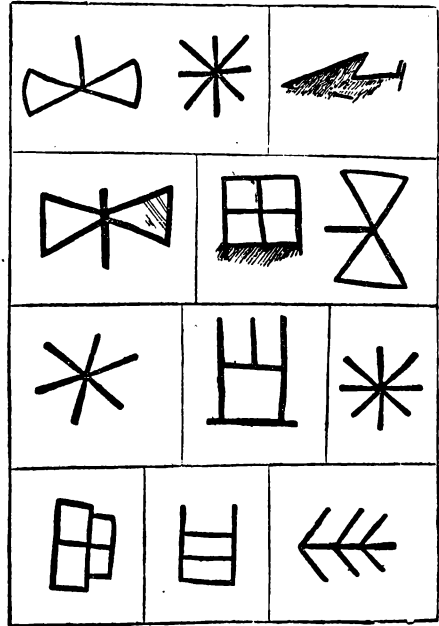

Рис. 52. Знаки на камняхъ изъ микенскихъ построекъ (Кносось).

меты встрѣчаются часто, другіе явно бросаются въ глаза своимъ отсутствіемъ. Если бы граверъ, заполяя поверхность рисунка съ исключительно съ декоративными цѣлями, то во всякомъ случаѣ онъ не считался бы съ такого рода затрудняющими работу условиями при выборѣ рисунка“. Нѣкоторые изъ символовъ являются сокращенными, такъ, напр., голова изображается вмѣсто всего животнаго, цвѣтокъ—вмѣсто всего растенія и здѣсь, слѣдовательно, наблюдается приближеніе къ идеографическому состоянію письма. Въ дальнѣйшихъ примѣрахъ мы находимъ выраженіе идей и эмоцій въ графической формѣ, въ видѣ различныхъ положеній руки и т. д. Такимъ образомъ, часто встрѣчаются группы символовъ,—отъ двухъ до семи,—указывая тѣмъ самымъ, что имъ придается силлабическое значеніе и, повидимому, имѣются нѣкоторые прочно установленные принципы,

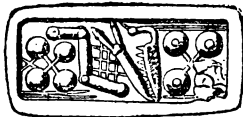
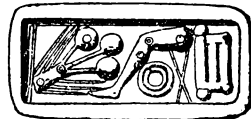
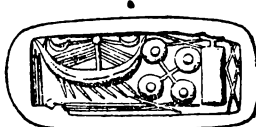
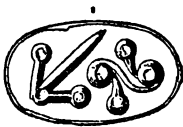

Рис. 53. Символы на трехгранномъ сердоликѣ.

Рис. 54. Символы на четырехгран. камнѣ.

которые управляютъ размѣщеніемъ извѣстныхъ знаковъ. вмѣстѣ съ тѣмъ можно, повидимому, сдѣлать заключеніе, что символы эти начертаны на своихъ мѣстахъ не случайно, а съ той или другой опредѣленной цѣлью, хотя цѣли эти и трудно опредѣлить до тѣхъ поръ, пока матерьялъ не увеличится въ значительномъ размѣрѣ. Вообще же говоря, ихъ цѣлью было, быть можетъ, дать тѣ или другія указанія на то или другое призваніе ихъ собственниковъ, подобно тѣмъ печатямъ, о которыхъ рѣчь у насъ была выше.

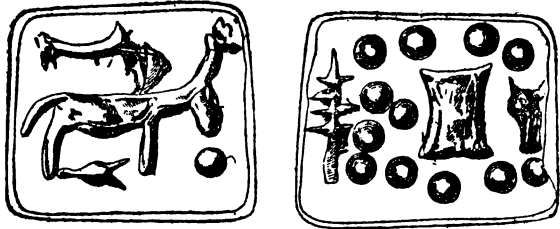

Рис. 55. Символы на четырехгран. камняхъ съ широкими лицевыми частями (Центральный Критъ).

Камни, имѣющіе на себѣ подобные символы системы письма, которое употреблялось въ предѣлахъ Микенскаго мира въ до-финикійское время, распредѣ-

ляются Евансомъ на пять группъ: 1) трехстороннія или призмобразныя; 2) четырехстороннія, равнобокія; 3) четырехстороннія съ болѣе широкой лицевой стороной; 4) съ одной выгравированной стороной, при чемъ верхняя часть украшена свернутымъ рельефомъ; 5) камни обыкновеннаго микенскаго типа.

Рис. 56. Символы на сердоликѣ, отшлифованномъ съ одной стороны (Восточн. Критъ)

Гіероглифическіе символы, выгравированные на 21 камнѣ, описанномъ и срисованномъ Евансомъ, насчитываются въ количествѣ 82 и заключаютъ пикто-

Рис. 57. Символь на камнѣ обыкновеннаго микенскаго типа (Аеины).

графическія и идеографическія формы, которыя распредѣляются на слѣдующія группы:

1. Человѣческое тѣло и его части	6
2. Оружіе, орудія и инструменты	17
3. Части дома и принадлежности домашняго обихода	8
4. Морскіе предметы	3
5. Животныя и птицы.	17
6. Растительныя формы	8
7. Небесныя тѣла и производныя	6
8. Географ. или топогр. знаки	1
9. Геометрическія фигуры	4
10. Неопредѣленные символы	12

Линейные знаки рассматриваются Евансомъ (таб. 1-я) въ основной связи съ гіероглифическими, такъ какъ одна система и здѣсь, какъ и въ другихъ письменахъ, покрываетъ другую. Впрочемъ по вопросу о дѣйствительности этой связи высказываются нѣкоторыя сомнѣнія. Тридцать два начертанія, которыя были открыты Евансомъ, были увеличены д-ромъ Тсаунтасомъ до 38, въ то время, какъ матерьялы, давшіе эти результаты, получили значительное добавленіе, благодаря открытой Евансомъ весной 1896 г. исписанной каменной плитѣ, связанной съ многочисленными предметами различныхъ обѣтовъ, въ большой пещерѣ Маунта Дикта, являющейся по преданію мѣстомъ рожденія Зевса. «Она состоитъ изъ обломка того, что можетъ быть описано, какъ „таблица приношеній“ и

имѣть на себѣ часть того, что является посвященіемъ; къ этой части относится девять буквъ, имѣющихъ, вѣроятно, слллабическое значеніе и отвѣчающихъ самому древнему критскому письму, которое наблюдается на печатяхъ“ (Евансъ).

Эти линейныя формы написаны на трехстороннихъ каменныхъ печатяхъ и во всѣхъ отношеніяхъ походятъ на тѣ печати, которыя имѣютъ пиктографиче-

скіе знаки; на подвѣскахъ изъ жирного камня, на горшкахъ въ видѣ грубыхъ царапинъ и т. д. Всѣ эти источники даютъ 32 начертанія, данныя на II таблицѣ, на которой, кромѣ того, изображены соответствующія начертанія изъ критскаго и египетскаго письма. На таб. III мы имѣемъ образцы начертаній, — несомнѣнно слллабическихъ, — встрѣчающихся группами по два и болѣе.

Каменные печати съ гераглифическими значками встрѣчались лишь въ странѣ къ востоку отъ Кнозоса, и примѣненіе этихъ начертаній не переходило, повидному, за предѣлы острова; въ дѣйствительности же, они, быть можетъ, находили себѣ примѣненіе въ менѣе прогрессивныхъ областяхъ. Все это говоритъ противъ непосредственнаго происхожденія критской линейной формы отъ критскихъ пиктографическихъ знаковъ и, кромѣ того, едва ли можно допустить, — какъ настаиваетъ на этомъ д-ръ Тсаунтасъ, — чтобы она могла оказать хотя бы слабое влияніе на эллинскую часть Греціи. Но за недостаткомъ матерьяловъ всякія опредѣленныя заключенія являются преждевременными и необходимо ограничиться самыми общими соображеніями. Изъ восьмидесяти двухъ пиктографическихъ символовъ шестнадцать приближаются къ египетскимъ и шестнадцать къ гиттискимъ формамъ, но всѣ, безъ исключенія, обладаютъ самостоятельными чертами, которыя вкладываютъ на нихъ мѣстный характеръ. Хотя совладѣнія бывають иногда такого рода, что даютъ право заключать о дѣйствительномъ родствѣ письменъ, однако, надо помнить, что сходство предметовъ, подлежащихъ описанію, объясняетъ иногда тѣ соответствія, которыя замѣчаются въ рисункахъ — письменахъ у различныхъ народовъ. „Нѣкоторые изъ критскихъ типовъ представляютъ поразительную аналогию съ азиатскими; съ другой стороны, многіе изъ наиболѣе молодыхъ гиттискіхъ символовъ прямо бьютъ въ глаза своимъ отсутствіемъ. Параллелизмъ можетъ быть объясненъ тѣмъ, что обѣ системы выросли въ болѣе

Пиктографы	Эгейскій линейный	Кипрскій и Семитическій	Пиктографы	Эгейскій линейный	Кипрскій и Семитическій
1		↑ К ка ↓ форма Го Си	8		 А. Гр. Крит. Глазъ
2		△ К. Ег. «Соборная форма» «Оружие»	9		 К. Гр. «Глазъ» К. Ро
3		С. СМЕТН. ОГРАДА Е	10		К. РЕ
4		С. НЕ. ОКНО?	11		К. Ро.
5			12 А		
6		К СЕ			БЫКЪ или ГЛОВА БЫКА СЪ ТѢМЪ ЖЕ САМЫМЪ СВѣТЛѢМЪ на ПЛОТЪ СТОЯЩАЯ ФЕТИСКОЮ СТУЛЪЮЮ
		С. ЛАМЕРУ «СУПЕЛЬ» (шова)	12 б		С. АЛЕФ «БЫКЪ»
СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ПИКТОГРАФОВЪ И ЛИНЕЙНЫХЪ СИМВОЛОВЪ К. — кипрскій, А. Гр. — Архивскій Греческій С. — Семитическій			13		К. МІ на ручкѣ отъ лица «ВІМ»

Таблица I.

ческихъ символовъ шестнадцать приближаются къ египетскимъ и шестнадцать къ гиттискимъ формамъ, но всѣ, безъ исключенія, обладаютъ самостоятельными чертами, которыя вкладываютъ на нихъ мѣстный характеръ. Хотя совладѣнія бывають иногда такого рода, что даютъ право заключать о дѣйствительномъ родствѣ письменъ, однако, надо помнить, что сходство предметовъ, подлежащихъ описанію, объясняетъ иногда тѣ соответствія, которыя замѣчаются въ рисункахъ — письменахъ у различныхъ народовъ. „Нѣкоторые изъ критскихъ типовъ представляютъ поразительную аналогию съ азиатскими; съ другой стороны, многіе изъ наиболѣе молодыхъ гиттискіхъ символовъ прямо бьютъ въ глаза своимъ отсутствіемъ. Параллелизмъ можетъ быть объясненъ тѣмъ, что обѣ системы выросли въ болѣе

или менѣ пограничныхъ областяхъ изъ болѣ первобытныхъ пиктографическихъ элементовъ, какъ это мы находимъ у американскихъ индѣйцевъ въ настоящее время; и когда, позднѣе, на берегахъ Оронта и на высотахъ Каппадокіи съ одной стороны, и на берегахъ Егейскаго моря съ другой—болѣ формализированное, „гіероглифическое“ письмо начало независимо развиваться изъ этихъ болѣ простыхъ элементовъ, то что можетъ быть естественнѣе какъ не то, чтобы

	I	II	III	IV	V	VI
I. Критскія и Эгейскія линейныя начертанія.	1 ↓	↑ ↓	↑ ↑	↯ ↯		↯
	2 ✕	+	+	‡ ‡	‡	‡
	3 Y Y Y	Y	Y	Y Y Y	Y Y	Y Y
	4 ‡	‡	‡	Δ Δ	Σ	Σ
II. Эгейскіе знаки, найденныя въ Египтѣ.	5 E	E		◻	◻	
	6 [.] [.]			⊗ ⊗	⊗	⊗
	7 ◻	◻ ◻		⊗		⊗
	8 ◻	◻ ◻		^ ^	^ ^	^
III. Критскія начертанія.	9 ◻	◻ ◻		^ ^	^ ^	^
	10 ◻	◻ ◻		∇	∇	∇
	11 ∟			▢ ▢	▢ ▢	
	12 *	*	*	⊙		
IV-I	11 *	*	*	⊙		
V-II	12 *	*	*	⊙		
VI III	13 F	F F	F	⊙		
	14 ~~~			⊙		
	15 ∇	∇		⊙	⊙	∟
	16 H	H		⊙	⊙	⊙

Таблица II.

общія той или другой группѣ письма сохранились бы въ каждой? Дальнѣйшее взаимное общеніе этихъ странъ могло только содѣйствовать сохраненію этихъ общихъ элементовъ. Но символическое письмо, съ которымъ мы здѣсь имѣемъ дѣло, по самому существу своему находится на особомъ положеніи. Критская система пиктографическаго письма не отдѣлима отъ той площади, на которой преобладала микенская форма культуры. Съ географической точки зрѣнія оно принадлежитъ Греціи“.

Въ то время, какъ камни съ гіероглифическими надписями находили только на Критѣ, образцы линейныхъ начертаній встрѣчались въ Микенахъ, Наупліи и другихъ доисторическихъ мѣстностяхъ Греціи и Египта. Кромѣ того, какъ

было уже замѣчено, нѣкоторые изъ знаковъ были отмѣчены родствомъ съ кипрскими, гиттитскими и семитическими письменами.

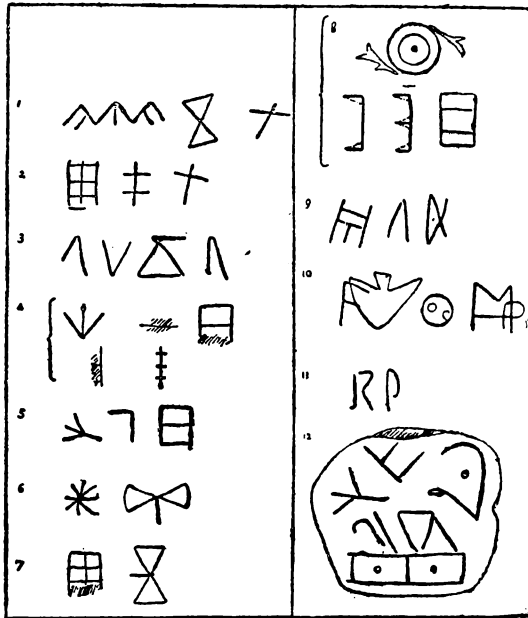

Таблица III.
Группы линейныхъ символовъ.

было дознано, были въ употребленіи за 1200 лѣтъ до Р. Хр. въ мѣстности, занятой народами Эгеи и Малой Азіи, Петри замѣчаетъ что „нужно потребовать очень достовѣрныхъ доказательствъ въ пользу того, что фининскій алфавитъ вышелъ изъ предполагаемаго арабскаго источника прежде, чѣмъ мы отважимся отрицать, что мы здѣсь столкнулись съ происхожденіемъ средиземныхъ алфавитовъ“. Обратнo, амулеты - руки XII династіи встрѣчались на Критѣ.

Переходя къ раскопкамъ въ огромной насыпи при Телль-эль-Хези, въ Палестинѣ образовавшейся изъ развалинъ одиннадцати различныхъ городовъ, погибшихъ здѣсь одинъ за другимъ, мы находимъ среди остатковъ четвертаго города, относящихся приблизительно къ 1450 г. до Р. Хр., пастушьи палки съ начертанными на нихъ знаками, подобными эгейскимъ.

Въ то время, какъ около 30% критскихъ гіероглифовъ приближаются по своему характеру къ гіероглифамъ Египта, двадцать изъ тридцати двухъ линейныхъ знаковъ совпадаютъ

Среди древностей Файума особенно замѣчательны остатки двухъ городовъ: Кахуна, который относится къ эпохѣ XII династіи, т. е. за 2500 лѣтъ до Р. Хр. и Гуроба, который на 12 столѣтій моложе, причемъ имѣются ясныя доказательства, что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ поселеніи жили азіатскіе и эгейскіе выходцы.

Здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ проф. Петри при раскопкахъ открылъ обломки микенскаго, или какъ онъ называетъ, эгейскаго горшка, на которомъ были сдѣланы начертанія, похожія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ тождественныя съ тѣми, которыя были найдены въ Греціи. И Петри, и Евансъ, одинаково высказались за то, что реликвии, добытыя при Кахунѣ такъ же стары, какъ самый городъ. Говоря о знакахъ, которые, какъ

Египетскіе жуки-амулеты XII дин.

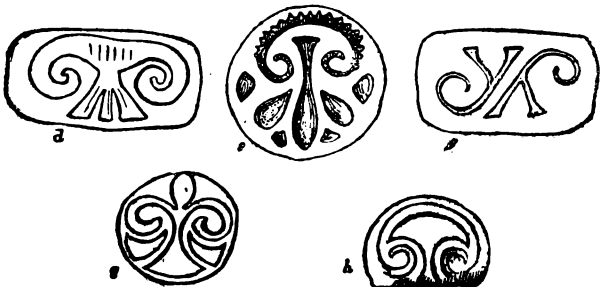

Рис. 59. Древне-критскія каменные печати.

съ такими знаками, найденными въ Египтѣ. Евансъ прибавляетъ, что „параллелизмъ съ критскими формами также обращаетъ на себя вниманіе, такъ какъ около 15 знаковъ совпадаетъ съ буквами кипрскаго букваря“.

Этотъ букварь, какъ показываетъ его названіе, былъ найденъ на островѣ Кипрѣ, который, находясь только въ 60 миляхъ отъ Малой Азіи, долженъ былъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, обнаружить слѣды дѣятельныхъ сношеній съ этой страной еще въ доисторическія времена. Родство ихъ древняго письма съ письменами Западной Азіи, что можно считать вполне установленнымъ, имѣетъ поэтому многое за то, чтобы принять его за исходную точку изслѣдованія. Онъ стоитъ въ ближайшемъ отношеніи, быть можетъ, даже въ качествѣ прямого нисходящаго родственника къ гитгитскому букварю. Свѣдѣнія объ этомъ послѣднемъ народѣ быстро нарастаютъ за послѣднее время, и исторія ихъ раздвигается въ обширные томы; но, говоря по правдѣ, мы и теперь все же знаемъ о нихъ столько, сколько—о финикійцахъ и фригійцахъ, т. е. въ сущности знаемъ очень мало. Сквозь туманъ прошлаго, при помощи свѣта, бросаемаго таблицами изъ Тель-эль-Амарны, скульптурныхъ произведеній Карнака и воспоминаній еврейскаго и другихъ народовъ, мы можемъ разсмотрѣть неясные очерки великой и могущественной имперіи, предѣлы которой простирались отъ Евфрата до Чернаго моря; доходя до границъ Египта, эта имперія вела въ теченіе тысячелѣтій войны съ одной стороны съ этимъ самымъ Египтомъ, а съ другой—съ Ассирійскою имперіей. Въ 1270 г. до Р. Хр. Рамезесъ III сошелся на полѣ брани съ полками гитгитовъ *) и другихъ союзныхъ народовъ и разбилъ ихъ при Мигдолѣ. Они „наводнили тогда Сирію. Пираты ихъ разсѣялись по островамъ и берегамъ Среднеземнаго моря; море было покрыто ихъ легкими галлерами и пѣвилось подъ ударами ихъ сильныхъ весель“ (Раулинсонъ). По словамъ д-ра Райта, гитгиты упоминаются впервые „въ надписяхъ Саргона I, царя Агане, около 1900 г. до Р. Хр. и исчезаютъ изъ историческихъ памятниковъ, начиная съ надписей Саргона 717 г.“ Еще лѣтъ тридцать тому назадъ не было ни одного документа или памятника, въ которыхъ бы говорилось объ этой имперіи, занимавшей однако почетное мѣсто среди древнихъ націй, какъ объ этомъ можно судить по открытому договору (древнѣйшій изъ извѣстныхъ намъ документовъ этого рода) съ Египтомъ, въ которомъ каждая сторона признавала за другой равную себѣ силу и соглашалась помогать ей въ случаѣ нужды. Первой реликвіей отъ гитгитовъ является базальтовая глыба съ странными гіероглифическими начертаніями, найденная путешественникомъ Буркхардтомъ въ 1812 г. при Хамахѣ на Оронтѣ, но онъ не могъ дешифрировать эти начертанія, и весь матеріалъ былъ забытъ до

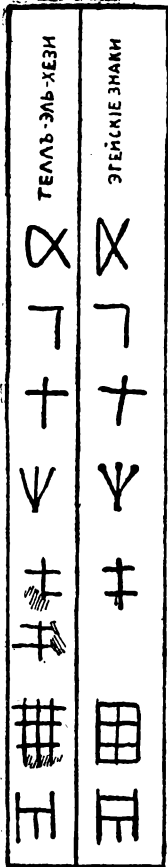

Рис. 59. Знаки на постушней палкѣ по сравненію съ Эгейскими формами.

Рис. 60. Гитгитская надпись въ Хамахѣ.

*) Иначе этотъ народъ называютъ хиттами, а также иногда хеттами. Правильнѣе, конечно, говорить гитты, произнося букву *g* какъ въ словѣ „Господи“.

1870 года, когда этотъ камень былъ снова открытъ и были обнаружены другіе, остатки подобнаго же рода. Но до настоящаго дня ключъ къ истолкованію памятниковъ этого рода не былъ найденъ, и ученые ждутъ, когда изъ земли будетъ вырытъ такой двуязычный памятникъ, который для гиттискихъ іероглифовъ сыграетъ такую же роль, какую Розеттскій камень сыгралъ для египетскихъ іероглифовъ, а Бисутунскій для клинописи. До тѣхъ же поръ, пока не удастся получить такого памятника, мы будемъ оставаться въ области чистыхъ предположеній о могучей націи, безбородые воины которой изображаются съ книжалами на своихъ поясахъ и съ двуглавыми топорами въ рукахъ на скульптурныхъ работахъ Нильской долины. Но какъ бы мы ни преуменьшали своихъ познаній о гиттитахъ, многочисленные памятники ихъ былой дѣятельности, разбросанные на обширномъ пространствѣ, обнаруживаютъ тотъ успѣхъ, котораго они добились въ различныхъ областяхъ искусства. Они плавили серебро и производили работы изъ бронзы, они были искусными каменщиками и граверами на слоновой кости, и „самостоятельная система пиктографіи, которой они обладали, представляетъ собой ясный источникъ, изъ котораго могъ развиваться азіатскій букварь“. Въ Хамахской надписи начертанія слѣданы выпуклыми и идутъ параллельными поперечными линіями.

Строчки надписей и ихъ границы ясно отдѣляются при помощи выпуклыхъ перегородокъ, поставленныхъ нѣсколько въ сторонѣ и достигающихъ размѣрами до четырехъ дюймовъ. Промежутки между перегородками и самими начертаніями вынуты. „Надписи читаются справа налѣво и обратно, въ *boustrophedon*“ порядкѣ („*bous*“—„быкъ“, *stropho*—„поворачиваю“, т. е. въ такомъ порядкѣ, какъ поворачивается быкъ при пахотѣ плугомъ), какъ писали обыкновенно древніе греки.

Возвращаясь къ Криту, мы должны рассмотреть отношеніе его къ микенскому типу цивилизаціи къ до-гомеровской Греціи и Эгейскому Морю и перейти затѣмъ къ Хиссарлику, древней Троѣ.

Имѣя дѣло, въ предѣлахъ нашей работы лишь со слѣдами надписей на остаткахъ, полученныхъ при раскопкѣ самихъ Микенъ, мы должны прежде всего отмѣтить самое раннее изъ пріобрѣтеній, — каменный пестикъ съ вырѣзаннымъ на немъ начертаніемъ, похожимъ на одинъ кипрскій знакъ. Но одинъ знакъ

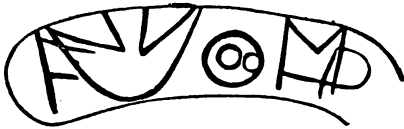

Рис. 61. Знаки на ручкѣ вазы (Микены).

Рис. 62. Знаки на ручкѣ амфоры (Микены).

не дѣлаетъ еще алфавита, и поэтому понятно то удовлетвореніе, которое испытали ученые, когда имъ удалось открыть ручку отъ каменной вазы, явно сдѣланной изъ мѣстнаго матерьяла, на которой выгравировано четыре или пять знаковъ, и ручку отъ глиняной амфоры въ комнату похожей на могилу изъ нижней, городской части Микенъ съ тремя начертаніями, въ то время какъ могила при Прузии, вблизи Наупли, доставила подлинный микенскій сосудъ съ тремя ушками, на каждомъ изъ которыхъ выгравированъ знакъ, очень похожій на греческую букву Н. Быть можетъ, этого недостаточно для того, чтобы доказать существованіе до-финикійской системы письма въ Греціи, но въ связи съ многочисленными открытіями письменныхъ знаковъ на Критѣ, они могутъ служить большой поддержкой. Какіе же провѣренные факты, имѣемъ мы до настоящаго времени?

На Критѣ было открыто нѣкоторое количество предметовъ, носящихъ на себѣ два рода письменъ: одни іероглифическіе или пиктографическіе, другіе—линейные и приближающіеся къ алфавиту. Пиктографическое письмо является

болѣе старымъ и датируется эпохой за 2000 слишкомъ до Р. Хр. Оно, вѣроятно, произошло отъ первобытнаго образнаго письма, находившагося въ употребленіи у не-эллиническихъ обитателей острова, которые были названы „этеокритянами“ или „настоящими критянами“ дорійцами, нашествіе которыхъ, по хронологіи греческихъ преданій, имѣло мѣсто около половины XII ст. до Р. Хр. Эти „истинные критяне“, вѣроятно, не были аборигенами, хотя относительно этого факта и ихъ языка мы ничего не знаемъ. Новѣйшее открытіе надписи на неизвѣстномъ языкѣ, начертанной архаическими греческими буквами, между развалинами Презоса, главнаго этеокритскаго поселенія, показываетъ, что древнія письма этого языка были оставлены ради греческаго алфавита. Ясное дѣло, что эти письма, употребленіе которыхъ никогда не выходило за предѣлы острова, не могли имѣть рѣшительно никакого вліянія на микенскую цивилизацію.

Линейная система является силлабической, а, быть можетъ, до нѣкоторой степени и алфавитной. Уже было указано на возможное ея происхожденіе отъ іероглифическаго письма, но хотя она и представляетъ изъ себя лишь условную форму пиктографа, но д-ръ Тсаунтасъ положительно отрицаетъ ея связь съ этеокритскими письмами. Онъ предполагаетъ, что упрощеніе, замѣчаемое въ этихъ письменахъ, произошло на востокѣ и среди народа или народовъ, не греческаго происхожденія. Отсюда оно было занесено въ Грецію и получило болѣе распространеніе на островахъ, по крайней мѣрѣ, на Критѣ, чѣмъ въ Пелопонесѣ или другихъ частяхъ материка, гдѣ, какъ показано выше, число предметовъ съ надписями крайне рѣдко. Вопросъ этотъ еще далеко не созрѣлъ, но вотъ что писалъ по этому поводу проф. Петри въ 1899 г. „Еще за 5000 лѣтъ до Р. Хр. по всему побережью Средиземнаго моря въ употребленіи находилось большое количество письменныхъ знаковъ. Они изобрѣтены были въ Египтѣ въ эту эпоху и расщепились на два перекрещивающихся потока, — восточный и западный, — іероглифическихъ знаковъ въ Египтѣ и среди гититовъ. Линейныя же системы развивались различно и на долгое время въ различныхъ странахъ удержались для всеобщаго употребленія. Впервые онѣ были систематизированы въ видѣ численныхъ величинъ, каковое значеніе имъ придано было финикийскими торговцами, которые занесли ихъ въ Грецію, при чемъ греческіе знаки были ограничены въ употребленіи въ качествѣ алфавитныхъ элементовъ. Но болѣе полная форма таковой системы сохранилась въ Каріи при 36 знакахъ и въ Иберіи на 7 знаковъ болѣе, т. е. съ 43 знаками. Эта связь иберійской системы съ карійской — поразительна; такимъ образомъ связь египетской системы устанавливается скорѣе съ Западомъ, чѣмъ съ Востокомъ. Знаки, найденные въ Египтѣ, въ 13 случаяхъ сходны съ древне-арабскими, въ 15 случаяхъ общи съ финикийскими и въ 33 случаяхъ — общи съ карійскими и кельто-иберійскими. Это соображеніе ставитъ египетскую систему знаковъ двѣнадцатой и восемнадцатой династій въ тѣсную связь съ другими системами побережья Средиземнаго моря“. Въ другомъ своемъ произведеніи Петри замѣчаетъ: „По вопросу о томъ, откуда происходятъ алфавиты, мы стоимъ теперь въ совершенно новомъ положеніи, и видимъ, что эти источники должны быть приблизительно въ три раза старше, чѣмъ это предполагалось раньше. Трудно допустить, чтобы эти знаки употреблялись для письменныхъ сношеній, или въ качествѣ алфавита уже на раннихъ стадіяхъ своего развитія. Это было просто собраніе знаковъ, общее значеніе которыхъ являлось болѣе или менѣе распространеннымъ; и присвоеніе каждому знаку значенія отдѣльной буквы, и употребленіе этихъ знаковъ исключительно для звуковъ, изъ которыхъ строятся слова — явленіе позднѣйшаго происхожденія, вышедшее изъ процессовъ систематизаціи, столь необходимой для финикийской торговли“.

ислѣдованіями въ Пелопоннесѣ, мы можемъ, повидимому, считать доказанной наличность нѣкоей до-финикійской цивилизаціи, подходящій центръ которой можно видѣть въ Микенахъ.

Эта цивилизація, поскольку возможно прослѣдить ея связь съ доисторическими состояніями человѣческаго развитія, совпадаетъ, какъ и повсюду въ этомъ обширномъ, древнемъ мірѣ, съ доктриной о непрерывности развитія, а съ точки зрѣнія хронологической должна быть отнесена, ко времени по крайней мѣрѣ за 3000 лѣтъ до Р. Хр. Микенскіе сосуды были находимы въ Египтѣ, а египетскіе жуки-амулеты встрѣчались въ микенскихъ отложеніяхъ. Эти данныя свидѣтельствуютъ о тѣсныхъ сношеніяхъ между этими двумя странами еще двѣ съ половиной тысячи лѣтъ до Р. Хр. и сношенія эти со временемъ все больше и больше развивались. Подражанія вавилонскимъ цилиндрамъ, скульптурныя пальмы и львы, изображенія Астарты и ея голубей показываютъ, что за полторы тысячи лѣтъ до предполагаемой эпохи гомеровыхъ поэмъ Ассирія и Греція находились въ постоянномъ сопрякосновеніи. Но образцы восточнаго искусства, которые пробіли себѣ путь въ почву Арголиса, оставались болѣе или менѣе экзотичными и независимыя черты микенскаго искусства остались неизмѣненными. Общій выводъ, который мы можемъ сдѣлать изъ всѣхъ этихъ фактовъ, совершенно разбиваетъ современныя ходячія теоріи вообще о финикійскомъ происхожденіи европейской цивилизаціи и, въ частности о финикійскомъ (черезъ іероглифическое письмо Египта) происхожденіи европейскихъ алфавитовъ. Въ самомъ дѣлѣ, они ясно показываютъ, что микенская цивилизація: 1) является болѣе ранней по возрасту и 2) рѣзко отличается туземными чертами.

1) Доказательства относительно первенства по времени въ существенныхъ своихъ чертахъ сводятся къ слѣдующему. Цивилизація на островахъ Эгейскаго моря и на Греческомъ материкѣ опредѣляется эпохой за 3000 лѣтъ до Р. Хр. и достигла наивысшаго своего развитія между XVII и XII столѣтіями этой эры.

Почти все, что намъ извѣстно о финикіянахъ, пришло къ намъ изъ вторыхъ рукъ, такъ какъ, если у нихъ и была когда-нибудь своя литература и мѣстныя хроники, то онѣ не сохранились до нашего времени. Сопоставляя классическія преданія и данныя изъ египетскихъ и еврейскихъ сообщеній, мы находимъ, что черезъ какихъ-нибудь три столѣтія послѣ 1600 года Финикія находилась въ зависимости отъ фараоновъ. Такъ, въ Мемфисѣ въ 1250 году до Р. Хр. мы находимъ Тирскій кварталъ. Въ 1028 г. Хирамъ, повидимому, возстановилъ Тиръ, и съ этого времени начинается его торговое значеніе; возобновленіе же Кароагена, его будущаго великаго соперника относится къ первымъ годамъ восьмого столѣтія до Р. Хр. Паденіе микенской цивилизаціи, которое явилось послѣдствіемъ дорійскаго нашествія въ XII ст. до Р. Хр., обезпечило финикіянамъ ихъ успѣхъ. Они обрушились на Эгейское море и оставались въ Средиземномъ морѣ главной силой до тѣхъ поръ, пока греки, оживляя свои древнія традиціи, не изгнали финикіянъ изъ своихъ водъ и не сломили ихъ главенства послѣ того, какъ Тиръ былъ разграбленъ Александромъ Великимъ въ 332 г. до Р. Хр. Въ періодъ между возникновеніемъ и паденіемъ ихъ могущества, благодаря своему торговому преобладанію, они навязали грекамъ свой алфавитъ, который сдѣлался хранителемъ интеллектуальной мощи эллиновъ и всей литературы послѣдующихъ временъ. Теперь мы и разсмотримъ, каковы же были вѣроятные источники этого алфавита.

2) Если мы допустимъ даже всевозможные виды вліянія со стороны Азіи и Египта, то во всякомъ случаѣ передъ нами остается фактъ хорошо развитого туземнаго микенскаго искусства. Украшеніе горшка не носитъ на себѣ ни восточнаго, ни египетскаго характера; морскія водоросли и морскія животныя, изображенныя здѣсь,—домашніе продукты островнаго міра Греціи; и тамъ, гдѣ появляются священныя деревья и пиляры, тамъ мы уже имѣемъ дѣло не съ семитическими элементами, но побѣгами, какъ замѣчаетъ Евансъ, „той ступени“

религіознаго развитія, которая широко представлена на первобытной европейской почвѣ и нигдѣ не удерживалась съ такимъ упорствомъ, какъ на Западѣ“.

Но если тутъ между Арголидой и Сиріей были лишь каменные ступеньки въ островахъ, которыя лежатъ между ними, то Микены, являясь связью между Востокомъ и Западомъ, представляли сплошной проходъ на западную сторону... Населенная Европа пошла, подобно Азіи и Америкѣ по своему собственному пути развитія, которое, однако, не было совершенно лишено всякихъ связей съ Востокомъ. Поразительные факты употребленія общихъ торговыхъ знаковъ на обоихъ берегахъ Средиземнаго моря, и столь же поразительные факты, какъ находки остатковъ микенскаго искусства въ Сардиніи, на ряду съ другими фактами, показываютъ, насколько тѣснымъ было соприкосновеніе между одной и другою частью Европы за цѣлыя столѣтія до той эпохи, когда финикійяне оставили берега Персидскаго залива ради Сирійскаго побережья. Эти факты подготовляютъ насъ къ воспріятію новой теоріи объ „эгейской культурѣ“, возникшей въ туманѣ огромной области, простиравшейся отъ Швейцаріи и Сѣверной Италиі черезъ бассейны Дуная и Балканскій полуостровъ и продолжавшейся черезъ большую часть Анатолиі до Кипра“ (Евансъ). Эти факты подготовляютъ насъ къ признанію того обстоятельства, что если въ эпоху бронзоваго вѣка Скандинавскій полуостровъ и сосѣднія съ нимъ страны были источникомъ полученія янтаря, то запасы золота для Сѣверной и Центральной Европы получались не съ Урала, а изъ Ирландіи.

Центръ, откуда „Эгейская“ культура получила свое распространеніе, намѣчается самымъ названіемъ ея. Однако это имя покрываетъ всю область восточной части Средиземнаго моря, и возникаетъ поэтому вопросъ, нельзя ли точнѣе опредѣлить то мѣсто въ этой обширной области, которое служило колыбелью названной культуры. „Эллада“,—говоритъ Геродотъ,—„первоначально называлась Пеласгикомъ“ и эта до-эллинская Греція была населена варварами или пеласгами, какъ назывались, съ одинаковой неопредѣленностью, эти жители. Были пеласги на материкѣ и на островахъ; весь Пелопонессъ получилъ названіе Пеласгіи; цари Тириня были пеласгами, и Эсхиль называетъ Аргосъ пеласгическимъ городомъ; Паузаній упоминаетъ о томъ, что аркадіяне считаютъ Пелазга первымъ человѣкомъ, который жилъ въ этой странѣ; старая стѣна у Аѳинъ приписывалась работѣ пеласговъ, и народъ Аттики назывался такъ съ незапамятныхъ временъ. Лесбосъ носилъ также имя Пеласгіи и Гомеръ слышалъ о пеласагахъ въ Троадѣ. Поселенія ихъ далѣе были прослѣжены до Родоса, Кипра, Эпира и, наконецъ, до различныхъ частей Италиі (Кинъ). Геродотъ могъ мало что сказать въ пользу варваровъ; онъ описываетъ ихъ, какъ грубый народъ, обладающій неповоротливой рѣчью и выставляетъ ихъ поклонниками отталкивающихъ божествъ. Вакмутъ въ своей работѣ, опубликованной около 60 лѣтъ тому назадъ, говоритъ: „многочисленные преданія, несомнѣнной достовѣрности, описываютъ ихъ, какъ храбрый, нравственный и достойный уваженія народъ“. Проф. Кинъ справедливо называетъ эту характеристику „замѣчательной“, такъ какъ она нашла свое оправданіе и въ новѣйшихъ открытіяхъ относительно до-исторической Греціи, доказавшихъ, что развитіемъ культуры въ Эгейскомъ морѣ мы обязаны пеласгамъ. Но на какомъ изъ острововъ или въ какой части материка развивалась эта культура? Важное значеніе, которое имѣютъ находки при Микенахъ, съ самаго начала сюда направляютъ вниманіе изслѣдователя. Остатки этого города и его старшей сестры-города, Тириня, доставили различные образчики древней культуры отъ скелетовъ съ золотыми масками, погребенныхъ въ сводчатыхъ могилахъ, до роскошно украшенныхъ дворцовъ и циклопическихъ развалинъ стѣнъ и крѣпостей. Но нѣкоторыя преданія утверждаютъ, что эти арголическіе города относятся къ болѣе поздней эпохѣ, чѣмъ „великій городъ Кноссовъ“ на Критѣ, упоминаемый Гомеромъ, гдѣ „Миносъ, когда еще 9 лѣтнимъ мальчикомъ началъ свое царствованіе, велъ бесѣду съ великимъ Зевсомъ“. Такимъ образомъ эти преданія

указываютъ на существованіе важнаго критскаго царства, которое достигло процвѣтанія еще раньше того времени, когда въ Микенахъ царствовали Агамемнонь.

Вода является мѣстомъ рожденія цивилизацій, какъ и самой жизни, и первоначальное мѣсто зарожденія Эгейской или Микенской цивилизацій, должно быть, находилось на островѣ Критѣ. Это мнѣніе подтверждается огромнымъ количествомъ остатковъ до-эллинской культуры. Этотъ островъ, дѣйствительно, представляетъ изъ себя огромную каменную ступень на пути изъ Греціи въ Малую Азію. Ояъ находился какъ разъ на линіи сообщенія съ Кипромъ, Сиріей и Египтомъ, если взять восточныя страны, и съ Сициліей и западными берегами Средиземнаго моря, если брать западныя. Древнѣшнія греческія преданія обращены къ Криту „какъ мѣстонахожденію боговдохновеннаго законодательства и перваго центра морского владычества“. Но что особенно важно, такъ это то, что по вопросу о происхожденіи мореплаванія въ Эгейскихъ водахъ, не можетъ быть теперь и спора о томъ, кому въ этомъ отношеніи должна быть отдана палма первенства: финикіянамъ или критянамъ. Сирийское морское побережье лишено удобныхъ гаваней и остается незащищеннымъ; люди, которые впервые отважились пуститься по морскимъ волнамъ, должны были быть островитянами, которые мало по малу отъ безопасныхъ переѣздовъ между хорошо укрытыми гаванями перешли къ смѣлымъ морскимъ экспедиціямъ и, становясь все смѣлѣе и смѣлѣе, направляли свой бѣгъ по звѣздамъ и лунѣ. „Раннее развитіе морской торговли дало жителямъ островнаго міра Эгейскаго моря возможность опередить своихъ сосѣдей и вызвало къ жизни высшія формы культуры, которой было предоставлено судьбой оказать воздѣйствіе на культуру огромнаго европейскаго пояса, а, быть можетъ, даже на болѣе древнія цивилизаціи Египта и Азіи“ (Евансъ). И, въ самомъ дѣлѣ, по Эгейскому морю культура эта распространялась путемъ экспедицій на Востокъ. Въ то время, какъ Кипръ доставлялъ тотъ металл, которому онъ далъ свое имя, золото Малой Азіи текло къ до-эллинскимъ обитателямъ острововъ и отливалось здѣсь въ формы такой красоты, которыя по своему артистическому выполненію могли соперничать съ работами Востока. Въ своихъ разсужденіяхъ объ источникѣ микенской цивилизаціи Фразеръ удачно замѣчаетъ, что „существованіе въ эту отдаленную эпоху великаго морскаго государства на Критѣ, который, благодаря своему центральному положенію между Греціей и имперіями Востока, былъ чрезвычайно приспособленъ къ воспріятію и претворенію характерныхъ особенностей обѣихъ сторонъ, какъ разъ необходимо для того, чтобы объяснить себѣ возникновеніе и широкое распространеніе типа такой цивилизаціи, какъ микенская, въ которой восточныя вліянія были ассимилированы и переработаны могучей и независимой національностью, одаренной острымъ чувствомъ своего я по отношенію къ искусству. Лопата, вѣроятно, рѣшить въ одинъ прекрасный день этотъ споръ о приоритетѣ между Арголоидой и Критомъ, но пока все говоритъ за то, что микенская цивилизація возникла на Критѣ и распространилась отсюда, какъ изъ центра и что блестящіе дни Тирены и Микенъ начались еще до того времени, когда критское государство начало приходить въ упадокъ“.

Микенская цивилизація погибла въ великой катастрофѣ. Около половины XII столѣтія до Р. Хр. дорійскіе завоеватели въ своемъ походѣ на югъ достигли до стѣнъ Тирены и Микенъ, разграбили ихъ и сожгли. Тогда начались для Греціи долгіе и темные годы, эпоха средневѣковья, изъ которой они вышли во времена гомеровскаго возрожденія“. Цвѣтъ населенія, пережившаго это страшное время нашеть себѣ новое пристанище на востокъ отъ Эгеи на островахъ и берегахъ Іоніи. Здѣсь эти изгнанники изъ Арголіды заложили основаніе культуры, вліяніе которой чувствуется во весь періодъ застоя, ибо Іонія остается отечествомъ всѣхъ, кто цѣнитъ то, чего достигъ человѣкъ въ искусствѣ и литературѣ, въ наукѣ и философій.

Паденіе Микенъ было на руку Финикій; она быстро воспользовалась этими обстоятельствами, устроила свои склады по островамъ всего Эгейскаго моря и

захватила господство надъ всѣмъ Средиземнымъ моремъ. Но, благодаря отсутствію политическаго единства и зависимости отъ корыстолюбивыхъ цѣлей, она пала въ періодъ смятенія подъ ударомъ могущественнаго оружія снова воспрянувшей Греціи. Въ періодъ между возникновеніемъ и паденіемъ финикіане переработали алфавитъ въ его современную форму и обезпечили усвоеніе его греками. Но если ихъ алфавитъ не является производнымъ отъ египетскаго іероглифическаго письма, то откуда онъ могъ произойти?

Никакого опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ пока не намѣчается, и, быть можетъ, такого отвѣта никогда и не будетъ получено. И не одинъ Раулинсонъ думаетъ, что едва ли когда-нибудь будетъ твердо установлено, являются ли финикійскія начертанія видовымъ измѣненіемъ египетскаго, или гититскаго или кипрскаго алфавита, или же они представляютъ изъ себя просто сокращенное образное письмо финикіанъ. Мнѣніе это было высказано до открытія критскихъ пиктографовъ и линейныхъ знаковъ, но и эти послѣдніе не поставили вопроса на болѣе прочную почву. Финикіане подверглись различнымъ влияніямъ и, благодаря своему гибкому характеру, легко поддавались давленію со стороны окружающихъ обстоятельствъ. Вѣроятно, за ними имѣется длинная исторія прежде, до ихъ появленія въ Сиріи. Въ качествѣ семитовъ они еще до того времени были хорошо знакомы съ клинописью. Съ другой стороны Тирскій кварталъ въ Мемфисѣ былъ одинъ изъ многихъ финикійскихъ поселеній, гдѣ египетскія начертанія были въ употребленіи или гдѣ, по крайней мѣрѣ, съ ними были хорошо знакомы. И, когда, наконецъ, финикіане пришли на острова Эгейскаго моря, они нашли здѣсь старинное письмо, при помощи котораго облегчались сношенія съ жителями Средиземнаго моря и которымъ этотъ столь гибкій народъ, такъ преданный торговымъ интересамъ, быстро воспользовался для себя. Въ силу всѣхъ этихъ соображеній Евансъ приходитъ къ заключенію, что нелишнимъ будетъ остановиться надъ вопросомъ о томъ, „не могли ли перейти зачатки финикійскаго письма хотя бы отчасти отъ жителей Эгейскаго моря. Чѣмъ больше доходитъ до нея остатковъ миценской культуры, тѣмъ больше мы видимъ, насколько эгейское населеніе въ искусствѣ и цивилизаціи шло впереди своихъ сосѣдей на ханаанскихъ берегахъ. Напротивъ былъ ли введенъ въ эгейскую культуру семитическій элементъ,—остается неизвѣстнымъ, а если бы это удалось доказать, то тогда легко бы нашло свое объясненіе и сходство между соответственными письменами. Припоминая все сказанное, не трудно догадаться, что финикійскій алфавитъ сложился изъ различныхъ источниковъ, такъ какъ отборъ и измѣненіе различныхъ начертаній опредѣлялось удобствомъ ихъ, и прежде всего удобствомъ въ торговомъ отношеніи. Какъ и всякій дѣловой народъ они были завалены всякаго рода сдѣлками, а потому ихъ методъ была краткость и они всѣми силами стремились, насколько только было возможно, приблизиться къ «скорописи». Они освободили себя отъ лишнихъ знаковъ, отбросили весь хламъ опредѣлительныхъ значковъ и т. д., и изобрѣли алфавитъ, который, если и не былъ совершеннымъ, то обладалъ такой выдающейся цѣнностью, что былъ принятъ цивилизованнымъ міромъ прошлаго и обезпечилъ себя,—при наличности слабыхъ измѣненій, — такую устойчивость, какую не обладало еще ни одно изобрѣтеніе человѣческой расы. Поэтому наша благодарность по отношенію къ этимъ древнимъ торговцамъ несколько не уменьшается подъ влияніемъ того, что ходячая теорія о происхожденіи нашего алфавита подвергается сомнѣнію.

ГЛАВА X.

Греческіе папирусы.

Прогнавъ финикіанъ изъ Эгейскаго моря, греки настѣдовали ихъ морское могущество. Они были искусными строителями кораблей и мореплавателями, и ихъ морская предпримчивость, въ которой, какъ было показано, они превосхо-

дили финикянъ, вступила съ VIII ст. до Р. Хр. въ новыя условія жизни. Ихъ факторіи и колоніи были разбросаны съ востока на западъ, отъ Одессы до Марсели, гдѣ мы находимъ ихъ крѣпко осѣвшими уже въ 600 г. до Р. Хр. Помощь, оказанная іонійцами и карійцами, первому царю 26-й династіи (въ 666 г. до Р. Хр.) въ его войнѣ съ ассирійцами, была вознаграждена согласіемъ на образованіе постоянного греческаго поселенія въ Египтѣ и уже въ царствованіе сына Псамметиха, Нехо II, города Саясъ и Наукратисъ были наполнены греческими колонистами, торговой и интеллектуальной дѣятельности которыхъ Египетъ былъ, главнымъ образомъ, обязанъ своимъ блестящимъ состояніемъ. Эта точка опоры, которую они здѣсь приобрѣли, пригодилась, когда три столѣтія спустя, Александръ Великій отмѣтилъ свое завоеваніе основаніемъ города, который носить его имя. Всѣ эти факты необходимо отчетливо имѣть въ памяти, потому что при всей той благодарности, которую цивилизованный міръ проявляетъ по отношенію къ Греціи, часто забывается, что мы обязаны ей не только въ интеллектуальномъ, но и въ социальномъ, и въ промышленномъ отношеніяхъ. И эти факты,—въ области нашей настоящей темы,—объясняютъ намъ распространеніе греческаго алфавита, или вѣрнѣе сказать, его западной или халциданской формы, откуда произошелъ латинскій алфавитъ, а черезъ него алфавиты Европы и Америки.

Палеографія или дешифрированіе документовъ, и эпиграфія, или дешифрированіе надписей, были тѣми ключами, которые необходимы для раскрытія исторіи алфавита. О каждой изъ этихъ наукъ можно было бы написать цѣлые томы, но здѣсь мы можемъ касаться ихъ лишь постольку, поскольку они непосредственно относятся къ развитію и распространенію алфавитовъ. Но нѣкоторые изъ нихъ,—какъ «Папирусъ Присса» или «Книга мертваго»,—возбуждаютъ глубокой интересъ. Они являются, употребляя современное выраженіе въ лучшемъ ея смыслѣ, дѣйствительно, „человѣческими документами“. Таковы и нѣкоторые греческіе папирусы; древнѣйшіе изъ этихъ извѣстныхъ намъ папирусовъ были найдены въ Египтѣ и относятся къ тысячелѣтію между третьимъ вѣкомъ до Р. Хр. и седьмымъ вѣкомъ послѣ Р. Хр. Такимъ образомъ, говоря словами Кенбона, „мы можемъ смѣло сказать, что мы знаемъ, какъ люди писали въ дни Аристотеля и Менандра, но мы не можемъ спуститься въ этомъ отношеніи до Пиндара и Эсхила и еще менѣе до Гомера или Гезіода“. Папирусъ въ качествѣ писчего матерьяла заимствованъ изъ Египта еще въ глубокой древности; но мы не можемъ быть увѣрены, что греки употребляли папирусъ уже въ первую половину V ст. до Р. Хр., и въ то же время „практикѣ греческаго письма на папирусѣ былъ нанесенъ смертельный ударъ вмѣстѣ съ завоеваніемъ арабами Египта (640 по Р. Хр.)“. Большая часть документовъ, до сихъ поръ открытыхъ, не имѣютъ литературнаго значенія, и представляютъ изъ себя различные официальные и коммерческіе матерьялы. Между ними, впрочемъ, находится нѣсколько интересныхъ частныхъ писемъ.

Первое открытіе греческаго папируса было сдѣлано при Геркуланумѣ въ 1752 г. Эта находка представляетъ изъ себя приблизительно 1800 обугленныхъ свитковъ, заключенныхъ въ деревянной рабочей комнатѣ, и несомнѣнно составлявшихъ часть бібліотеки Луція Пизона Цезонія, въ развалинахъ виллы котораго они и были найдены. Состояніе, въ которомъ находились эти папирусы, сдѣлало процессъ ихъ развертыванія и дешифрованья очень докучливой операціей и работа эта не закончена и до настоящаго времени. „Они написаны малыми унциалами и обладаютъ,—если не считать палеографіи,—малымъ значеніемъ, такъ какъ заключаютъ неважные трактаты по физикѣ, музыкѣ, риторикѣ и тому подобнымъ вопросамъ, составленные Филодемомъ и другими третьестепенными философами Эпикурейской школы“. Четверть столѣтія спустя было найдено нѣсколько свитковъ папирусовъ въ Египтѣ, вѣроятно, въ Файумѣ. Изъ нихъ только одинъ, заключающій списокъ крестьянъ, употребляемыхъ на барщинѣ, не былъ уничто-

жеяъ туземцами, но лишь въ 1820 г. открытіе нѣкотораго числа свитковъ на сторонѣ Серапеума у Мемфиса, дало ключъ къ греческимъ письменамъ второго столѣтія до Р. Хр. Съ тѣхъ поръ,—черезъ неравные промежутки времени,—найденные папирусы увеличались и въ числѣ, и по своему значенію. Самые ранніе изъ извѣстныхъ намъ папирусовъ могутъ быть отнесены къ III ст. до Р. Х.; они были найдены проф. Петри въ 1889 г. при Гуробѣ. Между всѣми имѣющимися въ настоящее время папирусами, наиболѣе цѣнными являются тѣ, которые даютъ отрывки изъ произведеній Платона и Аристотеля.

Распространеніе «финикійскаго» алфавита.

Теперь мы дадимъ краткій очеркъ исторіи финикійскаго алфавита, какъ мы можемъ для удобства еще называть его, и съ этой цѣлью приведемъ нижеслѣдующую таблицу, заимствованную изъ работы Кэнона Исаака Тайлора.

Различные алфавиты раздѣлены здѣсь на три основныя группы: (а) арамейскую, отъ которой произошла большая часть алфавитовъ Западной Азіи; (b) сабейскую, обнимающую алфавиты Индіи, и (с) эллинскую, охватывающую алфавиты Европы.

Ф и н и к і й с к і й.		С а б е й с к і й.		И н д і й с к і й.		Д р е в н о н д і й с к і й.		Н а г а р и. П а л и.		А р а м е й с к і й.		Е в р е й с к і й. С и р і й с к і й. М о н г о ль с к і й. А р а б с к і й. П е л е в и. А р м я н с к і й. Г р у з и н с к і й.		
													Е г и п т с к і й.	А м х а р і й с к і й.
													Э л л и н с к і й.	Г р е ч е с к і й. Л а т и н с к і й. Р у с с к і й. К о п т с к і й.

(а) Арамейскій алфавитъ получилъ свое названіе отъ „Арама“, холмистой мѣстности Месопотаміи; онъ произошелъ въ седьмомъ столѣтіи до Р. Х. отъ коммерческихъ письменъ Азіи, такъ какъ Арама лежитъ на торговомъ пути между Египтомъ и Вавилономъ. Позднѣ этимъ алфавитомъ пользовались для официальныхъ цѣлей при Вавилонскомъ дворѣ, а „въ концѣ концовъ онъ раз-

бился на цѣлый рядъ самостоятельныхъ національныхъ алфавитовъ, отдѣльное существованіе которыхъ было обезпечено въ силу религіозныхъ причинъ. Послѣдующіе алфавиты,—парсійскій, еврейскій, сирійскій, монгольскій и арабскій,—были первоначально мѣстными вариантами арамейскаго. Благодаря чисто случайнымъ обстоятельствамъ они сдѣлались священными письменами пяти великихъ вѣроученій Азіи—зороастризма, юдаизма, христіанства, сѣвернаго буддизма и ислама. Вотъ почему алфавиты, происходящіе отъ арамейскаго алфавита, по пространству, занимаемому на картѣ, уступаютъ только латинскому алфавиту“ (Тайлоръ). Они таковы (въ томъ порядкѣ, какъ указаны въ таблицѣ): 1) еврейскій, современными четырехугольными начертаніями котораго написаны копии Священнаго Писанія; 2) сирійскій, который когда-то игралъ важную роль въ христіанской литературѣ, а теперь употребляется лишь нѣкоторыми темными сектами; 3) монгольскій происходитъ отъ сирійскаго и былъ занесенъ проповѣдниками несторіанства въ глубь Азіи. Осужденные Ефесскимъ соборомъ въ 431 по Р. Х. за нѣкоторыя еретическія воззрѣнія относительно природы Христа, эти несторіанцы бѣжали въ Персію, а оттуда переместились дальше къ востоку, проповѣдая свое евангеліе съ такимъ успѣхомъ, что алфавитъ, на которомъ оно было написано, сдѣлался преобладающимъ письмомъ, пока оно не было вытѣснено арабами при распространеніи магометанства; 4) исторія арабскаго алфавита, который ближе къ сирійскому, чѣмъ какой-либо иной членъ арамейской группы, отражаетъ воинственный духъ пророка, священное писаніе котораго написано его прекрасными волнистыми начертаніями. Арабское письмо вытѣснило своего соперника—семитическое письмо, „изгнало греческій алфавитъ изъ Малой Азіи, Фракіи, Сирии и Египта и латинскій алфавитъ изъ Сѣверной Африки и теперь находится въ употребленіи въ странахъ, населенныхъ болѣе, чѣмъ ста милліонами человѣческихъ душъ“. Вся дѣловая переписка Востока ведется при помощи алфавита Корана, и такимъ образомъ, если во всемірной исторіи „торговый флагъ слѣдуетъ за военнымъ флагомъ“, то алфавитъ слѣдуетъ за религіей.

Такъ называемыя „арабскія“ цифры имѣютъ, повидимому, индійское происхожденіе, такъ какъ были занесены арабскими торговцами съ Востока и введены ими въ Испанію въ средніе вѣка, и отсюда уже распространились по всей Европѣ. Но изобрѣла ли ихъ Индія сама или заимствовала отъ греческихъ или иныхъ торговцевъ, остается неизвѣстнымъ. Счетъ при помощи пальцевъ, являющійся самымъ первобытнымъ способомъ счета, и запись для памяти при помощи черточекъ, представляющая наиболѣе распространенный методъ, имѣютъ свои предѣлы; отсюда возникаетъ потребность въ изобрѣтеніи письменныхъ знаковъ для высшихъ чиселъ; или приспособленіе буквъ алфавита, въ качествѣ числовыхъ знаковъ, со все увеличивающимся числовымъ значеніемъ при переходѣ къ каждой изъ послѣдующихъ буквъ; или употребленіе начальныхъ буквъ тѣхъ словъ,

1—1 IIIIII—9 11—10 IIIII—15 11—20

C—100 $\int$ —1000 7—10000

$\int \int \int \int$ C C
 $\Delta \Delta \Delta \Delta$ C C IIIIII — 4434

Y—1 <—10 Y—100 <Y—(10×100)=1000

IIII<I—VII—<<<IIII—4434

Ассирійская нумерація.

которыя сами выражаютъ число. Образчики специальныхъ символовъ для десятковъ, сотенъ и т. д. доставляются египетскими и ассирійскими памятниками, какъ показываетъ предлагаемая таблица.

Образчикомъ употребленія буквъ въ ихъ акростическомъ порядкѣ мы имѣемъ при нумераціи 119 и 145 псалмовъ, для чего употребляются буквы еврейскаго алфавита, и въ книгахъ Иліады, гдѣ примѣнены буквы греческаго алфавита. Алфавитъ этотъ можетъ служить прекрасной иллюстраціей для окрологическаго метода, такъ знакъ П=Πέντε (pente—пять) служитъ для обозначенія

5; Δ=Δέκα (deka—десять) для обозначенія 10; Χ=Xίλιοι (hilioi—тысяча) для тысячи; Π съ Δ (5×10) для обозначенія 50. Болѣе талантливый методъ былъ примѣненъ греками и евреями при раздѣленіи алфавита на три группы, изъ которыхъ первая представляетъ единицы, вторая—десятки, третья—сотни. Употребленіе „арабскихъ“ цифръ до XV ст. было ограничено языческими книгами и математическими формулами, но тѣ удобства, которыя онѣ представляли по сравненію съ римскими громоздкимъ численіемъ въ концѣ концовъ завоевали—имъ всеобщее признаніе. Тѣ стадіи видоизмѣненій, которыя были пройдены этими цифрами прежде, чѣмъ они достигли вышшняго своего вида, краснорѣчиво изображены Кэнономъ Тайлоромъ въ его докладѣ Академіи 28 января 1882 г., откуда нами и заимствована нижеслѣдующая таблица, но вопросъ о происхожденіи, по прежнему, остается невыясненнымъ.

5) Пелёви, 6) Армянскій и 5) Грузинскій алфавиты произошли отъ арамейской группы черезъ персидскій или иранскій. Пелёви имѣтъ мѣстный интересъ, такъ какъ на немъ написаны священныя книги зендской или парсидской религіи; но армянскій и грузинскій лишены всякаго значенія и могутъ только развѣ служить образчиками пережитковъ древне-персидскаго алфавита. Можно здѣсь еще упомянуть объ индо-бактрійскомъ алфавитѣ, какъ потомкѣ иранскаго алфавита, и въ особенности еще потому, что онъ является письменами знаменитыхъ,—начертанныхъ на скалѣ близъ Пешавара,—эдиктовъ Асоки, перваго царя, обратившагося въ буддійскую вѣру.

б) Сабейская (отъ Шеба) или Химиаритическая (отъ Химиаръ—героя Химиаритовъ) группа помѣщается между южными семитическими алфавитами. Древній алфавитъ Абиссиніи назывался зейопскимъ или амхарическимъ и произошелъ отъ этой группы. Его значеніе, а также значеніе алфавитовъ Индіи, число которыхъ охватываетъ болѣе половины всѣхъ алфавитовъ, нынѣ находящихся въ употребленіи, могло бы быть выяснено лишь въ детальномъ изложеніи, которое заняло бы мѣсто непропорціонально интересу, представляемому ими за предѣлами узкой группы специалистовъ.

с) Эллинская группа.—То, что греки восприняли финикійскій алфавитъ въ его распространеніи на западъ первыми, было для человечества истиннымъ счастьемъ. Въ то время, какъ различныя письма Азіи и Малайскаго Архипелага, которыя произошли отъ этого алфавита, удержали въ общемъ свой консонантальный характеръ (т. е. имѣли знаки лишь для согласныхъ звуковъ) и обозначали гласные звуки лишь отчасти при помощи указателей, греки, съ величайшимъ искусствомъ, довели его до совершенства, придавъ ему отдѣльные

АРАБСКІЯ ЦИФРЫ						БУКВЫ ИНДО-БАКТРИЙСКАГО АЛФАВИТА II и I ст. до Р. Хр.
ЕВРОПЕЙСКІЯ ЦИФРЫ		Греческія цифры	ИНДИЙСКІЯ ЦИФРЫ			
XV ст.	III ст.	Арабск.	Х ст.	V ст.	I ст.	
1	1	1	१	𑀓	—	
2	2	2	२	𑀔	=	
3	3	3	३	𑀕	=	
4	4	4	४	𑀖	𑀗	𑀗 = 𑀘
5	5	5	५	𑀙	𑀚	𑀚 = 𑀛
6	6	6	६	𑀜	𑀝	𑀝 = 𑀞
7	7	7	७	𑀟	𑀠	𑀠 = 𑀡
8	8	8	८	𑀢	𑀣	𑀣 = 𑀤
9	9	9	९	𑀥	𑀦	𑀦 = 𑀧
0	0	0	०	𑀨	𑀩	𑀩 = 𑀪

знаки для гласныхъ звуковъ и, такимъ образомъ, создали отдѣльный видимый звукъ для каждаго,—доступнаго уху,—звука человѣческаго голоса. Кромѣ того, излишнему количеству горловыхъ и шипящихъ звуковъ они придали новое употребленіе, упростили другія начертанія и, наконецъ, замѣнили семитической способъ письма справа налѣво письмомъ слѣва направо. Всѣ эти перемѣны, какъ въ греческомъ, такъ и производныхъ алфавитахъ, произошли почти незамѣтно, путемъ слабыхъ видоизмѣненій. Достигнувъ же извѣстной ступени совершенства въ примѣненіи печатнаго станка, алфавиты остановились въ своемъ развитіи.

Отъ Эллинской группы произошли слѣдующіе алфавиты: 1) греческій, 2) русскій, 3) коптскій, 4) латинскій.

1) Греческій.—Для древней Греціи слово Эллада не обозначало какой-либо опредѣленной страны, а указывало на всѣ земли, заселенныя Эллинами, будь то Смирна, Сиракузы, Афины или еще иное какое-либо мѣсто. Гористый характеръ Греціи объясняетъ ея дѣленіе на маленькія государства, изъ которыхъ многія не превышали своими размѣрами предѣловъ какого-либо изъ современныхъ городовъ. Это вполне согласовалось со взглядами Аристотеля на то, что государство должно занимать не больше того мѣста, на которомъ можетъ быть услышанъ голосъ оратора. Разграниченіе народовъ въ физическомъ отношеніи объясняетъ и ихъ политическую разъединенность, которая проходитъ красной нитью съ самаго начала исторіи страны до конца и послужила источникомъ для сорока мѣстныхъ алфавитовъ, порождавшихъ разноголосицу. Но федерація на время персидскаго нашествія, когда битвы при Маравонѣ и Саламинѣ углубили сознаніе объ общемъ отечествѣ, сопровождалась подъемомъ Афинъ и привела къ верховенству ихъ въ интеллектуальномъ отношеніи, что, въ свою очередь, опредѣлило побѣду и одного изъ алфавитовъ. Всѣ греческіе алфавиты разбиты на двѣ главныхъ группы: іоническую (въ которую входитъ и коринтскій алфавитъ) и халкиданскую. Ионическая, которая развилась въ знаменитой колоніи этого имени, сильнѣе отклонилась отъ финикійскаго алфавита, чѣмъ халкиданская. Этотъ іонійскій алфавитъ былъ приспособленъ Афинами въ 483 г. до Р. Хр. и сдѣлался классическимъ алфавитомъ Греціи. Отъ него произошли славянскій, коптскій и другіе алфавиты, въ то время, какъ отъ халкиданскаго алфавита появились алфавиты Западной Европы.

2) Русскій.—О немъ у насъ будетъ отдѣльно рѣчь въ приложеніи.

3) Коптскій, или вѣрнѣе, коптское письмо Египта временъ римскаго владычества. Не смотря на прибытіе Цезаря Августа въ качествѣ префекта Египта, греческое вліяніе оставалось преобладающимъ, и туземцы-христіане, при перепискѣ коптской версіи Библии, пользовались греческимъ алфавитомъ, заимствовавъ около полу-дюжины древнихъ египетскихъ демотическихъ знаковъ для того, чтобы выразить звуки, которыхъ не доставало въ греческомъ языкѣ. Но и здѣсь, какъ во всѣхъ магометанскихъ странахъ, арабскій алфавитъ вытѣснилъ коптскій, который въ настоящее время употребляется лишь для богослужебныхъ цѣлей и мало понятенъ, — если только понятенъ, — самимъ священнослужителямъ, употребляющимъ его въ церкви.

4) Латинскій долженъ быть признанъ самымъ важнымъ изъ всѣхъ алфавитовъ. Какъ установлено выше, онъ происходитъ отъ халкиданскаго типа Эллинской группы алфавитовъ, названнаго такъ, благодаря тому, что онъ употреблялся въ Халкидѣ, на Евбеѣ, островѣ Эгейскаго моря, откуда одна изъ греческихъ колоній переселилась въ Южную Италію. Самое древнее италическое письмо, — копирующее болѣе древній методъ греческаго письма, — читалось справа налѣво; кромѣ того, несомнѣнно, одною изъ первыхъ заботъ колонистовъ было ввести въ употребленіе общіе знаки-звуки и числа. Вотъ тѣ два факта, которые позволяютъ намъ опредѣлять время введенія греческаго алфавита въ Италію и отнести это событіе приблизительно къ VIII-му столѣтію до Р. Хр. Различныя производныя письма, — умбрійское, этрусское и другія, — всѣ, за

исключеніемъ латинскаго, вышли изъ употребленія. Окончательная побѣда латинскаго алфавита принесла съ собою вытѣсненіе всѣхъ другихъ алфавитовъ, и латинскій алфавитъ сдѣлался алфавитомъ Римской Имперіи, а затѣмъ при помощи христіанства обезпечилъ себѣ вѣчное первенство повсюду. При помощи его греческая и римская культура была перенесена въ Западную Европу; онъ далѣе продолжалъ быть носителемъ культуры прогрессивныхъ расъ всего міра. Хотя по существу онъ является тождественнымъ съ греческимъ алфавитомъ, но тѣмъ не менѣе онъ выдвинулъ и свои собственные, хотя и очень несложныя, по сравненію съ славянскимъ алфавитомъ, особенности. Самый ранній индо-европейскій, или „арійскій“ языкъ, заключалъ, насколько объ этомъ позволяютъ судить соотвѣтствующія открытія, 12 согласныхъ и 3 гласныхъ (i, a, u); къ этимъ послѣднимъ латинскій алфавитъ прибавилъ еще двѣ: e и o. Затѣмъ онъ отбросилъ греческую k и пользовался с, какъ для звука k, такъ и для звука g, но позднѣе къ C внизу онъ придѣлалъ небольшую перегородочку, благодаря чему получила буква G. Подобнымъ же образомъ буква R является вариацией буквы P, къ которой ниже дуги былъ прибавленъ новый хвостикъ. И въ то время, какъ позднѣйшій греческій алфавитъ отбросилъ букву Q, латинскій удержалъ ее. Но для того, чтобы не умножать примѣровъ слишкомъ техническаго характера, достаточно будетъ привести нѣсколько образчиковъ вариаций между старыми и новыми латинскими и греческими формами.

Въ первое время римской имперіи употреблялись два сорта начертаній, — заглавныя и курсивныя. Заглавныя были четырехугольныя или простыя, т. е.

Клас. Лат.   Древн. лат.   Древ. греческ.   Клас. греч.

C	<	< /	Г
D	▷	▷ ▷	Δ
L	↳	↳ † † † †	Λ
P	Р	Р Р	Π
R	℞	℞ ℞	Ρ
S	ς	ς ζ Σ	Σ
X	X	X + Ξ	Ξ

Окончательныя латинскія и греческія формы по сравненію съ ихъ прототипами въ болѣе древнихъ алфавитахъ.

предметами нашей „стенографіи“. Отъ этихъ курсивныхъ начертаній произошли разнообразныя формы рукописнаго письма.

ГЛАВА XI.

Руны и огамы.

Руническій алфавитъ впервые появился у скандинавскаго населенія, которое, вѣроятно, приспособило его изъ какого-нибудь другого письма, такъ какъ здѣсь не нашлось и слѣдовъ никтографіи, отъ которой могъ бы прозойти руническій алфавитъ. Нѣкоторые изъ ученыхъ думаютъ, что онъ происходитъ отъ

„финикійскаго“ алфавита, другіе производятъ его отъ латинскаго. Кэнонъ Тайлоръ имѣетъ опредѣленную теорію о происхожденіи его, путемъ вырожденія, изъ греческаго алфавита; въ шестомъ столѣтіи до Р. Хр., — разсуждалъ онъ, — готы разсѣялись по странамъ, лежащимъ къ югу отъ Балтійскаго моря и къ востоку отъ Вислы и во время своихъ торговыхъ сношеній съ греческими колонистами сѣверныхъ береговъ Чернаго моря легко могли ознакомиться съ греческимъ алфавитомъ. Однако, вопросъ о его происхожденіи остается да, вѣроятно, и останется на шаткой почвѣ.

Острая, узловатая форма руническихъ буквъ указываетъ, что онѣ или вырѣзывались на деревѣ, или выбивались на камнѣ, или воспроизводились вообще на какомъ-нибудь твердомъ матеріалѣ, и этотъ характеръ ихъ сохраняется въ тѣхъ

Q A B P R C X P	N I S J V T S	↑ v p m r o d s z
<u>F U T H O R C G W</u>	<u>H N I Y L O P A S</u>	<u>T V E M L N g D O</u>

Руны-алфавитъ

немногихъ рукописяхъ, которыя были намъ даны. Первобытный готскій алфавитъ назывался по акрологическому принципу „futhorc“, такъ какъ первыя шесть

буквъ его были *f, u, th, o, r, c*. Онъ былъ раздѣленъ на три части, или „actis“, получившія свои названія по первымъ своимъ буквамъ.

Скандинавскіе, англійскіе и мѣнскіе руны представляютъ изъ себя мѣстныя варіаціи древнѣйшей формы. Руническія надписи, — на памятникахъ и на гробницахъ, — имѣютъ широкое распространеніе, хотя и въ строго опредѣленныхъ областяхъ. Онѣ были найдены въ долинѣ Дуная, но никогда не встрѣчались въ Германіи; ихъ можно найти въ Америкѣ, но до сихъ поръ ихъ въ разѣ не находили въ Ирландіи; онѣ были на островѣ Мэнѣ, но ихъ нѣтъ въ Уэльсѣ, — такимъ образомъ области ихъ распространенія тѣсно связаны съ направлениемъ скандинавскаго переселенія. Старѣйшій изъ руническихъ памятниковъ былъ найденъ у Сандвича въ Кентѣ; но особенно интересный образецъ этой письменности представляетъ хорошо извѣстный Рутуэльскій Крестъ въ Думфрирширѣ, на которомъ начертана поэма „Сонъ о святомъ распятіи“, приписываемая Кэдмону, пастуху-поэту седьмого вѣка. Раннія путешествія викинговъ въ Вайнеландъ, какъ они называютъ Америку, хорошо иллюстрируются рунической надписью на одной скалѣ у Потомака.

Старый руническій алфавитъ былъ вытѣсненъ латинскимъ при обращеніи народовъ Сѣверной Европы въ христіанство; но эта замѣна одного алфавита другимъ произошла не раньше готскаго епископа Ульфила; онъ весь нѣкоторый изъ своихъ начертаній въ сложное письмо, послужившее для подражанія его знаменитаго перевода Евангелія, прекрасную рукопись котораго, исполненную золотомъ и серебромъ на пурпуровой веленовой бумагѣ, стоитъ посмотреть каждому, кто посѣтитъ Упсальскій университетъ.

Любопытный огамическій алфавитъ, который можно отнести къ V столѣтію нашей эры и распространеніе котораго не выходило за предѣлы Британскихъ острововъ, производится нѣкоторыми учеными отъ руническаго, но, судя по его начертаніямъ, онъ является скорѣе выродившимся латинскимъ алфавитомъ. Слово „огам“, по мнѣнію проф. Риса, величайшаго авторитета въ данномъ вопросѣ, значить „искусное употребленіе словъ“. Буквы образованы прямыми или косыми чертами, изображенными сверху, снизу или прямо по параллельнымъ линіямъ или же линіямъ перпендикулярнымъ. Алфавитъ раздѣляется на четыре группы по пяти буквъ каждая. Кэнонъ Тайлоръ видитъ въ огамѣхъ приспособленіе руническаго письма къ нуждамъ гравера, „такъ какъ зарубки, сдѣланныя ножомъ на концѣ четырехугольной палки, должны были замѣнять обыкновенныя руны“. И онъ думаетъ, что происхожденіе огамовъ отъ руновъ доказывается тѣмъ фактомъ, что названія ихъ совпадаютъ съ названіями руническихъ буквъ соотвѣтственнаго значенія и что огамическіе знаки встрѣчаются исключительно въ мѣстахъ скан-

динавскихъ поселеній“. Проф. Рисъ смотритъ на огамы, какъ „на результатъ возможной работы грамотѣвъ, знакомыхъ съ римскимъ письмомъ, но слишкомъ гордыхъ, чтобы заимствовать его“. Большое число огамическихкихъ надписей встрѣчается въ Ирландіи; онѣ разсѣяны также по Шотландіи, Уэльсу и юго-западу Англій.

Можно было бы предполагать, что всякій обзоръ исторіи алфавита, какъ бы ни былъ свободенъ онъ отъ излишнихъ подробностей и какъ бы ни былъ онъ общедоступенъ по своему изложенію, долженъ дать абрисъ исторіи происхожденія и перемѣнъ каждой изъ буквъ, изъ которыхъ состоятъ тотъ или другой языкъ. Но, вѣроятно, на этихъ страницахъ съ достаточной убѣдительною показано, что та изъ данныхъ, на основаніи которыхъ могло бы быть оправдано составленіе подобной родословной таблицы алфавитовъ, нѣтъ и ее, вѣроятно, никогда не удастся получить. Самая правдоподобная теорія, которую могъ изобрѣсти умъ человѣка на основаніи фактовъ, повидимому, связанныхъ другъ съ другомъ, была формулирована де Руже, но мы видѣли, что эпиграфическій матеріалъ, найденный на островахъ Эгейскаго моря, дѣлаетъ эту, повидимому, хорошо обоснованную и послѣдовательную теорію уже неприемлемой.

Никто до сихъ поръ не сумѣлъ классифицировать 2050 алфавитовъ, которые появились со временъ до-историческаго человѣка въ видѣ грубо выцарапанныхъ пиктографовъ на поверхности скаль или на костяныхъ пластинкахъ. Изъ всего этого числа алфавитовъ, около 50 дожили до нашихъ дней; и изъ нихъ около половины встрѣчаются въ Индіи, но, каково бы ни было ихъ историческое значеніе, употребленіе ихъ имѣетъ мѣстный, ограниченный характеръ. Остальные въ главныхъ своихъ чертахъ представляютъ варіаціи трехъ системъ письма—римскаго, арабскаго и китайскаго,—и при самомъ осторожномъ взглядѣ на ходъ міровой исторіи нѣтъ ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что историческій прогрессъ связанъ съ латинскимъ алфавитомъ, который является носителемъ культуры наиболѣе передовыхъ расъ и что въ этомъ заключается его право на первенство и на расширеніе его царства.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Изъ исторіи нашей азбуки ¹⁾

(составилъ А. А. Николаевъ).

Мы видѣли, что дальнѣйшее развитіе эллинскаго алфавита дало два развѣтвленія: латинскую вѣтвь и русскую, или, вѣрнѣе сказать, славянскую. Однако далеко не всѣ славянскія племена приняли этотъ послѣдній алфавитъ. Мы видѣли опять-таки, какую огромную роль въ усвоеніи того или другого алфавита народомъ сыграло распространеніе той или другой религіи. То же мы наблюдаемъ и въ жизни славянскихъ народовъ. Латинскій алфавитъ среди славянъ привился тамъ, гдѣ привился католицизмъ. Такимъ образомъ, латинскій алфавитъ употребляется всѣми западными славянами, а изъ южныхъ славянъ—хорватами и словенцами. Остальные славяне пользуются, такъ называемымъ, славянскимъ алфавитомъ, или азбукой. Это самый молодой изъ всѣхъ извѣстныхъ нынѣ алфавитовъ, и къ исторіи его мы теперь и перейдемъ.

¹⁾ Главнѣйшимъ матеріаломъ для этой главы послужили обстоятельныя статьи въ словарѣ Ефрона и Брокгауза: Алфавитъ, Азбука, Кириллица, Глаголица, Гражданка, Палеографія, Правописаніе и друг. Но приходилось помимо этихъ главныхъ обращаться и къ другимъ второстепеннымъ источникамъ.

Когда возникла славянская азбука? — вот первый вопрос, на который приходится отвѣчать. Когда эта славянская азбука была перенесена на русскую почву? — будетъ слѣдующій вопросъ.

На первый изъ поставленныхъ нами вопросовъ имѣется въ наукѣ твердо установленный отвѣтъ: славянская азбука появилась у славянскихъ племенъ со времени распространения среди нихъ христіанства. Ей легко было пробить себѣ путь въ жизни, по крайней мѣрѣ, у южныхъ славянъ, въ виду того, что до распространения христіанства, славяне, повидимому, не были знакомы ни съ какой системой письма. Отдѣльныя извѣстія историковъ, монаха Храбра и греческаго императора Константина Порфиророднаго, а также отдѣльныя указанія нѣмецкаго лѣтописца XI вѣка Титмара и нѣкоторыхъ арабскихъ писателей X вѣка относительно того, что славяне еще до принятія христіанства обладали какими то письменными знаками, — не подтверждаются новѣйшими научными изслѣдованіями, и разнообразныя черты, нарѣзы и другія надписи у славянъ-язычниковъ были, вѣроятно, просто нарѣзами и черточками, не имѣющими какого-либо опредѣленнаго звукового значенія. Такимъ образомъ, славянская азбука является первымъ видомъ письменности, получившей сколько-нибудь широкое распространеніе и всеобщее признаніе среди большей части южныхъ славянскихъ племенъ.

Откуда же и какъ пошла славянская азбука? Какъ извѣстно, честь этого изобрѣтенія связана съ двумя великими историческими именами Кирилла (827 — 869 г.) и Меодія (+ 885), двухъ братьевъ, родившихся въ г. Солуни въ Македоніи въ богатой военной семьѣ. Особенно выдающейся талантливостью отличался младшій изъ нихъ, Кирилль, который получил блестящее образованіе при дворѣ греческаго императора Михаила III. Уже въ ранней юности онъ изучилъ античную литературу, философію, риторику, астрономію и музыку. Проникнутый духовнымъ энтузіазмомъ, онъ рано принялъ духовный санъ, сдѣлался священникомъ и бібліотекаремъ патріарха. За короткій періодъ служенія у патріарха, онъ быстро выдвинулся среди богослововъ того времени, и когда эмиръ милитенскій, мусульманинъ, пожелалъ ознакомиться съ началами христіанства, то для исполненія этой важной задачи былъ, между прочимъ, выбранъ Кирилль. Позднѣе на него и на его брата Меодія была возложена новая важная миссія, — проповѣдь христіанства среди хозаръ-язычниковъ. На пути къ хозарамъ Кирилль успѣлъ изучить еврейскій языкъ. Еще позднѣе оба брата были отправлены греческимъ императоромъ къ моравскимъ славянамъ, среди которыхъ проповѣдь христіанства велась западнымъ духовенствомъ съ его латинскимъ языкомъ. Когда Кирилль отправлялся въ Моравію, онъ, по словамъ „житія“, справился: „имѣютъ ли славяне азбуку: учить безъ азбуки и безъ книгъ все равно, что писать бесѣду на водѣ“... Отсюда видно, что уже, передъ отъѣздомъ въ Моравію, оба брата имѣли ясное представленіе о томъ значеніи, которое должна сыграть собственная славянская письменность въ дѣлѣ ихъ проповѣди христіанства. Но даже болѣе того: есть основанія думать, что они прибыли въ Моравію съ священными и богослужебными книгами на славянскомъ языкѣ. Такимъ образомъ, славянская азбука была изобрѣтена Кирилломъ (приписывается она одному Кириллу) до отъѣзда въ Моравію; когда же именно было сдѣлано это великое открытіе, для исторіи остается невыясненнымъ. Славянскій языкъ Кирилль могъ знать съ ранняго дѣтства, если даже онъ по происхожденію не былъ самъ славянинъ, такъ какъ жители Солуни хорошо владѣли славянскимъ языкомъ.

Но на какой изъ славянскихъ языковъ или нарѣчій были переведены первоначально Кирилломъ и Меодиємъ первыя священныя и богослужебныя книги? Что это былъ за „языкъ словѣнскъ“, въ которому впервые были примѣнены буквы славянской азбуки и который легъ въ основу всего славянскаго алфавита? На этотъ вопросъ дать опредѣленный отвѣтъ наукѣ опять-таки не удалось. Общая сводка мнѣній въ этомъ отношеніи даетъ слѣдующее: въ то

время у славянъ, исторія которыхъ не успѣла еще такъ рѣзко разойтись, какъ теперь, несомнѣнно отдѣльные славянскіе нарѣчія и языки имѣли много общаго, и можно даже думать, что существовалъ какой-то общій діалектъ, одинаково понятный всѣмъ славянскимъ племенамъ и примѣненный именно славянскими апостолами въ переводу богослужебныхъ книгъ. „Добровольскій“, — читаемъ мы въ обстоятельной статьѣ въ Энциклопедическомъ Словарѣ Брокгауза о Кириллѣ и Меодіи, признавалъ его „за старый, еще безъ всякой примѣси, сербо-болгаро-македонскій діалектъ“. Копитаръ думалъ, что жившее на югѣ отъ Дуная большое славянское племя было раздѣлено пришедшими сербо-хорватами на двѣ половины—славянъ болгарскихъ и паннонскихъ, и что св. Писаніе было переведено на языкъ паннонцевъ (нынѣшніе хорутанскіе славяне, иначе винды). Шафарикъ утверждаетъ, что Кириллъ и Меодій пользовались болгарскимъ нарѣчіемъ, которое они изучили въ Солуни и которое было въ ходу въ теперешней Румыніи, Валахіи, Венгріи и Семиградіи. Позже онъ измѣнилъ свое мнѣніе и доказывалъ, что переводъ св. Писанія былъ совершенъ Кирилломъ и Меодіемъ во владѣніяхъ кн. Коцела, при участіи туземцевъ, слѣдовательно, на языкъ паннонскихъ славянъ, который былъ переходнымъ отъ старо-болгарскаго къ словенскому (виндскому) и назывался старо-славянскимъ“...

Но на какомъ бы изъ славянскихъ языковъ, Кириллъ ни остановился, онъ удачно выполнилъ свою задачу, и его азбука находитъ себѣ примѣненіе, какъ мы видѣли, не только на территоріи огромнаго нашего отечества, но и у дѣлаго ряда южныхъ славянскихъ племенъ.

Изобрѣтеніе славянской азбуки было совершено, вѣроятно, лѣтъ за сто до введенія христіанской вѣры Владиміромъ Святымъ въ русскую землѣ. Но въ противоположность другимъ славянамъ русскіе были знакомы съ письменностью еще въ до-христіанскій періодъ. Такъ, въ договорѣ Олега съ греками упоминается о письменныхъ завѣщаніяхъ въ Россіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „аще ли створить обряженъе, таковый возьметъ упряженное его; кому будетъ писалъ наследити имѣнъе, да наследитъ е“. Достаточно вѣское указаніе относительно знакомства русскіхъ славянъ до-христіанскаго періода съ письменностью имѣется и въ договорѣ Игоря съ греками въ слѣдующихъ строкахъ: „нынѣ же увѣдѣлъ естъ князь вашъ послати грамоту ко царству нашему (греческому): иже посылаема бывають отъ нихъ сли и гостіе, да приносятъ грамоту, пишуче сице“... То же подтверждаютъ и арабскіе писатели X вѣка... Но что это были за письмена, установить не удалось. Возможно, что то былъ руническій алфавитъ, запесенный варяжскими князьями и ихъ дружиной со скандинавскаго полуострова. Правдоподобность такого предположенія становится тѣмъ большею, что не имѣется никакихъ слѣдовъ употребленія русскими славянами письменныхъ знаковъ до призванія варяговъ.

Но тѣ формы письменности, которыя были распространены среди русскіхъ славянъ въ до-христіанскій періодъ, были быстро вытѣснены болѣе совершенной славянской азбукой, принесенной вмѣстѣ съ богослужебными книгами. Исторію этой азбуки на русской почвѣ вскрываетъ наша палеографія, которая двинулась сколько-нибудь впередъ лишь за самое послѣднее время. Мы уже видѣли, какую выдающуюся роль сыграла палеографія въ исторіи другихъ алфавитовъ, а потому, полагаемъ, не безполезнымъ будетъ привести здѣсь главнѣйшіе выводы и замѣчанія русской палеографіи относительно матеріальной обстановки нашей древней письменности. „Въ древней Руси“, — читаемъ мы въ статьѣ Н. Тупикова, — различались: 1) книги (мн. ч.) въ томъ значеніи, какъ у насъ. Форматъ большею частью зависѣлъ отъ употребленія книги и размѣра ея. Такъ, напрестольныя евангелія домашняго употребленія въ четверку; большой форматъ находимъ въ такихъ обширныхъ книгахъ, какъ полная Библія арх. Геннадія, Минеи митр. Макарія, разные прологи. Сейчасъ же по написаніи книга переплеталась въ прочный переплетъ съ застѣжками или завасками, чтобы она не

воробилась. Переплетъ часто обтягивался шелковой матеріей, украшался металлическими бляхами, золотомъ, серебромъ и даже драгоценными камнями (напр., напрестольныя евангелія. 2) Свитокъ, т. е. листъ, свернутый въ трубку. До XV в. ни одного свитка не сохранилось, хотя указанія на употребленіе ихъ есть. Позже свитковъ находимъ много, но это уже дѣловые бумаги. 3) Грамота въ значеніи небольшого письменнаго произведенія (такъ, Владиміръ Мономахъ называетъ свою духовную грамотицею). Писались онѣ на одномъ листѣ или на нѣсколькихъ сшитыхъ вмѣстѣ, при чемъ текстъ занималъ только одну сторону. Позже, склеивая листы бумаги, получали такъ называемые столбцы (столпъ), достигавшіе весьма значительной длины. Напр., столпъ, на которомъ написано Уложеніе, занимаетъ 434 арш. длины. Уже съ XVI в. столбцы стали замѣнять, вслѣдствіе ихъ неудобства книгами, напр., судебникъ Іоанна III. При Петрѣ Великомъ эта замѣна сдѣлана обязательной. Древнѣйшимъ матеріаломъ для писанія былъ пергаментъ. Въ Москвѣ до XVII в. вмѣсто слово пергаментъ употреблялись слова: кожа, телятина и хартия или харатья (откуда харатейная рукопись). Въ XIV в. пергаментъ былъ еще въ полномъ употребленіи и бумага идетъ, главнымъ образомъ, на грамоты и вообще на разные документы (договорная Симеона Гордаго съ братьями 1340 г.; духовныя Симеона Гордаго и Ивана Ивановича), но во второй половинѣ XV в. уже господствуетъ бумага, хотя пергаментъ еще не исчезаетъ и переходитъ въ XVI и XVII в., употребляясь въ рѣдкихъ случаяхъ: въ роскошныхъ книгахъ, въ важнѣйшихъ царскихъ и королевскихъ грамотахъ. Бумага снабжалась водяными знаками, которые также помогали опредѣлять время происхожденія рукописи. Кромѣ бумаги и пергамента употреблялись еще и другіе матеріалы: 1) береста, на которой, между прочимъ, писалъ св. Сергій и его первые ученики (вѣроятно самая кора); въ XVIII в. раскольники на сѣверѣ употребляли верхній высушенный покровъ коры; 2) лубъ (упоминается въ документахъ XV в.); 3) доски, повидимому, только для частныхъ документовъ (вродѣ теперешнихъ векселей). Чернила, какъ предполагается, были металлическаго состава. Кромѣ нихъ, для заглавныхъ буквъ, записей, заставокъ употребляли красную краску—киноварь, привозимую сперва изъ Греціи, позже съ Запада. Въ тѣхъ же случаяхъ употребляли золото: въ старинныхъ памятникахъ крайне рѣдко; съ конца XIV в., особенно въ XV и XVII в. чаще. Въ одномъ памятникѣ—служебникѣ Варлаама Хутынскаго — заглавныя строки и буквы написаны серебромъ. Для заставокъ и разрисовки бумаги прибѣгали къ помощи разныхъ красокъ: желтой, зеленой, голубой и фіолетовой. Цѣликомъ киноварью или золотомъ рукописи писались крайне рѣдко... Приступивъ къ списыванію, писецъ, прежде всего, линовалъ писчій матеріалъ: сперва проводились черты сверху внизъ по обоямъ краямъ, а затѣмъ уже поперечныя линіи на равномъ одна отъ другой разстояніи. Для линованія пергамента употреблялось какое-то тупое металлическое орудіе, сразу выдавливавшее строчки на всѣхъ восьми листахъ тетради. На бумагѣ линейки дѣлались, вѣроятно, свинцовымъ карандашомъ, слегка окрашивавшимъ бумагу... Орудіемъ для писанія служило гусиное, рѣдко павье перо“...

Таковы матерьялы, при помощи которыхъ создавались русскіе рукописные памятники. Въ нихъ, какъ видимъ, нѣтъ ничего такого, что могло бы отразиться на развитіи формъ отдѣльныхъ буквъ алфавита. Такимъ образомъ, приспособленіе славянскаго алфавита къ русскимъ условіямъ происходило только въ силу внутреннихъ требованій языка. Посмотримъ, въ чемъ же это приспособленіе сказалось.

Итакъ, то, что нынѣ называется русской азбукой, является болѣе или мѣнѣе значительнымъ измѣненіемъ азбуки славянской. Дѣло, кажется, поставлено ясно и просто, но только до тѣхъ поръ, пока не вспомнимъ, что славянскихъ азбукъ имѣется не одна, а двѣ: кириллица и глаголица.

Кириллица, какъ это признано за достовѣрное новѣйшими изслѣдованіями, приспособлена путемъ незначительныхъ измѣненій изъ греческаго алфавита. Но это былъ не тотъ алфавитъ, которымъ пользовались греки въ IX вѣкѣ, когда была изобрѣтена славянская азбука, а такъ называемый древній литургическій уставъ, который употреблялся въ богослужебныхъ греческихъ книгахъ. Передъ изобрѣтателемъ славянской азбуки такимъ образомъ стояла задача лишь дополнить древній греческій литургическій алфавитъ тѣми звуками, которые были въ славянскихъ языкахъ и которыхъ не встрѣчалось въ греческомъ. Для таковыхъ звуковъ были изображены слѣдующія буквы: ѿ, ѿ, ѿ, **А**, **Ѧ**, ч, ц, ш. Изъ нихъ ш заимствована изъ еврейскаго алфавита, а остальные или изъ группъ греческихъ буквъ или изъ отдѣльныхъ сильно измѣненныхъ тѣхъ же греческихъ буквъ.

Другая славянская азбука, — глаголица, — состоитъ изъ 40 буквъ, расположенныхъ въ такомъ же порядкѣ, какъ въ кириллицѣ. Глаголица имѣетъ для своихъ буквъ совершенно иное начертаніе; кромѣ того, въ кириллицѣ есть нѣсколько такихъ буквъ, которыя отсутствуютъ въ глаголицѣ, и обратно. Начертанія глаголицы настолько своеобразны и настолько отличаются отъ начертаній кириллицы, что многие писатели ищутъ происхожденія глаголицы въ совершенно иныхъ источникахъ, чѣмъ это имѣетъ мѣсто для кириллицы. Такъ, „Гейтлеръ выводитъ глаголическія начертанія изъ албанскихъ; Григоровичъ указываетъ на ихъ арабское происхожденіе; Вс. Миллеръ считаетъ сассанидскую (зендскую) азбуку первообразомъ для знаковъ добавочныхъ противъ греческой азбуки; наконецъ, Тайлоръ и Ягичъ выводятъ глаголицу, и притомъ всѣ ея буквы, изъ греческаго алфавита, но не изъ унциаловъ, а изъ скорописи, курсива VIII и IX вв.“ (И. Лось).

Какая же изъ этихъ двухъ славянскихъ азбукъ является болѣе древней и была изобрѣтена Кирилломъ? На эти вопросы русская палеографія твердаго отвѣта до сихъ поръ дать не сумѣла. Въ самомъ дѣлѣ, есть, по крайней мѣрѣ, два рѣзко противоположныхъ мнѣнія, имѣющихъ за собой крупныя ученые авторитеты. Одно изъ этихъ мнѣній утверждаетъ, что Кириллъ изобрѣлъ кириллицу, а его ученикъ, св. Климентъ, — глаголицу; другое мнѣніе, поддерживаемое такимъ выдающимся ученымъ, какъ Шафарикъ, утверждаетъ, что какъ разъ наоборотъ, св. Кириллъ изобрѣлъ глаголицу, а св. Климентъ — кириллицу. Последнее мнѣніе является болѣе правдоподобнымъ, такъ какъ кириллица имѣетъ болѣе упрощенный и совершенный видъ.

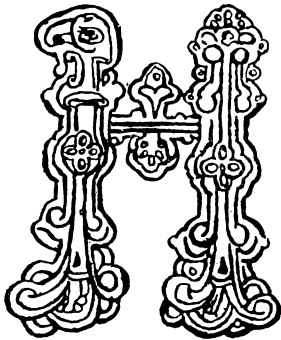
Но какъ бы тамъ ни было, ту и другую изъ славянскихъ азбукъ ожидали различныя жизненные пути и различныя участи. Глаголицѣ не суждено было сыграть въ жизни человѣчества сколько-нибудь выдающуюся роль. Отвѣстельно ея исторію можно считать прочно установленными слѣдующіе факты. „Она стала распространяться не позже кириллицы, и при томъ не только у южныхъ, но и у западныхъ христіанскихъ славянъ, такъ какъ намъ извѣстны глаголическія рукописи, по языку древнѣе кирилловскихъ, обнаруживающія южно-славянскую и чешскую редакцію. Затѣмъ несомнѣнно, что глаголица на югѣ, въ православныхъ

Ѡ (1) а (1); Ѣ (2) б;
 Ѥ (3) в (2); Ѧ (4) г (3); ѧ (5) д (4); э (6) е (5);
 Ѩ (7) ж; ѩ (8) з или Ѫ (6); ѫ (9) з (7); Ѭ или Ѯ
 Ѱ (10) і (10); ѱ (20) н (8); Ѳ (30) сербск. ѧ;
 ѳ (40) к (20); Ѵ (50) л (30); Ѷ (60); ѷ (40);
 Ѹ (70) н (50); э (80) о (70); Ѻ (90) п (80);
 ѻ (100) р (100); Ѽ (200) с (200); ѽ (300) т (300);
 ѿ (400) оу или ѿ (400); ѿ или ѿ (500) ф (500);
 ѿ (600) к (600); ѿ (700) ѿ (800); ѿ (800) ѿ;
 ѿ (900) ѿ (900); ѿ (1000) ѿ (90); ш кирил.
 тоже ш; ѿ, ѿ, ѿ ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ, ѿ,
 ѿ, ѿ (900); ѿѿ, ѿѿ, ѿѿ, ѿѿ, ѿѿ, ѿѿ;
 ѿѿ (60); кирил. ѿѿ (700) ѿѿ (500) ѿѿ (9);
 ѿѿ, кирил. ѿѿ (400);

Глаголица.

странахъ, совершенно вышла изъ употребленія, хотя нѣкоторое время она употреблялась вмѣстѣ съ кириллицей. Въ католическихъ странахъ глаголицу постигла не вездѣ одинаковая участь: въ Чехіи ее совершенно вытѣснилъ латинскій алфавитъ, и попытки ввести ее обратно въ XIV в. не привели почти ни къ какимъ результатамъ. Напротивъ того въ Хорватіи и въ Далмаціи глаголица долго отстаивала свое существованіе; тамъ борьба между нею и латинскимъ алфавитомъ длилась до конца XVIII в. и даже теперь ея традиція живетъ среди народа, такъ что папа Левъ XIII вновь позволилъ печатать глаголическія богослужебныя книги“ (И. Лось).

Кириллица, напротивъ, вошла вмѣстѣ съ христіанствомъ въ русскую жизнь и пустила здѣсь глубокіе корни. На ней были написаны первые древнѣйшіе памятники русской литературы и письменности, какъ Остромирово Евангеліе, Изборники Святослава и т. д. Безъ сколько нибудь существенныхъ измѣненій она просуществовала до Петра Великаго. Это „кирилловское письмо имѣетъ три главныхъ типа: уставъ, полу-уставъ, скоропись. Древнѣйшій изъ нихъ, уставъ, веду-

СКОННБЪ СЛОКО
НСЛОВЪ БОТЪ
БѢ НБЪ БЪ
СЛОВѢ СЕБЪ
НСКОННОУ

1 Уставъ XI в. (Остромирово Евангеліе 1056 г.)

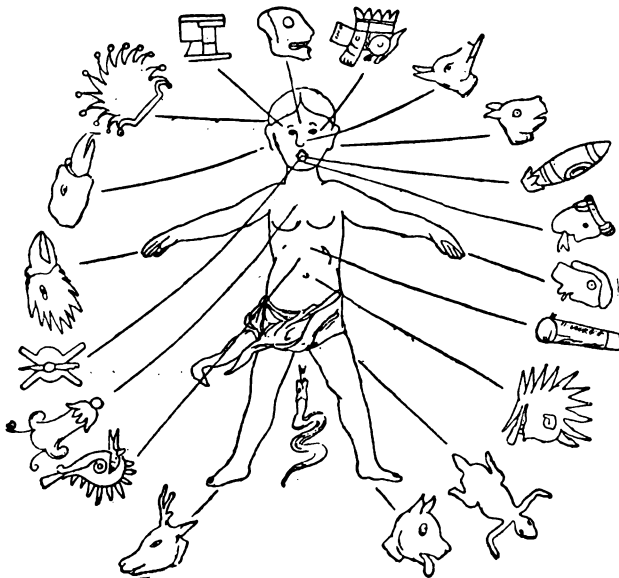
позднѣйшаго XV—XVII в., собственно говоря, крупнаго полуустава. Въ древнѣйшихъ рукописяхъ ширина буквъ мало отличается отъ вышины; съ конца XIII в. буквы устава дѣлаются оолѣе узкими, прижимаются одна къ другой. Очень рѣдко у насъ встрѣчается уставъ, такъ называемаго молдавско-валахскаго типа, гдѣ толстыя черты буквъ пишутся особенно толсто, а тонкія черты частью пишутся толсто. Съ появленіемъ въ XVI в. печатныхъ книгъ писцы XVII в., подражая ихъ шрифту, вылатому по образцу полуустава, пишутъ „книжнымъ письмомъ“, которымъ въ XVIII в. и теперь пользуются раскольники. Со второй половины XIV в. въ грамотахъ, такъ и въ книгахъ начинаетъ появляться полууставъ. Здѣсь вмѣсто правильныхъ чертъ устава находимъ линіи болѣе или менѣе неправильныя и вмѣсто угловъ закругленія. Полууставъ, находящійся въ грамотахъ, близко подходит къ скорописи. Въ XV в. полууставъ вполнѣ обыченъ и бываетъ сходнымъ или съ южно-славянскимъ, или съ чисто-русскимъ. Въ XVI и XVII вв. онъ сохраняется наряду съ скорописью. Третій видъ письма-скорописи встрѣчается уже въ нѣкоторыхъ грамотахъ XIV, въ книгахъ съ конца XV в. Характерныя черты ея: малый размѣръ буквъ, соединеніе ихъ между собой, крючковатость нѣкоторыхъ изъ нихъ. Въ дѣловыхъ бумагахъ XVI и XVII вв. почти исключительно употреблялась скоропись двухъ типовъ: 1) обыкновенно сѣверно-русская; 2) юго-западно-русская, отличающаяся нѣкоторою косостью буквъ и ихъ латино-нѣмецкимъ пошибомъ“ (Н. Тупиковъ).

Петръ Великій не оставилъ въ покоѣ и кириллицу, которая приняла при немъ почти современный типъ, при чемъ кириллица осталась принадлежностью

церковныхъ книгъ и извѣстна теперь подъ именемъ церковно-славянской азбуки. Петръ Великій во время своихъ путешествій по Западной Европѣ привыкъ къ латинскому шрифту, который ему казался и красивѣе, и удобнѣе нашей кириллицы. Онъ поручилъ кому то приспособить кириллицу къ новымъ, указаннымъ имъ условіямъ. И вотъ въ 1707 г. въ Петербургъ прибылъ изъ Голландіи словолитецъ Антошъ Демей, который привезъ съ собою „новоизобрѣтенныхъ русскихъ литеръ три азбуки съ пунсонами, матрицами и формами, да два стана на ходу со всякимъ управленіемъ“. Въ новомъ шрифтѣ Петра Великаго исключено восемь буквъ, наименѣе употребляемыхъ, а остальнымъ придано то начертаніе, которое они за малымъ исключеніемъ, имѣютъ въ настоящее время. Уже въ 1708 г. въ Москвѣ было напечатано три книги этимъ гражданскимъ шрифтомъ, или этою „гражданкой“. Въ ближайшіе годы при Петрѣ Великомъ было предпринято еще нѣсколько второстепенныхъ измѣненій въ нашей азбукѣ. Несмотря на то, что при введеніи „гражданки“ преобразователями было обращено вниманіе исключительно лишь на формы буквъ (упрощеніе ихъ, округленіе, сближеніе съ латинскими буквами), а звуковыя особенности языка не были учтены, культурное значеніе гражданской азбуки огромно, такъ какъ „введеніе ея“, по удостовѣренію одного выдающаго специалиста, — „составляло первый шагъ къ созданію народно-русскаго письменнаго языка“.

Послѣ Петра Великаго измѣненія въ нашей азбукѣ носили лишь второстепенный характеръ. Такъ мало по малу была введена буква ц, і, возвращена э. Послѣднимъ актомъ въ жизни русскаго алфавита является введеніе е, которое обязано своимъ существованіемъ Карамзину.

Такова въ общихъ чертахъ исторія русскаго алфавита.

Условные знаки мексиканскихъ индѣйцевъ, служившіе для письменнаго обозначенія различныхъ частей человѣческаго тѣла (или же, быть можетъ, ихъ заболѣванія); изображеніе черепа обозначало лобъ; домъ обозначалъ правый глазъ; дождь—лѣвый глазъ; вода—волосы; собака—носъ; орель—правое ухо; кроликъ—лѣвое ухо; кремль—зубы; солнце—языкъ; коршунъ—правая рука; душой человѣкъ—губы; обезьяна—лѣвая рука; цвѣтокъ—грудь; тростникъ—сердце; чудовище—внутренности, кишечникъ; тигръ—желудокъ; ящерица—бедря; олень—правая нога; волкъ—лѣвая нога; змѣя—половой органъ.

Содержаніе.

	СТР.
Глава I. Введеніе	1
> II. Основы алфавита	8
> III. Памятки и письма-рисунки	13
а) Мнемоническая стадія	14
б) Пикторальная стадія	18
в) Идеографическая стадія	25
г) Фонетическая стадія	28
> IV. Китайскія, японскія и корейскія письма	29
> V. Клинообразное письмо	31
> VI. Египетскіе гіероглифы	39
> VII. Розеттскій камень	46
> VIII. Египетское письмо въ его отношеніи къ другимъ письмамъ	48
> IX. Критскія и родственныя имъ письма	55
> X. Греческіе папирусы: распространеніе финикійскаго алфавита	69
а) Арамейскій алфавитъ	71
б) Сабейская группа	73
в) Эллинская группа	73
> XI. Руны и огамы	75

Приложеніе.

(Состав. А. А. Николаевъ).

Изъ исторіи нашей азбуки	77
------------------------------------	----

---

12 кн.

Библиотека для саморазвитія.

М. Нордау. Психо-физиология гонія и таланта.—Г. Спенсер. Личность и государство.—Эд. Гартман. Крушение христіанства и религія будущаго. Проф. Крак. Эстетика и критика.—Проф. Франсэ. Философія естествознанія.—В. Вельше. Новая книга бытія (науч. Библия).—Проф. Клод. Эволюція человечества в письменах.—Проф. Зиммель. Проблемы философіи исторіи.—М. Пуансо. Основатели социальн. школы литературы. Гюго, Золя, Буржэ, Бр. Рони.—Проф. Гейкен. Исторія первых вѣков христіанства.—Проф. Санъе. Борьба за народовластіе.—Р. Петручи. Сравнительная социологія. Биологич. основы собственности.

Объ эти серіи по прежнему будут богато иллюстрированы и на качество переводов Редакція обратит особое вниманіе.

12 кн.

Народный Университет

Съ раскраш. и черн. кар. для волшебн. фон. и рис. въ текстѣ.

для публичных лекцій, чтеній в семьѣ и школѣ и для самообразованія: **ИСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ:** Ист. рус. народа (4 лек.)—Женщина и женск. вопрос в рус. литер. (4 лек.) Вѣх революцій в Англии.—Борцы за свободу мысли и совѣсти.—**ПРАВО ВЪДѢНІЕ:** Юридическая безпомощность народа.—Ужас беззаконія.—**ПОЛИТИЧ. ЭКОН., СОЦИОЛОГІЯ И ФИНАНС. ПРАВО:** Деньги и роль их в государ. хозяйствѣ (2 лек.)—Потребит., производт., кредит. товарищества (3 лек.)—**АСТРОНОМІЯ, ГЕОЛОГІЯ, МАТЕМАТИКА, ФИЗИКА:** Древность земли.—Образованіе звѣзд.—Тайны чисел.—Откуда берет чело. энергію и куда она уходит (2 лек.)—**ФИЛОСОФІЯ, БІОЛОГІЯ:** Философія бытія (Душа, матерія и жизн. сила. О жизни и ея происх. Смерть и безсмертіе 2 лек.)—**ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ, ГЕОГРАФІЯ, НАРОДОВЪДѢНІЕ:** В чуж. краях.—Знаменитыя путешественія (2 лек.)—**ВЕЛИКІЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ (2 лек.)—ПРИКЛАДНЫЯ ЗНАНІЯ, ПЕДАГОГИКА И МЕДИЦИНА.** Руков. и развед. плодов. сада.—Руков. к изуч. природы и сбор. коллекцій.—Домашній лѣчебник.—Новая методика преподаванія грамотности.—Руководство бухгалтеріи.—Всего бол. 30 лекцій и 5 руководств. Всѣ лекціи иллюстрированы. Больш. ч. статей нанис. рус. учеными и литераторами, сотруд. „Вѣстн. Зн.“

на Нар. Унив.

допускается и отдѣльн. подп. 4 р. в г.; без пересылки 3 руб. 50 коп. Для народн. учит. 3 р., без перес. 2 р. 50 к.

12 №.

ESPERO ————— Международный Журнал

4 р.
в год за
границу
10 фр.

для
подписч.
„Вѣстн. Зн.“
бесплатно.

науки и жизни, на двухъ языках—эсперанто и русск. Центр. орг. рус. эсперантистов. Подп. цѣна на «Вѣстн. Зн.» со всѣми прилож. (всего 48 кн.) в год и 12 вып. Межд. журнала 7 р. без перес., 8 р. с перес., за гран. 11 р. Разсрочка: 3 р. при подп., 1 апр. 2 р., 1 июня 2 р., 1 сент. 1 р.

С.-Петербург, Невскій пр., 147. Глав. конт. изд.
„Вѣстника Знанія“.

Подписка на шестой, 1908 г. изданія журнала

для всесторонняго образованія

Вѣстникъ Знаний

48 кн.
8 р.
безъ
перес.
7 р.

Ред.-Изд. В. В. Битнеръ

Послѣ пяти трудныхъ лѣтъ существованія «Вѣстн. Зн.» является уже старымъ журналомъ. Имѣя в виду лицъ, ищущ. образов., «Вѣст. Зн.» в отличіе от др. «толстыхъ» жур., гл. вним. удѣляетъ **НАУКѢ** и знакомитъ с нов. теч. в литературѣ и искусствѣ и с политич. дѣйствительностью, беллетристику же став. на второй план. О прогрессивно-демократ. направл. и **виѣдартійности** «В. З.» свидѣтельств. стар. и вновь приглашен. сотрудн.: А. Амфитеатров, проф. Аничков, К. Варзих, Бельмонт, Берлин, доц. Ник. Бернштейн, ак. Бехтерев, В. Битнер, проф. Бороздин, Борскій, Бразоленко, Л. Василевскій, С. Васюков, пр.-доц. Б. Вейнберг, Юр. Веселовскій, д-р Вигдорчик, проф. В. В., Генкель, Н. Ге, проф. Гамбаров, С. Гузиков, пр.-доц. Давыдов, Звѣздич, проф. Ивановскій, проф. Исаев, Н. Юрданскій, д-р Канель, проф. Макс. Ковалевскій, проф. П. Ковалевскій, инж. Ковалев, А. Котельников, Н. Коробка, пр.-доц. Корепчевскій, проф. Кулагин, пр.-доц. Курчинскій, П. Конрадн, пр. Э. Лестафт, С. Лозинскій, Н. А. Морозов, Вас. Немирович-Данченко, А. Николаев, Александр Новиков, проф. Озеров, П. Орловец, П. Пильскій, д-р Покровская, А. и В. Португаловы, В. Поссе, Н. Поярков, А. Радциг, Н. Рубакин, Рускин, проф. Саткевич, прив.-доц. Тимофеев, В. Тотоміанц, Фаресов, В. Фриче, проф. И. Холоняк, д-р Шейнис, проф. Шукин, пр.-доц. Яцимирскій.

«Вѣст. Зн.» единств. жур., находящійся в тѣсномъ общеніи с подписчиками, составляющ. **идейную семью**: члены ея переписываются между собою и редак., помогаютъ др. другу словомъ и дѣломъ и идутъ к общ. цѣли «учиться и учить другихъ». Этой задачѣ посвящ. в «Вѣстн. Зн.» отд. «**ВЗАИМОПОЩЬ**» с подотдѣлами: **Шолодежи, Спери, вопр. жизни и нравств., Научн. переписка и Отвѣты Редак. (юридич., медиц., образоват. и др.)**. Кромѣ статей текущ. и принцип.-руковод. характ., в «В. Зн.» будетъ помѣщ. с особ. номер. стр. «**Эволюція музыки с культур.-истор. точки зрѣнія**» доц. Ник. Бернштейна (иллюстр.) и «**Современные юмористы**» с каррикатур., портр. и пр., а в 36 кн. прилож. для самообраз., расширенія духов, горизонта и распростр. знаний в массѣ:

12 кн.

Библиотека
  систематическаго знанія.

Проф. Шмейль. **Полный курс зоологіи въ 3 ч.**: ч. I. Млекопитающія, ч. II. Птицы, пресмыкающ., земнов., рыбы, ч. III. Безпозвоночья.—Проф. Лео—проф. Холоняк (ред.) **Исторія римск. литературы**,—Проф. Лесан. **Основы математики**. Ариф. алгебра, геом., высш. матем.—Акад. Лавис и ак. Рамбо. **ИСТОРИЯ СЛАВЯН**, в 2 ч. Гл. сотруд. профессора: С. Новакович, Е. Дени, А. Мале, Л. Лежер, А. Вандаль, Е. Оман, А. Мишель, Р. Роллан и др. С прилож. „Первые славяне“ проф. Нидерле.—Проф. Пикар. **Основы права**.—Проф. Циглер. **Педагогика**.—Проф. П. Бэльдунн. **Психологія сравнит., физиологич., экспериментальная, педагогич. и социальная**.—Проф. Ведекинд. **Лекціи органич. химии**.—Проф. Кернс. **Методологія политической экономіи (или другос сочиненіе в той же области)**.